

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Тема номера:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКИЕ
МИФЫ УКРАИНЫ

2022/ № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала

«Вестник Московского государственного областного университета:

Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д-р ист. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волбуев О. В. – д-р ист. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – д-р полит. наук, доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. – д-р ист. наук, проф., МГОУ;

Журавлев В. В. – д-р ист. наук, проф., МГОУ;

Захаров В. Н. – д-р ист. наук, проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. – д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д-р ист. наук, проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. – д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. – д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. – д-р ист. наук, проф., МГОУ

Штоль В. В. – д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Московского государственного областного университета (www.istpolitmgou.ru); www.vestnik-mgou.ru.

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2022. – № 4. – 144 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal "Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences"**
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., MRSU
Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU

V.V. Stol' –The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the Moscow Region State University" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2022. – no. 4. – 144 p.

© MRSU, 2022.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии. 6

ТЕМА НОМЕРА:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ УКРАИНЫ

- Багдасарян В. Э.* Антироссийские исторические мифы как матрица идеологического строительства на Украине: нарративы национальной истории. 7
- Волобуев О. В.* Новороссия или вековечные украинские земли? Северное Причерноморье и Приазовье в XVII–XVIII вв. в трактовке украинских учебников 19
- Фукс А. Н., Ковригин В. В.* Концепции генезиса Древнерусского государства в учебниках истории Украины 27

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Иерусалимский Ю. Ю.* Деятельность благотворительных организаций Ярославской епархии Русской православной церкви во второй половине XIX в. 32
- Сыздальцев И. А.* Нужна ли была большевикам мировая революция? 39

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Прохватилев И. В.* Численность объединённого войска крестоносцев в Вендском походе 1147 г. 51
- Макеева С. Б.* Историко-демографические аспекты эволюции регионального неравенства КНР 65

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Михаленков В. А.* Крестьянский вопрос в 1-й половине XIX в.: современные подходы к оценке и их отражение в школьных учебниках истории 73
- Егоров Д. И.* Историзация метамодернизма. 82

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Волгин Е. И.* Проблема департизации как фактор политического давления на КППФ в 1990-е гг. 91
- Кирчанов М. В.* Юбилей республик как форма исторической политики в тюркских регионах России в конце 2010-х – начале 2020-х гг. 104
- Хорбаладзе Э. Л.* Концепция «Большая Евразия» как модель сетевого трансрегионализма. . 117
- Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л.* Война в горизонте «понятия политического» (К. Шмитт) и «бессилия политики» (Х. Хофмайстер) 124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Телицын В. Л.* Рецензия на книгу: Мотревич В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2021. 700 с. 139

CONTENT

Editor's Column 6

THEME OF THE ISSUE: HISTORY POLITICS AND HISTORICAL MYTHS OF UKRAINE

V. Baghdasaryan. Anti-Russian Historical Myths as a Matrix of Ideological Construction in Ukraine: Narratives of National History 7
O. Volobuev. Novorossiia or the Eternal Ukrainian Lands? The Northern Black Sea Region and the Azov Sea in the 17th–18th Centuries in the Interpretation of Ukrainian Textbooks 19
A. Fuks, V. Kovrigin. Concepts of the Genesis of the Ancient Russian State in the History Textbooks of Ukraine. 27

DOMESTIC HISTORY

Yu. Ierusalimsky. Activities of Charitable Organizations of the Yaroslavl Diocese of the Russian Orthodox Church in the Second Half of the XIX Century 32
I. Suzdaltsev. Did the Bolsheviks Need a World Revolution? 39

WORLD HISTORY

I. Prokhvatilov. The Number of the United Army of the Crusaders in the Wendish Military Campaign of 1147 51
S. Makeeva. Historical and Demographic Aspects of the Evolution of Regional Inequality of the People's Republic of China. 65

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

V. Mikhalenikov. The Peasant Question in the First Half of the 19th Century: Modern Approaches to Its Assessment and Their Reflection in School History Books 73
D. Yegorov. Historicization of Metamodernism 82

POLITICAL SCIENCE

E. Volgin. The Problem of Departization as a Factor of Political Pressure on the Communist Party in 1990s 91
M. Kyrchanov. Anniversaries of Republics as a Form of Historical Politics in the Turkic Regions of Russia in the Late 2010s and Early 2020s 104
E. Khorbaladze. The Concept of Greater Eurasia as a Model of Network Trans-Regionalism ... 117
K. Maltsev, A. Maltseva, L. Lomako. War in the Horizon of «The Concept of the Political» (C. Schmitt) and «The Impotence of Politics» (H. Hofmeister). 124

ACADEMIC LIFE

V. Telitsyn. Book Review: Motrevich V. P. Contribution to Victory: Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. Ekaterinburg: Alfa Print Universal Printing House LLC, 2021. 700 p. . . 139

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В публикациях «Вестника Московского государственного университета» («Вестник МГОУ») мы не раз обращались к проблематике исторической политики (или политики памяти). Обнаруживалась тесная связь между историей и идеологией. История проявляла себя как обоюдоострое оружие. С её помощью оказывалось возможным укрепить социум, провести его демонтаж или переконструировать идентичность. Такое переконструирование идентичностей с помощью истории наблюдалось на Украине. Притчей во языцех стали украинские учебники истории. Их авторов первоначально обвиняли в крайнем непрофессионализме, смеялись над ними. Потом, когда уже историческая политика трансформировалась в политику национальную, стало не до смеха. Пролилась кровь...

А начиналось всё именно с украинских учебников истории. Посредством учебной литературы режим легитимизировал национальное государство. А как быть, если реальных оснований для него не существует и связываемая с ним общность цивилизационно расколота? Вот тут-то и возникает заказ на конструирование национального прошлого. Надо было создать ретроспективу, как можно более «удревлённую». Но главное – это создание образа исторического врага. И

этот образ в украинском историческом нарративе был закреплён за Россией.

С 2014 г. Украина погрузилась в пучину гражданской войны. В ней друг другу противостояли те, кто считал себя идейными преемниками Степана Бандеры и молодогвардейцев. В 2022 г. конфликт вышел на новый уровень.

А исходно всё начиналось с ревизии истории.

Осознавая значение фактора истории в политических процессах на Украине и вокруг Украины, редакция «Вестника МГОУ» приняла решение посвятить выпуск журнала обсуждению проблемы современного украинского исторического мифотворчества. Анализ продуцируемых исторических мифов выводит на понимание идеологической сущности украинского политического режима.

Если через историю был разожжён конфликт на Украине, то и погасить его будет возможно также через историю. Принципиально важно выработать концептуальные основы того, что противопоставит Россия в видении исторического процесса украинской исторической пропаганде. Борьба за Украину в этом отношении предстоит не только на полях сражений, но и в проекциях исторического сознания.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ УКРАИНЫ

УДК 93

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-7-18

АНТИРОССИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ КАК МАТРИЦА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА УКРАИНЕ: НАРРАТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Багдасарян В. Э.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Реконструировать ключевые исторические мифы современной Украины и провести их критический анализ с позиций российской историографии.

Процедуры и методы. В исследовании применялась методология критики исторических мифов, разработанная и апробированная в рамках развития научной школы Московского Государственного областного университета.

Результаты. Восстановлена целостная канва репрезентации национальной истории Украины через призму исторической мифологии. Показана акцентированная антироссийская направленность формируемых на Украине исторических мифов и их преимущественная связь с идеологией украинского нацизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в образовательной и просветительской деятельности в целях противодействия антироссийской исторической пропаганде, а также на практике при решении задач денацификации Украины.

Ключевые слова: историческая пропаганда, исторические мифы, мифологемы, Украина, украинцы, нацизм, Россия, русские, войны памяти

ANTI-RUSSIAN HISTORICAL MYTHS AS A MATRIX OF IDEOLOGICAL CONSTRUCTION IN UKRAINE: NARRATIVES OF NATIONAL HISTORY

V. Baghdasaryan

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To reconstruct the key historical myths of modern Ukraine and conduct their critical analysis from the standpoint of Russian historiography.

© CC BY Багдасарян В. Э., 2022.

Methodology. The study used the methodology of historical myths criticism, developed and tested within the framework of the development of the scientific school of the Moscow Region State University.

Results. An integral outline of the representation of the national history of Ukraine through the prism of historical mythology has been restored. The accentuated anti-Russian orientation of the historical myths formed in Ukraine and their predominant connection with the ideology of Ukrainian Nazism is shown.

Research implications. The materials of the presented study can be used in educational and teaching activities in order to counter anti-Russian historical propaganda. They can also be implemented into practice while solving the problems of denazification of Ukraine.

Keywords: historical propaganda, historical myths, mythologemes, Ukraine, Ukrainians, Nazism, Russia, Russians, memory wars

Введение

В мировой политике обнаруживается закономерность сопряжения происходящих политических событий с содержанием школьных учебников истории. Вначале на страницах учебников заявляется некая претензия в отношении прошлого, а затем она через определённое время проявляется в актуальной политике [4]. Так происходит, в частности, развёртка военных конфликтов. «Войны памяти» перерастают в войны вооружённых сил¹.

Известно, что с учебников истории начался раскол идентичностей на Украине, приведший через «цветные революции» к гражданской войне [21]. Первые партии учебников истории на Украине периода незалежности печатались в Канаде, отражая позиции украинской, преимущественно бандеровской, эмиграции. Новые распространяемые на государственном уровне подходы к интерпретации истории Украины продуцировали внутренние и внешние конфликты.

Конфликтные последствия вызывало: прославление украинских нацистов (Шухевича или Бандеры), оправдание

и возвеличивание коллаборационистов периода Великой Отечественной войны; представление России в качестве исторического врага Украины, обвинение её в отторжении в свою пользу украинских территорий, колониализме, политике русификации и геноцида; дискредитация советского прошлого как тоталитаризма, выдающихся достижений СССР и подвига советского народа в Великой Отечественной войне, представления русских на Украине как чужаков и агентов Империи («пятой колонны»).

История должна была послужить обоснованием создания национально-украинского государства. Ввиду того, что гражданской войны украинской нации не сложилось, новое историческое конструирование обосновывало фактически этнократическую модель государственности. В условиях Украины со значительной долей русского и русскоязычного населения к другим последствиям, кроме как к гражданской войне, такая историческая политика не могла привести.

Общей канвой исторического национал-строительства служили следующие положения:

1. украинская государственность имеет древние истории, уходящие в глубь античности;
2. украинское государство и украинский народ принадлежали к другой цивилизации, нежели Российское государство и русский народ;
3. суверенное государственное существование Украины было историче-

¹ Багдасарян В. Э. Войны памяти как войны историсофских матриц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 21–32; Головашина О. В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 43–52; Чураков Д. О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // *Преподавание военной истории в России и за рубежом*. М., 2018. С. 421–431.

ски прервано, и в этом главная трагедия украинского народа;

4. виновником десоверенизации Украины явилась Россия;

5. Украина стала жертвой русского колониализма, при котором происходила её русификация;

6. советский тоталитаризм был преемственен русскому колониализму;

7. попытки возрождения украинского национального государства в XX столетии дважды подавлялись Россией;

8. наиболее радикальным проявлением украинофобии явился голодомор – геноцид украинского народа;

9. свободный мир поддерживал Украину в её стремлении к свободе;

10. на современном этапе Украина не только отстаивает свой суверенитет в борьбе с Россией, но и является форпостом борьбы свободного мира против тоталитаризма и автократии.

Фактически посредством многолетних усилий сформирована матрица исторического сознания. Для противодействия связываемой с ней исторической пропагандой необходимо провести разбор положенных в её основание ключевых мифов [2].

К настоящему времени имеется достаточно обширная литература, посвящённая анализу феномена украинской исторической политики. В исследованиях показан генезис ряда украинских исторических мифов, раскрыты факты фальсификаций, связанности исторического мифотворчества с идеологией нацизма [7; 19]. Однако при этом целостной картины мифологизации истории на Украине в комплексном воссоздано в этих трудах не было. Представляемое исследование должно восполнить существующий историографический пробел.

В исследовании решается 2 основные задачи:

1. реконструкция матрицы антироссийских исторических мифов современной украинской пропагандой;

2. оценка реконструированных мифологем с позиций российской историографии.

Исследование опирается на методологический инструментарий, выработанный в МГОУ в рамках развития направления научной критики мифологизации истории [3; 5; 6].

Украинские нарративы и реальные факты

Мифологема № 1: Русские и украинцы принадлежат к разным расам.

Автором соответствующей теории является польский русофоб XIX в. Ф. Духинский [16]. Утверждается, что русские – «москали» – относятся к туранской расе, а украинцы – к арийцам. Предками современных русских объявляются не восточные славяне, а финно-угорские племена и монголы.

Туранская теория является расизмом и не имеет научных оснований [30]. Предки русских, украинцев и белорусов входили в единую восточнославянскую общность. Современный генетический анализ доказывает, что русские, украинцы и белорусы не только по культуре, но и по крови являются единым народом [10].

Мифологема № 2: Украинское государство существовало ещё в Древнем мире.

Древние государства Аратта, Скифия, Сарматия, Трипольская культура и др. были будто бы Украиной¹. Украинцам приписывается участие в ключевых событиях истории античного мира, как, например, в Троянской вине. Утверждается, что название Украина ведёт происхождение от древнего народа – укров².

В действительности Украина к перечисленным государствам древности не имеет отношения. Восточные славяне, из

¹ Шилов Ю. Исторична Аратта чи археологічне «Трипілья»? Монографія. К.: Аратта, 2009.72 с.

² И снова – «древние укеры». Новые сенсации от украинских «историков» // Радио Спутник: [сайт]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20150806/1166632003.html> (дата обращения: 06.09.2022).

которых выделяются украинцы, возникнут гораздо позже. Народа укры никогда не существовало [9; 13].

Мифологема № 3: Киевская Русь как украинское государство, непричастность русских к наследию Киевской Руси.

Киевскую Русь в современных украинских учебниках называют Украиной [24]. История Киевской Руси считается исключительно историей украинского народа, к которой русские будто бы не имеют отношения¹.

Первой столицей Древнерусского государства был в действительности не Киев, а Новгород [18]. Огромную роль в истории Древнерусского государства сыграло Владимиро-Суздальское княжество, ставшее центром формирования великорусской народности. Предки русских, украинцев и белорусов во времена Древнерусского государства составляли единый народ.

Мифологема № 4: Король Украины-Руси Д. Галицкий придерживался европейского выбора и противостоял Орде, тогда как А. Невский проводил коллаборантскую политику по отношению к монголам.

Из различий политики Даниила Галицкого и Александра Невского выводится различие политических векторов: Украины – европейского, России – азиатского. Коронация Даниила как короля руссов рассматривается в качестве подтверждения легитимности Украин-

ского государства². Александр Невский подвергается на Украине дегероизации: ставятся под сомнение его победы, подчёркивается соглашательская политика в отношении Орды³.

На самом деле курс Даниила Галицкого на сближение с Римом провалился. Помощи со стороны Запада в критический для себя момент он не получил. И более того, Рим использовал против Даниила литовского князя Миндовга. В конечном итоге Галицкий был вынужден сам действовать в альянсе с Ордой. Сравнение же последствий политики Даниила Галицкого и Александра Невского для, соответственно, Галицкой и Владимиро-Суздальской Руси позволяет дать однозначное предпочтение последнему [11; 14; 25; 29].

Мифологема № 5: Россия в XVII–XVIII вв. путём обмана и силы присоединила Украину, ликвидировала украинское государство – Гетманщину.

Утверждается, будто бы Россия превратила существование суверенного украинского государства. Богдан Хмельницкий был обманут царём. Украина объединялась с Россией на основе союза, но в состав российского государства не входила⁴.

¹ Дашкевич Я. Як Московія привласнила собі історію Київської Русі // Універсум: [сайт]. URL: <https://universum.lviv.ua/journal/2011/6/dashk.htm> (дата обращения: 06.09.2022); Костенко І., Халупа І. Як Московія стала Росією? До 300-ліття «викрадення // Радио Спутник: [сайт]. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/ukrayinagrus-i-moskoviya/31521000.html> (дата обращения: 06.09.2022); Ясь О. В. Монументальний проєкт великого нарративу М. Грушевського у світлі його дослідницьких стратегій // Історіографічні дослідження в Україні. Київ: Інститут історії України НАН України, 2012. Вып. 22. С. 565–664.

² Александрович В. С., Войтович Л. В. Король Данило Романович. Біла Церква: Вид. Пшонківський О. В., 2013. 240 с.; Добжанський О., Яценюк Ф. Король Данило Романович в українській історіографії // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2014. R. 12. Z. 6. С. 95–111; Войтович Л. В. Король Данило Романович: політик і полководець // Доба Короля Данила в науці, мистецтві, літературі: Матеріали міжнародної наукової конференції. Львів, 2008. С. 22–97.

³ Украина вышла на войну с Александром Невским // Первый русский: [сайт]. URL: https://tsargrad.tv/news/ukraina-vyshla-na-voynu-s-aleksandrom-nevskim-pokusilas-na-svjatoe-dlja-kazhdogo-kieljanina_550507 (дата обращения: 06.09.2022).

⁴ Апанович О. М. Українсько-російський договір 1654 року. Міфі і реальність. К.: Варта, 1994. 96 с.; Брехуненко В. Московська експансія і Переяславська Рада 1654 року. К.: Книжкова друкарня наукової книги, 2005. 368 с.; Чухліб Т. Гетьмани і монархи: Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр.. К. Нью-Йорк: н-т історії України НАН України, 2003. 517 с.; Чухліб Т. Секрети укра-

В реальной истории вхождение Малороссии в состав России было спасением местного населения от насилия со стороны поляков и гонений на православную веру. Гетманщина – казацкая область с особыми правами самоуправления – самостоятельным украинским государством не являлась. По Переяславскому договору Малороссия не заключала союзнический договор, а принималась в подданство России [28].

Мифологема № 6: Московско-украинские войны. Героические победы над Москвой.

Переход части казаков на сторону врагов России – Польши и Турции – в войнах XVII в. трактуется как самостоятельные войны Украины против Московского царства. Поражение русских войск в Конотопской битве во время войны России с Польшей подаётся как выдающийся успех украинского войска против москалей¹.

Никаких московско-украинских войн в действительности не существовало. Украина не являлась в войнах XVII в. самостоятельной силой, а казачество лавировало между Россией, Польшей и Турцией. Победы украинских войск являлись действительно победами Польши. Но в русско-польском противостоянии XVII в. верх взяла Россия, следствием чего и явилось вхождение в её состав территории Левобережной Украины [17].

Мифологема № 7: Украина как часть европейской цивилизации. Присоединение к России было её искусственным отторжением от Европы.

Борьба Украины и России трактуется как противостояние Европы и Азии. Украинцы выступают защитниками Европы и европейских ценностей, русские –

інського полівасалітету. Хмельницький – Дорошенко – Мазепа. К.: Видавничий дім «Киево-Могилянська академія», 2011. 327 с.

¹ Бульвінський А. Г. Українсько-російська війна 1658–1659 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1998. 19 с.; Сокирко О. Конотопська битва 1659 р.: триумф в час Руїни. К.: Темпора, 2008. 69 с.

азиатами, наследниками монгольских агрессоров.

В противоречии с утверждаемой мифологемой Украина является составной частью русской православной цивилизации. Православный выбор князя Владимира определил начало формирования русской православной цивилизации, центром которой являлся Киев. В Европе малороссов из-за приверженности православной вере никогда не воспринимали европейцами².

Мифологема № 8: Иван Мазепа – национальный герой Украины, борец за свободу украинской нации.

Гетман Иван Мазепа пытался возродить украинское европейское, независимое от России государство. Он противостоял империалистической политике Петра I³.

На самом же деле Иван Мазепа являлся банальным изменником. Он предал не только Петра I, но и украинский народ, его веру. Большинство из казачества и малоросского крестьянства Мазепу не поддержало.

² Алёхина Ю. Геноеограф Олег Балановский: «Русских, украинцев и белорусов на уровне генотипа иногда и различить-то не удастся» // Комсомольская правда: [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26099/2997176/> (дата обращения: 06.09.2022); Мальцев В. Расистские истоки образа «московской Орды» // Русская истина: [сайт]. URL: <https://politconservatism.ru/experiences/rasistskie-istoki-obraza-moskovskoj-ordy> (дата обращения: 06.09.2022); Максимов В. Украина не Европа, Украина – это азиатская орда // Великороссья: [сайт]. URL: http://www.velykoross.ru/actual/all/article_1036/ (дата обращения: 06.09.2022).

³ Демянюк І. До питання про оцінку державно-політичної діяльності гетьмана Івана Мазепи // Нова педагогічна думка. Науково-методичний журнал. Рівне, 2009. № 3. С. 69–72; Иван Мазепа: Худож.-док. кн.: Для серед. і ст. шк. віку / Упоряд. і передм. В. О. Шевчука; худож. Л. А. Кацнельсон. К.: Веселка, 1992. 132 с.; Кравченко В. В. Україна, Імперія, Росія (вибрані статті з модерної історії та історіографії). К.: Вид-во Часопис «Критика», 2011. 544 с.; Крупницький Б. Гетьман Мазепа та його доба. К.: Україна, 2003. 240 с.; Павленко С. Иван Мазепа як будівничий української культури. К.: Вид. дім «КМ Академія», 2005. 304 с.

Мифологема № 9: Дискриминация украинцев в Российской империи.

В Российской империи будто бы проводились притеснения украинцев, запрещался украинский язык. Русскому царскому режиму приписывается политика русификации национальных окраин, включая Украину.

В реальной же истории украинцы были широко включены в российскую национальную элиту, занимали высокие государственные и военные посты. Украинский литературный язык сформировался именно в период Российской империи при поддержке русской интеллигенции.

Мифологема № 10: Россия как страна авторитаризма и рабства, Украина – свободы и демократии.

У русских будто бы в крови заложено тяготение к деспотии, тогда как украинец склонен к воле, и ему чужд дух рабства. Миф сложился ещё в XIX в., будучи использованным в российском оппозиционном движении в поисках демократической альтернативы снизу самодержавию. Такая альтернатива была найдена в казачестве [15].

В противоречии с этим утверждением народовластие в России имеет давние традиции, воплощаясь в новгородском и псковском вече, в русской общине. Крепостное право в России было более мягким, чем в Польше, под властью которой жили малороссы, и где холоп мог быть убит помещиком. Вольницу запорожского казачества нельзя считать развитой демократией; анархию нельзя выдавать за приверженность свободе [27].

Мифологема № 11: РПЦ выступала агентом русского влияния на Украине.

Российское государство будто бы использовало Русскую Православную Церковь на Украине в своих политических целях. Независимость Православной Церкви Украины от Московского патри-

архата связано с обретением суверенитета украинской нации¹.

Украинское духовенство сыграло в действительности огромную роль в истории РПЦ, её представители занимали высшие посты в церковной иерархии [20]. Русские православные во все времена защищали и поддерживали православных на Украине. Пропаганда раскола Церкви осуждается в христианстве как тягчайший грех, а соответственно и провоцирование раскольнической деятельностью через историю должно быть категорически осуждено.

Мифологема № 12: Малороссы и галицийцы – единая украинская нация.

Утверждается, что жители Западной Украины (Галиции), находившиеся под властью Польши и Австро-Венгрии, и Восточной Украины (Малороссии), входившей в состав России, представляли собой единый народ – украинцев. Единый украинский народ был будто бы искусственно разделён в результате сговора [26].

В действительности же малороссы и галицийцы до XX в. единым народом не считались. Название «украинцы» в их отношении не использовалось. Миф об их общности был создан пропагандой Австро-Венгрии, Германии и Польши, преследовавших цель отторжения Малороссии от России².

Мифологема № 13: Советская Россия ликвидировала суверенное и демократическое украинское государство, существовавшее в 1917–1920 гг., вопреки воле украинского народа.

¹ Кремль руками агентов РПЦ хочет повторить в Украине 2014 год // 24Харьков: [сайт]. URL: https://24tv.ua/kharkiv/ru/kreml-rukami-agentov-rpc-hochet-povtorit-svezhie-novosti-zaporozhja_n1698711 (дата обращения: 06.05.2022).

² Галицийский этнос: австрийская афера с «титольной нацией» // Новороссия: [сайт]. URL: <https://novorosinform.org/galicijskij-etnosya-avstrijskaya-afeta-s-titulnoj-naciej-44282.html> (дата обращения: 06.09.2022).

Большевики ликвидировали в очередной раз украинский суверенитет после короткого периода украинской свободы. В. И. Ленин, как прежде русские цари, а позже И. В. Сталин, были противниками украинства¹.

Режимы Центральной Рады, гетмана П. П. Скоропадского и С. В. Петлюры, вопреки современной украинской мифологии, не были ни демократическими, ни суверенными. Не имея широкой демократической поддержки, они пошли в противостоянии большевикам на привлечение внешних сил в ущерб национальным интересам Украины: Скоропадский – Германии и Австрии, Петлюра – Польши. Петлюра передал Польше территорию Западной Украины. Большинство украинского населения поддержало в событиях Гражданской войны советскую власть. Ленин, в противоречие с демонтажом его памятников на современной Украине, являлся приверженцем создания Украинской ССР и развития национального самосознания украинского народа [22; 23].

Мифологема № 14: Голод на Украине 1932–1933 гг. являлся «голодомором» – геноцидом украинского народа.

И. В. Сталин и его сподвижники будто бы искусственно организовали голод на Украине в целях нанесения демографического урона вольнолюбивому украинскому народу. На Украине и в ряде стран Запада обвинение России в геноциде украинцев было принято на официальном уровне².

Российские историки придерживаются принципиально иной позиции. Голод на Украине не был искусственно организован, а потому не являлся голодомором. Голод имел место и на Западной Украине, входившей тогда в состав Польши, что объясняется неурожаем. От голода пострадали не только украинцы, но также русские и другие народы, что не позволяет считать произошедшее геноцидом. СССР придерживался интернационалистской идеологии, и в высших эшелонах государственной власти имелась широкая группа украинцев [12].

Мифологема № 15: Советская оккупация Западной Украины в 1939 г. на основании преступного сговора Сталина с Гитлером

Западная Украина передавалась СССР на основе секретных протоколов Пакта Молотова-Риббентропа³. После советско-германского раздела во Львове будто бы состоялась встреча Гитлера и Сталина⁴.

В секретных протоколах советско-германского договора 1939 г. речь шла не о территориальном разделе, а о сферах интересов, которые со стороны СССР распространялись на территорию проживания братских восточнославянских народов. Украинцы в предвоенной Польше были дискриминируемой группой, и вхождение Западной Украины в состав Советского Союза было для них благом. Встреча Гитлера и Сталина во Львове является фейком и опровергается записью приёмов посетителей советским лидером.

¹ Бондаренко Д. Я. Украинская Центральная Рада как объект мифов современной украинской историографии // Россия XXI. 2008. № 6. С. 142–143; Велика українська революція: матеріали до історії відновлення укр. державності: календар іст. подій за лют. 1917 р. – берез. 1918 р. Нью-Йорк : б. в., 1967. 112 с.; Румянцев В. Павло Скоропадський в українському державотворенні (до 140-річчя з дня народження) // Вісник Академії правових наук України. 2013. № 1. С. 34–43; Сергійчук В. І. Симон Петлюра. К.: Україна, 2004. 448 с.

² Василенко В. Голодомор 1932–1933 років в Україні як злочин геноциду: правова оцінка. К.: Вид-во імені Олени Теліги, 2009. 48 с.; Власов В. С., Дани-

левська О. М. Вступ до історії України: Підруч. для 5 кл. загальноосв. навч. закладів. Київ: Генеза, 2002. С. 216–217; Воля О. Мор: Книга буття України. К.: Кобза, 2002. 1152 с.; Тридцять три запитання і відповіді про Голодомор-геноцид / Н. В. Лапчинська. Дрогобич: Коло, 2018. 88 с.

³ Галушка А., Брайлян Є. Змова диктаторів: Поділ Європи між Гітлером і Сталіном, 1939–1941. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2018. 368 с.

⁴ Кравчук розказав о «встрече» Гитлера и Сталина во Львове // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/969664/2020-01-29/kravchuk-rasskazal-ovstreche-gitlera-i-stalina-vo-lvove> (дата обращения: 06.09.2022).

Мифологема № 16: ОУН и УПА – герои Украины, ведшие борьбу за суверенное украинское государство против советского большевизма и германского нацизма.

С. Бандера и Р. Шухевич считаются национальными героями Украины. Выдвигается утверждение, будто бы украинские националисты являлись третьей силой, ведшей борьбу и против фашистов, и против коммунистов¹.

Никакой «третьей силой» украинские националисты в действительности не являлись. Организация Украинских Националистов курировалась Германией и использовалась в своих интересах. Украинские националисты были не героями, а коллаборационистами. Они придерживались расистской человеконенавистнической идеологии и несут ответственность за преступления Холокоста, погромы поляков и русских.

Мифологема № 17: Репрессии против украинцев в СССР, политика русификации Украины.

Сталину приписывается план депортации всех украинцев в Сибирь. Советское руководство будто бы вынашивало замыслы русификации Украины, принудительно побуждало население записываться русскими, искореняло употребление украинского языка².

В действительности же в Украинской ССР в рамках политики коренизации организовывалась искусственная поддержка украинского языка, украинской культуры, предпочтительное продвижение украинцев на высокие партийные посты [8]. План переселения украинцев в Сибирь является фейком и был практически нереализуем. В 1954 г. из РСФСР в

состав Украинской ССР в противоречие с Конституцией был передан Крым.

Мифологема № 18: Украинская территория существенно превышает границы современной Украины.

Заявляются исторические права Украины на территорию Воронежской, Курской, Орловской, Брянской областей, Краснодарского края, зачастую – части Поволжья. Имеются также претензии к Белоруссии, Молдавии, Румынии, Словакии, Венгрии, Польше³.

Все эти территориальные претензии не имеют исторических оснований. В украинцы в рамках современного украинского мифотворчества записывается население к ним не относимое. «Исторические претензии» на сопредельные территории позволяли ещё до Специальной военной операции говорить о военных угрозах со стороны Украины для мира и безопасности Европы.

Мифологема № 19: Русские – преимущественно «ватники», Россия – страна низкой культуры с депрессивным населением.

Русофобия на Украине вошла в массовое сознание. Сложилось представление о патологической криминальности русских, негативных чертах характера, низкого уровня культурного кругозора и интеллекта⁴. Из этих установок реализуется политика «культурной отмены» всего, что связано с Россией, включая произведения культур мирового уровня.

Деление народов по степени культурности доказывает факт нацизма на Украине. Огромный вклад России в сокро-

¹ Посівнич М. Нескорений командир. Торонто – Львів: В-во «Літопис УПА», 2008. 80 с.; Степан Бандера: людина – борець – провідник. Київ, 2017. 96 с.; Степан Бандера та його родина в народних піснях, переказах та спогадах / Записи та упорядкування Григорій Демян. Львів: Афіша, 2006. 568 с.

² Куземська Г. Нездоланна Україна: Хроніка нищення української Церкви, мови, культури, народу. К.: Фенікс, 2014. 132 с.

³ Воропаев А. Российский излом: при каких условиях Кубанская народная республика и Крым вернутся в Украину // Wayback Machine: [сайт]. URL: https://web.archive.org/web/20180201082723/https://24tv.ua/rossiyskiy_izlom_pri_kakih_usloviyah_kubanskaya_narodnaya_respublika_i_kryim_vernutsya_v_ukrainu_n919577 (дата обращения: 06.05.2022).

⁴ Ваджра А. Кто такие «ватники» и чего они хотят // Украина.ру: [сайт]. URL: <https://ukraina.ru/20160128/1015443837.html> (дата обращения: 06.09.2022).

вищницу мировой культуры опровергает попытки её дискредитации.

Мифологема № 20: Непрерывающаяся российская агрессия против Украины в постсоветский период, «агенты Кремля».

На Украине весь постсоветский период существовала российская «пятая колонна». Ставленниками Москвы являлись будто бы Л. Кучма и В. Янукович. Российский газовый шантаж преследовал цель лишить Украину суверенитета¹.

Реальность была иной. На Украине действовали не российские агенты, а агенты Запада. Прямым доказательством их деятельности явилась организация 2-х «цветных революций» – 2004–2005 гг. и 2014 г. Современная Украина лишь номинально суверенна и находится под внешним управлением Запада.

Мифологема № 21: Действия Российской Федерации в 2014 и 2022 гг. осуществлялись в противоречие с международным правом и волей населения Крыма и Донбасса.

Россия будто бы осуществила вторжение на Украину, поправ систему международного права. Крым и Донбасс должны

безоговорочно находиться в юрисдикции Украины².

Действия России в реальности не противоречили системе международного права, т. к. исходили, во-первых, из принципа реализации права наций на самоопределение, и, во-вторых, из права вмешаться при угрозах геноцида и гуманитарной катастрофы [1].

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать факт системной мифологизации истории Украины на всех стадиях представления исторического процесса. Мифологизация истории на Украине имеет акцентированную антироссийскую направленность и переходит грань русофобии. Основные положения концепции истории на Украине противоречат по всем ключевым компонентам позициям исторической науки. Изложение истории на Украине сопряжено с идеологией нацизма, что позволяет проводить прямые параллели с историческим мифотворчеством в нацистской Германии.

Дата поступления в редакцию 01.08.2022

¹ Дзяк І. В. Пята колона в Україні: загроза державності. К., 2006. 128 с.; Рог В. Українофобія: п'ята колона та її ляльководи. К.: Українська видавнича спілка ім. Юрія Липи, 2009. 96 с.

² Колесникова О. Кравцов: В українських шкільних підручниках описана підготовка к війні с РФ // RG.ru [сайт]. URL: <https://rg.ru/2022/03/30/kravcov-v-ukrainskih-shkolnyh-uchebnikah-opisana-podgotovka-k-vojne-s-rf.html> (дата обращения: 06.09.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Историко-правовые основания легитимности самоопределения Крыма. Украинский кризис 2013–2014: причины и последствия (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 06.09.2022).
2. Багдасарян В. Э. Историческое сознание и политические воплощения: украинский сценарий // Преподавание истории в школе. 2015. № 1. С. 3–8.
3. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.
4. Багдасарян В. Э., Абдулаев Э. Н., Клычников В. М. и др. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. 376 с.
5. Антироссийские исторические мифы / В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, Н. В. Асонов, С. И. Реснянский и др. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
6. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Столетие Российской революции 1917 года в фокусе антироссийской исторической пропаганды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 2. С. 303–322.

7. Баранов А. В. Актуальное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2018. Т. 2. № 3. С. 174–192.
8. Борисенко Е. Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): дис. ... док. ист. наук. М., 2015. 948 с.
9. Восточные славяне. Антропология и этническая история / отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Научный мир, 2002. 342 с.
10. Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? Палеоевропейцы? / Е. В. Балановская, Д. В. Пележемский, А. Г. Романов, Е. Е. Баранова, М. В. Ромашкина, А. Т. Агджоян, А. Г. Балаганский и др. // *Вестник Московского университета. Серия: Антропология*. 2011. № 3. С. 27–58.
11. Димник М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: Борьба за Галицкую землю в 1239–1245 годах // *Русин*. 2014. № 1 (35). С. 17–35.
12. Жиромская В. Б. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2009. № 14. С. 92–101.
13. Жих М. И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.
14. Иванова Е. Е. К вопросу об ордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. № 2. С. 37–48.
15. Костомаров Н. И. Украинский сепаратизм. Одесса: Всеукраинское государственное изд-во, 1921. 16 с.
16. Лескинен М. В. Туранская теория Фр. Г. Духиньского и её критика в контексте складывания концепции «великорусскости» в российской науке // *Славянский альманах*. 2016. № 1-2. С. 164–180.
17. Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.
18. Нелидова Е. Четыре столицы Древней Руси. Старая Ладога, Новгород, Киев, Владимир. М.: АСТ, 2013. 544 с.
19. Плеханов А. А. Национальное строительство и историческая политика в дискурсе посланий президентов Украины в период 1996–2016 гг. // *Вестник российской нации*. 2016. № 6. С. 216–231.
20. Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан. Т. 5. М.: Университетская типография, 1844. 464 с.
21. Смирнов С. Б. Российско-украинские отношения на страницах российских и украинских школьных учебников истории // *Общество. Среда. Развитие*. 2010. № 2 (15). С. 55–60.
22. Солдатенко В. Ф. В гонимой революции и войн: Украина в 1917–1920 гг. Историко-историографические эссе. М.: РОССПЭН, 2018. 669 с.
23. Солдатенко В. Ф. Украина в водовороте внешнеполитических альтернатив. Исторический экскурс в 1917–1922 годы. М.: Директмедиа Паблишинг, 2020. 560 с.
24. Субтельный О. Украина: история. К.: Либедь, 1994. 786 с.
25. Ужанков А. Н. Жизнеописание Даниила Галицкого (К истории биографического жанра в древнерусской литературе) // *Прометей*. 1990. Т. 16. С. 188–213.
26. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола / под ред. М. Б. Смолина. М., 1998. 432 с.
27. Ульянов Н. И. Богдан Хмельницкий // *Возрождение*. 1953. № 28. С. 125–141; № 29. С. 155–170.
28. Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Директ-Медиа, 2015. 343 с.
29. Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 183 с.
30. Шнирельман В. А. Арийский миф в большом мире: в 2-х т. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 976 с.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. [Historical and legal grounds for the legitimacy of self-determination of Crimea. Ukrainian crisis 2013–2014: causes and consequences (round table)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2014, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 06.09.2022).
2. Bagdasaryan V. E. [Historical consciousness and political incarnation: Ukrainian scenario]. In: *Prepodavaniye istorii v shkole* [Teaching history at school], 2015, no. 1, pp. 3–8.

3. Bagdasaryan V. E. Cognitive matrices of manipulation technologies in wars and revolutions of a new type. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2020, no. 1, pp. 8–23.
4. Bagdasaryan V. E., Abdulaev E. N., Klychnikov V. M., et al. [School history textbook and state policy]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2009. 376 p.
5. Bagdasaryan V. E., Orlov I. B., Asonov N. V., Resnyansky S. I., et al. *Antirossiyskiye istoricheskiye mify* [Anti-Russian historical myths] St. Petersburg, Peter Publ., 2016. 384 p.
6. Bagdasaryan V. E., Resnyansky S. I. [Centenary of 1917 Russian Revolution in the focus of anti-Russian historical propaganda]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2017, vol. 16, no. 2, pp. 303–322.
7. Baranov A. V. [Actual study of myth-making in Ukrainian historiography and publicism]. In: *Historia Provinciae – Zhurnal regional'noy istorii* [Historia Provinciae – Journal of Regional History], 2018, vol. 2, no. 3, pp. 174–192.
8. Borisenok E. Yu. *Kontseptsii «ukrainizatsii» i ikh realizatsiya v natsionalnoy politike v gosudarstvakh vostochnoyevropeyskogo regiona (1918–1941 gg.): dis. ... dok. ist. nauk* [Concepts of «Ukrainization» and their implementation in national policy in the states of the Eastern European region (1918–1941): Dr. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2015. 948 p.
9. Alekseeva T. I., ed. *Vostochnyye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya* [Eastern Slavs. Anthropology and ethnic history]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2002. 342 p.
10. Balanovska E. V., Pezhemsky D. V., Romanov A. G., Baranova E. E., Romashkina M. V., Agdzhoyan A. T., Balagansky A. G., et al. [The Northern Russian gene pool: Slavs? Finns? Paleo-Europeans?]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Antropologiya* [Moscow University Bulletin. Series: Anthropology], 2011, no. 3, pp. 27–58.
11. Dimnik M. [Daniil Galitsky, Mikhail of Chernigov and Tatars: The Struggle for Galicia in 1239–1245 years]. In: *Rusin* [Rusin], 2014, no. 1 (35), pp. 17–35.
12. Zhiromskaya V. B. [The famine of 1932–1933 in Russia and the contemporary international relations]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”], 2009, no. 14, pp. 92–101.
13. Zhikh M. I. *Vostochnyye slavyane nakanune gosudarstvennosti* [Eastern Slavs on the eve of statehood]. Moscow, Veche Publ., 2020. 448 p.
14. Ivanova E. E. [On the issue of the Horde policy of Prince Daniel Romanovich Galitsky]. In: *Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki* [Ancient Russia. Questions of medieval studies], 2013, no. 2, pp. 37–48.
15. Kostomarov N. I. *Ukrainskiy separatizm* [Ukrainian separatism]. Odessa, Vseukrainskoye gosudarstvennoye izd-vo Publ., 1921. 16 p.
16. Leskinen M. V. [Turanian theory Franciszek Duchinski and its criticism in process of creation the «Great Russians» ethnicity in Russian thought]. In: *Slavyanskiy almanakh* [Slavic Almanac], 2016, pp. 164–180.
17. Malov A. V. *Russko-polskaya voyna 1654–1667 gg.* [Russian-Polish war 1654–1667]. Moscow, Zeikhgauz Publ., 2006. 48 p.
18. Nelidova E. *Chetyre stolitsy Drevney Rusi. Staraya Ladoga, Novgorod, Kiyev, Vladimir* [Four capitals of Ancient Russia. Staraya Ladoga, Novgorod, Kyiv, Vladimir]. Moscow, AST Publ., 2013. 544 p.
19. Plekhanov A. A. [National construction and historical politics in the discourse of the messages of the presidents of Ukraine in the period 1996–2016]. In: *Vestnik rossiyskoy natsii* [Bulletin of the Russian nation], 2016, no. 6, pp. 216–231.
20. Samarin Yu. F. *Stefan Yavorskiy i Feofan. T. 5* [Stefan Yavorsky and Feofan. Vol. 5]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1844. 464 p.
21. Smirnov S. B. [Russian-Ukrainian relations on the pages of Russian and Ukrainian school history textbooks]. In: *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Wednesday. Development], 2010, no. 2 (15), pp. 55–60.
22. Soldatenko V. F. *V gornile revolyutsiy i voyn: Ukraina v 1917–1920 gg. Istoriko-istorigraficheskiye esse* [In the crucible of revolutions and wars: Ukraine in 1917–1920. Historical and historiographical essays]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2018. 669 p.
23. Soldatenko V. F. *Ukraina v vodovorote vneshnepoliticheskikh al'ternativ. Istoricheskiy ekskurs v 1917–*

- 1922 *gody* [Ukraine in the whirlpool of foreign policy alternatives. Historical digression in 1917–1922]. Moscow, Directmedia Publ., 2020. 560 p.
24. Subtelny O. *Ukraina: istoriya* [Ukraine: history]. Kiev, Libed Publ., 1994. 786 p.
 25. Uzhankov A. N. [Biography of Daniil Galitsky (On the history of the biographical genre in ancient Russian literature)]. In: *Prometey* [Prometheus], 1990, vol. 15, pp. 188–213.
 26. Smolin M. B., ed. *Ukrainskiy separatizm v Rossii. Ideologiya natsionalnogo raskola* [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split]. Moscow, 1998. 432 p.
 27. Ulyanov N. I. [Bogdan Khmel'nitsky]. In: *Vozrozhdeniye* [Renaissance], 1953, no. 28, pp. 125–141; no. 29, pp. 155–170.
 28. Ulyanov N. I. *Proiskhozhdeniye ukrainskogo separatizma* [The origin of Ukrainian separatism]. Moscow, Direct-Media Publ., 2015. 343 p.
 29. Shabuldo F. M. *Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [Lands of South-western Russia as part of the Grand Duchy of Lithuania]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1987. 183 p.
 30. Shnirelman V. A. *Ariyskiy mif v bolshom mire: v 2 t.* [Aryan myth in the big world: in 2 vol.]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2015. 976 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Baghdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of History, Political Science and Law, Department Head, Department of the History of Russia of the Middle Ages and the New, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы как матрица идеологического строительства на Украине: нарративы национальной истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 7–18.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-7-18

FOR CITATION

Baghdasaryan V. E. Anti-Russian historical myths as a matrix of ideological construction in Ukraine: narratives of national history. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 7–18.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-7-18

УДК 94:001.98

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-19-26

НОВОРОССИЯ ИЛИ ВЕКОВЕЧНЫЕ УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ? СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРИАЗОВЬЕ В XVII–XVIII ВВ. В ТРАКТОВКЕ УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКОВ

Волобуев О. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Володиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и определить, какие представления о прошлом преимущественно русскоязычных территорий формируются у учащихся и с помощью каких приёмов реализуются в украинских учебниках официальные воспитательно-образовательные цели.

Процедура и методы. Проведён анализ учебного нарратива с точки зрения его соответствия научным фактам и интерпретациям. При этом раскрываются приёмы (умалчивание одних фактов и преувеличение исторического значения других и т. д.), использование которых создаёт негативное представление о роли России в судьбе Украины в целом и всегда.

Результаты. Выявлена местами завуалированная, а местами прямая фальсификация истории Северного Причерноморья и Приазовья, а также взаимоотношений украинского народа с Россией. Замалчиваются поддержка со стороны России национально-освободительной войны против польско-католического шляхетства, политические и экономические выгоды от присоединения Гетманства к России; создание новых городов и условий для развития, промышленности, торговли, культуры. Главное, что исчезает из истории полиэтнического заселения Причерноморья и Приазовья, так это дарение переселенцам, в т. ч. и украинцам, завоёванных Россией земель Дикого поля и других земель.

Теоретическая и/или практическая значимость. Установлена роль украинских школьных учебников в формировании националистических представлений о прошлом, в частности, мифа об исключительном историческом праве Украины на полиэтнические и преимущественно русскоязычные территории Северного Причерноморья и Приазовья.

Ключевые слова: учебники по истории Украины, Северное Причерноморье и Приазовье, XVII–XVIII вв., мифологизация и фальсификация истории

NOVOROSSIYA OR THE ETERNAL UKRAINIAN LANDS? THE NORTHERN BLACK SEA REGION AND THE AZOV SEA IN THE 17TH–18TH CENTURIES IN THE INTERPRETATION OF UKRAINIAN TEXTBOOKS

O. Volobuev*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and determine which ideas about the past of predominantly Russian-speaking territories are formed among the students and with the help of which techniques official educational goals are implemented in Ukrainian textbooks.

Methodology. The article analyzes the educational narrative from the viewpoint of its compliance with scientific facts and interpretations. At the same time, certain techniques are revealed (omission of some facts and exaggeration of the historical significance of others, etc.), the use of which creates a negative image of Russia's role in the fate of Ukraine as a whole and always.

Results. The veiled and sometimes direct falsification of the history of the Northern Black Sea region and the Azov Sea region and the relationship of the Ukrainian people with Russia has been revealed. The following facts are hushed up: Russia's support for the national liberation war against the Polish-Catholic gentry; political and economic benefits from the accession of the Hetmanate to Russia; the creation of new cities and conditions for development, industry, trade, culture. The main thing that disappears from the history of the multiethnic settlement of the Black Sea and the Azov Sea is the donation of the Wild Field and other lands conquered by Russia to the settlers, including the Ukrainians.

Research implications. The research has established the role of Ukrainian school textbooks in the formation of nationalist ideas about the past, in particular, the myth of the exclusive historical right of Ukraine to the multiethnic and predominantly Russian-speaking territories of the Northern Black Sea and the Azov Sea.

Keywords: textbooks on the history of Ukraine, the Northern Black Sea region and the Azov Sea, 17th–18th centuries, mythologization and falsification of history

Введение

Социологической группой «Рейтинг» весной 2021 г. был проведён опрос жителей Украины, ставящей своей целью выявление состояния идеологических тенденций в общественных настроениях. К сожалению, в настоящее время результаты данного исследования можно обнаружить только в аналитическом обзоре В. Стоякина¹. Можно не доверять подобным опросам в отношении точности цифр, но общие тенденции они отражают.

Не будем удивляться тому, что к жителям России «холодно» и «очень холодно» относится 69% опрошенных, а «тепло» – только 9%. Тут ничего особо странного нет.

Показательнее другое: идейное расхождение внутри украинского общества.

«Тепло» относятся:

– к украиноязычным украинцам – 95%;

– к русскоязычным – 57% (12% – «холодно»);

– к жителям Крыма – 41% («холодно» – 15%);

– к жителям ДНР и ЛНР – 27% («холодно» – 31%)

Не менее наглядно и отношение к общему прошлому двух братских народов. 36% опрошенных считают, что День Победы – это пережиток прошлого, 14% – обычный день, только 34% указывают, что это «праздник, который имеет символизм, значимый для меня лично». Ответы на этот вопрос 4 года назад были иными: 7%, 4% и 80%. А на вопрос: «кто внёс наибольший вклад в Победу над гитлеровской Германией?» 30% считают, что США, 23% – Россия и 67% – Украина.

Таковы ядовитые результаты насаждения в украинском обществе русофобии, что совершенно ненормально в современном многоэтническом государстве. Приведённые цифры свидетельствуют не о консолидации общества, как, видимо, задумано вершителями «украинской свидомости», а о расколе среди населения Украины. Русскоязычных и двуязычных на Украине вместе взятых 48%. В этих условиях построение моноэтнического государства обречено стать политически неустойчивой конструкцией.

Налицо переформатирование политического и исторического общественного

¹ Стоякин В. О чём думают жители Украины. Историческая память в кривом зеркале украинской пропаганды // Украина.ру: [сайт]. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20220513/1033957970.html> (дата обращения 14.05.2022).

Прим.: Для русскоязычной аудитории результаты данного опроса на сайте компании «Рейтинг» (<https://ratinggroup.ua>) недоступны.

сознания. И радикальное переформатирование началось не с 2014 г., как считают многие, а с очень запутанного избрания В. Ющенко президентом в 2010 г., и корни его просматриваются с момента провозглашения Украины суверенным государством.

Именно при Ющенко украинские мозги были информационно «промыты» умело поданным голодомором, который был бездоказательно объявлен геноцидом украинском народе. Никто не отрицает факт голода 1932–1933 гг. Можно спорить о статистике его жертв. Умирали от голода не только украинцы, и не только на Украине. Умирали и русские, и казахи, и представители других национальностей, живших на территориях, охваченных голодом – на Украине, в Казахстане, Нижнем Поволжье и др.

По оценкам как российских, так и западных учёных, около 2 млн погибло в Казахстане, 2–2,5 млн – в южных районах РСФСР, 3,5–4 млн – на Украине, но и население Украины в то время намного превышало население Казахстана и охваченного голодом юга европейской части РСФСР. Точной цифры погибших по территориям, охваченных голодом, не имеется в силу неполноты источников и несовпадения методик подсчётов [3; 4]. Общее число жертв голода в СССР в заявлении Государственной Думы РФ от 2 апреля 2008 г. «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР» оценивается примерно в 7 млн человек.

По определению ООН, это была трагедия, а не геноцид [5].

В переформатировании общественного сознания на Украине немалую роль сыграло, наряду с политической пропагандой, и школьное историческое образование. Рассмотрение украинских школьных учебников в ракурсе формирования общественно-политических взглядов молодёжи представляется крайне актуальной задачей. Одной из исключительно важных тем для современности является проблема освещения исторического про-

шлого тех территорий, на которых сейчас развернулись военные действия между нынешней радикально-националистической киевской властью, поддерживаемой США, Великобританией, Евросоюзом, с одной стороны, и ДНР и ЛНР, поддерживаемых в своей борьбе за независимость Россией, – с другой.

В ходе анализа украинских учебников были поставлены следующие задачи:

1. определить, какие представления о прошлом формируются у учащихся;
2. с помощью каких приёмов реализуются в учебниках официальные воспитательно-образовательные цели.

В ходе исследования изучено 18 школьных учебников по истории Украины для 8 и несколько учебников для 9 классов, представленные двумя категориями: базовое и углублённое изучение истории.

Анализ школьных учебников по истории Украины

Географически рассматриваемая нами территория определяется как Северное Причерноморье и Приазовье. В украинских учебниках для 8 класса она именуется Южной Украиной. В одном из них (О. Гисем и О. Мартынюк¹) дана такая характеристика этого исторического региона: «В результате победы России в войнах с Турцией (1768–1774, 1787–1791 гг.) и ликвидации Запорожской Сечи (1775 г.) и Крымского ханства (1783 г.) появились относительно свободные земли, которые Российская империя стала активно колонизировать. Для обозначения этого региона использовали название “Южная Украина”, ведь большинство поселенцев тут составляли украинцы»². В чём политическое лукавство авторов: Южной

¹ Гисем О. В., Гисем О. О., Мартынюк О. А. Історія України. 3 поглибленим вивченням історії. 8 клас. §42–43, п. 8 [Электронный ресурс] // Школьні підручники: [сайт]. URL: <https://pidruchnyk.com.ua/1429-storya-ukrayini-gsem-8-klas-pogliblene.html> (дата обращения 15.05.2022).

² Прим.: Перевод цитат на русский язык здесь и далее автора статьи.

Украиной эта территория стала именоваться только с советского времени, после 1917 г. Примечательно, но в некоторых учебниках всё же упоминается, что в Российской империи применительно к этим территориям использовалось название Новороссийский край. Похоже, это «страшное» историческое название выкорчёвывалось из учебных (и не только) текстов ревнителями «украинства».

Заселялся новый край и русскими, и украинцами, и евреями, а также переселенцами из других стран: крымскими, понтийскими, балканскими греками, албанцами-арнаутом, сербами, болгарами, немцами, чехами, молдованами и тюркоязычными гагаузами. Да, в отдельных частях региона преобладали украинцы, в других – русские. Во всех городах преобладало именно русское население, в сельской местности в целом было больше украинцев. По переписи 1897 г. национальный состав жителей Одессы составлял: русские – 49,9%, евреи – 30,83%, малороссы – 9,9%; в г. Бердянске проживали (по родному языку): 17502 русских, 4115 украинцев, 2771 евреев, 733 немцев, 418 греков, 290 татар¹ [2]. Однако в разговорной речи, общении, везде доминировал русский язык. Уместно здесь сделать пояснение.

Часто путают государственную принадлежность населения с этнической. В массовом сознании та или иная земля должна иметь моноэтническую принадлежность. Но немало территорий с исторически сложившимся смешанным населением. Причём в ряде случаев положение этнической перемешанности возникло в период их колонизации. Такковы Донбасс, Приазовье, Северное Причерноморье. И ещё одно принципиальное замечание: стихийно распространялся не только русский язык, среди украинцев и представителей других народов в Север-

ном Причерноморье и Приазовье укоренилась и русская культура. Так, в 1989 г. через 2 столетия после начала колонизации этих земель среди жителей Запорожского Приазовья число указавших русский язык родным на 51,9% превышало численность лиц русского происхождения, согласно метрическим свидетельствам и паспортам. Другими словами, практически каждый третий руссковорящий был не русским по происхождению, но воспринимал себя таковым по самоидентификации [6, с. 46].

Возможность селиться на землях так называемой Слобожанщины и Новороссии открывалась по мере продвижения Российской державы на юг. Запорожское казачество не играло в этом значимой роли. Граница между Дикой степью, контролируемой ногайцами и крымскими татарами (самоназвание крымлы), и запорожскими казаками (украинское Надднепровье) была закреплена строительством Хортицкого замка князем Дмитрием Вишневецким (Байдою) в 1556 г. Южнее Каменного Затона на Днепре (наиболее значимая переправа между Каменкой Днепровской и Никополем) казачьих поселений во времена возникновения Запорожской Сечи не было.

С XVII в., ещё до включения Северного Причерноморья и Приазовья в состав России, для украинского казачества и крестьянства открылись широкие возможности колонизации в направлениях присоединённых к России новых территорий. Это произошло после присоединения к России Черниговских земель и земель так называемой Слободской Украины (Слобожанщины), которая располагалась на территории нынешних Сумской, Харьковской, Белгородской, северной части Донецкой областей. Теперь это те земли, которые на Украине считают исторически ей принадлежащими. Украина не только укреплялась, но расширялась за счёт России и её территориальных приобретений, о чём свидетельствует история, начиная с XVII в.

¹ Бердянск: краткая история города // Уроки истории: [сайт]. URL: <https://school1208.ru/raznoe/452-berdyansk-kratkaya-istoriya-goroda.html> (дата обращения: 01.07.2022).

Рассмотрим, как этнически смешанное население представлено в украинских учебниках. Основную часть переселённых селян составляли украинцы с Правобережья. Упоминаются также немцы, молдаване и представители других народов, каких российская власть приглашала как колонистов.

И ещё цитата из другого учебника: «Их власть способствовали заселению региона иноземцами – немцами, болгарями, сербами, армянами, – среди колонистов больше было украинских селян»¹. В том же учебнике прямая ложь о Крыме: «Началась русификация края. Крымско-татарские школы заменили российскими, одни мечети заменили на церкви, а другие уничтожили. Мусульманское население Крыма сократилось вдвое»². Причём подтверждённых данных о том, что мечети в Крыму после его присоединения к России заменяли на церкви или уничтожали, в исследованиях историков отсутствуют. Возможно, в связи с эмиграцией части крымских татар в Османскую империю и были покинутые мечети. Отдельные мусульманские семьи считали для себя неприемлемым оставаться жить в христианской державе. Но не меньше было и христианских церквей, оставленных прихожанами (греками, армянами и др.), которые были переселены в Приазовье (Мариуполь, Нахичевань-на-Дону и др.). Разоблачает фальсификацию и тот факт, что мусульманское духовенство из российских государственных средств получало денежное довольствие. Какое тут притеснение по религиозным мотивам?

Вернёмся к учебнику Сорочинской Н. М. и Гисема О. О.³, где наряду с

разными колонистами, упоминаются и русские староверы. Заметьте, в числе переселенцев русских нет и в помине, за исключением староверов. Староверы упоминаются, а, например, отслужившие срок солдаты, участники русско-турецких войн, отсутствуют, а ведь их значительная часть оставалась в Новороссии и основывала там свои сёла (например, селение Зуя, Таврической губернии и др.). В том же учебнике имеется даже отдельный пункт «Освоение новых земель», но в нём фигурируют только украинцы, а среди них особо – казаки.

Итак, в Новороссии, согласно украинским учебникам, русских поселенцев почти не было. Применяется приём замалчивания исторических фактов.

В отдельных учебниках опущена тема земледельческого освоения нового края, а перечислены только вновь основанные города на месте казацких поселений (это особо подчёркивается). А если на месте крепостей, то не упоминают, что крепости-то основаны русской армией (например, Елизаветград, в советское время – Кировоград, ныне – Кропивницкий). Забывают упомянуть, что их основывали русские полководцы и администраторы – Г. А. Потёмкин, А. В. Суворов, генерал В. В. Коховский и т. д.

Забывают авторы учебников и то, что, когда новые крепости и города строились на месте старых поселений, то обычно уже имевшиеся постройки сносу не подлежали. Так, В. В. Коховский, возглавивший Таврическую область, докладывал Потёмкину о строительстве Симферополя: «Место для построения изберётся вне старого города такое, кое при строении нового не подвергнет оных сломке»⁴. Возьмём Бердянск, основанный в 1827 г. по распоряжению новороссийского ге-

¹ Хлібовська Г. М., Крижановська М. Е., Наумчук О. В. Історія України. Нова програма. 8 клас. § 38. П. 1. С. 193 // Школьні підручники: [сайт]. URL: <https://pdf.11klasov.net/18907-istorija-ukrajini-8-klas-hlibovska-gm-naumchuk-ov-krizhanovskamyu.html> (дата обращения: 06.09.2022).

² Там же. § 38. П. 3. С. 191.

³ Сорочинська Н. М., Гісем О. О. Історія України. Нова програма. 8 клас. § 38. П. 8 [Электронный ресурс] // Школьні підручники: [сайт]. URL: <https://>

pidruchnyk.com.ua/833-vsivnitnya-istoriya-8-klas-sorochynska.html (дата обращения: 10.05.2022).

⁴ Белова С. Л. Здесь будет город заложен // Крымовед: [сайт]. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/simferopol-etudi-istorii-kulturi-arhitekturi1.html> (дата обращения: 7.07.2022).

нерал-губернатора М. С. Воронцова, или Александровск, ныне Запорожье, который строили как крепость на Днепровской оборонительной пограничной линии. Днепровская линия задумана была, воспользуемся словами из указа 1770 г. императрицы Екатерины Великой, как «твёрдая ограда» для новых жителей. Казаков привлекали главным образом для строительства и починки мостов.

В коллективной монографии «История Новороссии» А. В. Белов сформулировал 5 критериев, которые служили для местной администрации основанием для выбора мест новых, уже новороссийских, городов. Среди них: торговые пути, вовлечённость в имеющиеся хозяйственные связи, благоприятные природные условия. Но начинает Белов с такого любопытного критерия: «Первым из них можно считать стремление не допустить национальных и религиозных конфликтов между разными группами населения, которые имеют “различные нравы и обычаи”, из-за чего “не могут не происходить споры и разногласия”» [2, с. 218]. Конечно, в критериях упущено 2 важных момента: военно-стратегическое значение городов (города-крепости и военные порты) и их географическое положение с точки зрения административного управления территориями (Симферополь и др.). Для учебников было бы не только желательно, но и обязательно подчёркивать как функциональную значимость новых городов, так и мотивы их основания.

Среди жителей Новороссии были, разумеется, и украинские казаки. В учебниках для 9 класса не в пример количественно ведущему по численности и влиянию русскому населению знаковое внимание уделяется Азовскому казачьему войску. В учебнике Власова ему посвящён, например, отдельный пункт в параграфе¹. Азовским казакам были вы-

делены земли в Приазовье между реками Обиточной и Бердой (Александровский уезд, часть нынешней Запорожской области). Азовское казачье войско существовало чуть более 30 лет – с 1832 по 1865 гг. – и насчитывало при своем образовании 6 тыс. казаков с семьями. Населяло оно 3 станицы и 15 хуторов.

Для сравнения: другие переселенцы – немецкие колонисты – в соседнем с Александровским Мелитопольском уезде основали в то же время (1804–1858) 87 поселений [2, с. 255].

В начале 1860 гг. численность Азовского казачества равнялась 10911 человек и службу отбывало 500 казаков. Рассказ об этом казачьем войске важен для авторов с точки зрения постоянного акцента на право Украины владеть приазовскими землями. Но надо помнить, что эти земли были дарованы Российской империей *всем* переселенцам.

Тенденциозность учебников особенно заметна в материале о присоединении новых земель к России в результате русско-турецких войн. Ни слова о том, какой ценой Северное Причерноморье досталось империи. В ряде учебников отсутствуют имена Г. А. Потёмкина, А. В. Суворова, П. А. Румянцева, Ф. Ф. Ушакова и других военачальников. Некоторые сражения вообще выпадают из поля зрения авторов, но более или менее подробно описывается участие казаков в русско-турецких войнах. В российской историографии никто не отрицает этих фактов, но, бесспорно, не казачьи полки были решающей воинской силой в русской армии.

В рассмотренных украинских учебниках выявлена особенность – справочный характер во многих текстовых частях. Фиксируются исторические факты, но нет изложения событий. Это характерно для материала о русско-турецких войнах. Упоминаются, а не описываются сражения, но могут быть развернуто изложены итоги войны. Это позволяет не давать ответы на неудобные вопросы: как велась

¹ Власов В. С. Історія України. Нова програма. 9 клас. §3 // Школьні підручники: [сайт]. URL: <https://pidruchnyk.com.ua/945-istoriya-ukrainy-9-klas-vlasov.html> (дата обращения: 10.06.2022).

война, чьими силами был достигнут успех и т. д.

В учебнике О. Дудар¹ есть любопытный заключительный параграф «Вклад Украины в формирование европейской цивилизации». В начале параграфа поставлен обобщающий вопрос: «Как вы полагаете, имели ли эти деяния влияние на развитие других держав?». В тексте рассматриваются события: Люблинская уния 1569 г., развитие украинского казачества, национально-освободительная война под руководства Богдана Хмельницкого, ликвидация казацкой державности. Иллюстрацией к параграфу служит репродукция картины польского художника Я. Матейка «Стефан Баторий в Пскове».

Но какое отношение Псков имеет к Украине? И в чём политический смысл картины?

Итак, в центре основополагающих тезисов – казачество и его борьба за независимость украинского народа. И уже здесь, в XVI–XVIII вв. просвечивается (пока как бы за экраном) негативная роль России в судьбах Украины. Национально-освободительная война, отмечает автор учебника, ослабила геополитические позиции Речи Посполитой и Крымского ханства и усилила роль России, которая «начала экспансию на Запад» (можно подумать, что не было литовской, польской, турецкой экспансий). Расширение влияния России на события в украинских землях привело к ограничениям, а позже и к ликвидации каких-либо элементов казацкой государственности.

Заключение

Современный учебник не исчерпывается текстовой частью. Учебная литература – это сложная дидактическая конструкция. В ней, помимо нарратива, много других элементов: краткие вы-

держки из документов или цитаты из сочинений историков, задания для учащихся, учебные карты, иллюстрации. Отметим, что все рассмотренные учебные материалы, особенно выдержки из документов и сочинений историков, подобраны явно тенденциозно.

Во взаимоотношениях украинского народа с Россией в учебниках по истории Украины пропадает главное, а именно:

1. поддержка Россией национально-освободительной войны против польско-католического шляхетства;
2. геополитические выгоды от присоединения Гетманства к России;
3. создание условий для развития городов, промышленности, торговли, культуры;
4. участие украинцев в колонизации завоёванных Россией земель.

Оценивая в целом изложение в учебниках истории колонизации Новороссии и Слобожанщины и роли в этом русского и украинского населения, следует отметить как бы исключение из этнодемографического процесса главенствующего переселенческого начала – того, что эти территории культурно и экономически развивались в рамках имперского пространства как русские земли. Не случайно их исторический путь замечивался в украинской историографии ещё в работах М. С. Грушевского [1].

В фокусе украинской истории для школьников 8 класса протогосударственная «казацка держава», а не история украинского народа в ракурсе европейской (но, естественно, без России) цивилизации тех времен. Весь период с конца XVI в. по конец XVIII в. включительно именуется «казацким». По существу украинское казачество с его державной Гетманщиной преподносится как страницы героической истории украинского народа. А что касается негероической страницы истории, то чаще всего в страданиях украинцев оказываются виновными «москаля».

Дата поступления в редакцию 09.08.2022

¹ Дудар О. В., Гук О. В. Історія України. Нова програма. 8 клас [Электронный ресурс] // Шкільні підручники: [сайт]. URL: <https://pidruchnyk.com.ua/1618-istorya-ukrayini-8-klas-pometun-dudar.html> (дата обращения: 13.05.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушевский М. Очерк истории украинского народа. Киев: Лыбидь, 1990. 400 с.
2. История Новороссии / отв. ред. В. Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 864 с.
3. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 566 с.
4. Население России в XX веке. Исторические очерки / отв. ред. Ю. А. Поляков. Т. 1. 1900–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.
5. Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2019. 479 с.
6. Етнокультурні та етноатропологічні чинники в регіональному контексті: на прикладі історії Запорізького краю XIX–XX ст. Мелітополь – Москва: Скрипторій, 2002. 196 с.

REFERENCES

1. Grushevsky M. *Ocherk istorii ukrainskogo naroda* [Essay on the history of the Ukrainian people]. Kiev, Lybid Publ., 1990. 400 p.
2. Zakharov V. N., ed. *Istoriya Novorossii* [History of Novorossiya]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 864 p.
3. Kondrashin V. V. *Golod 1932–1933 gg.: tragediya rossiyskoy derevni* [Famine 1932–1933: the tragedy of a Russian village]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 566 p.
4. Polyakov Yu. A., ed. *Naseleniye Rossii v XX veke. Istoricheskiye ocherki. T. 1. 1900–1939* [The population of Russia in the twentieth century. Historical essays. Vol. 1. 1900–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 463 p.
5. Khlevnyuk O. *Khozyain. Stalin i utverzheniye stalinskoj diktatury* [Master. Stalin and the assertion of the Stalinist dictatorship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019. 479 p.
6. *Etnokulturni ta etnoatropolohichni chynnyky v rehionalnomu konteksti: na prykladi istorii Zaporiz'skoho krayu XIX–XX st.* [Ethno-cultural and ethno-atropological factors in the regional context: on the example of the Institute of the Zaporizhzhia Territory of the 19th–20th centuries]. Melitopol – Moscow, Scriptorium Publ., 2002. 196 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Московского государственного областного университета;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Volobuev – Dr. Sci. (History), Prof., Chief Researcher, Moscow Region State University;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волобуев О. В. Новороссия или вековечные украинские земли? Северное Причерноморье и Приазовье в XVII–XVIII вв. в трактовке украинских учебников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 19–26.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-19-26

FOR CITATION

Volobuev O. V. Novorossiya or the eternal ukrainian lands? The Northern Black Sea region and the Azov Sea in the 17th–18th centuries in the interpretation of Ukrainian textbooks. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 19–26.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-19-26

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-27-31

КОНЦЕПЦИИ ГЕНЕЗИСА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Фукс А. Н., Ковригин В. В.

¹Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить ключевые концепции происхождения и развития Древнерусского государства в школьных учебниках истории Украины за последние 10 лет. Особое внимание уделено специфике освещения призвания варягов и образования государства у славян.

Процедура и методы. В основе исследования – материалы сравнительного анализа изданных в Украине школьных учебников за последнее десятилетие.

Результаты. Выявлены серьёзные различия трактовок ключевых фактов генезиса и развития Древнерусского государства в украинских учебниках в сравнении с российскими.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области историографии школьных учебников, школьными учителями при подготовке к урокам.

Ключевые слова: Древнерусское государство, генезис Руси, история Украины, древние славяне, Киевская Русь

CONCEPTS OF THE GENESIS OF THE ANCIENT RUSSIAN STATE IN THE HISTORY TEXTBOOKS OF UKRAINE

A. Fuks, V. Kovrigin

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the key concepts of the origin of the Old Russian state in school textbooks of the history of Ukraine over the past 10 years. Special attention is paid to the specifics of highlighting the vocation of the Varangians and the formation of the state among the Slavs.

Methodology. The study relies on such methods as comparative analysis of data presented in Ukrainian history textbooks within the last decade.

Results. The authors revealed serious differences between Ukrainian and Russian history textbooks based on their interpretations of key facts of the genesis and development of the Ancient Russian state over the past decade.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of historiography of school textbooks as well as by school teachers while preparing their teaching materials.

Keywords: Ancient Russian state, genesis of Rus, history of Ukraine, ancient Slavs, Kievan Rus

Введение

История России и современной Украины имеет большой общий отрезок – Древнерусское государство со столицей в Киеве. В советских учебниках это единство особо подчёркивалось – государство ранних Рюриковичей именовалось в школьных учебниках Киевской Русью. Сегодня в условиях серьёзных геополитических и идеологических трансформаций вопрос обоснования общих корней приобретает иное звучание.

Созданные в результате распада Советского Союза государства пытаются удревлять свою историю и монополизировать отрезки общего исторического пути. Эта проблема особенно ярко стала в последние годы проявляться на Украине. Украина сегодня позиционирует себя в геополитическом плане как соперник России. Воспитание исторического сознания подрастающего поколения украинцев осуществляется в этом контексте, отсюда – попытки противопоставления истории Украины историческому пути России [1].

Некоторые исследователи прямо говорят о намеренной фальсификации истории в украинских учебниках [2]. Особенно это касается событий, переломивших эпоху [3].

«Камнем преткновения» становится в т. ч. и вопрос происхождения государства. Отечественная историческая наука ключевым событием генезиса Древнерусского государства считает 862 г. – призвание варягов. Не вдаваясь с дискуссией норманистов и антинорманистов, отметим, что это событие действительно способствовало укреплению начал государства. Однако призвание варягов к Киеву отношения не имеет. Украинская историография началом государства чаще считает начало княжения полубогородных Кия, Щека, Хорива и Лыбеди.

Модель «Русь-Украина»

История в украинских школах изучается с 5 класса. В 5 классе применя-

ется аспектно-проблемный подход при построении школьного курса. Это, по сути, пропедевтический курс, охватывающий лишь самые важные факты отечественной истории. «Красной линией» учебников для 5 класса проходит идея о «древности» украинской нации. Так, в одном учебнике утверждается о более чем 3000 летней истории герба Украины¹. Далее в 6 классе школьники изучают историю Древнего мира, а в 7 – Средневековье. В рамках общемирового исторического пути появляется история Древней Руси.

История в Украине не разделяется на отечественную и всемирную. История Украины изучается в контексте общемировой ленты времени.

Спецификой украинских учебников является выделение особой династии Киевичей, хотя о полубогородных Кие, Щеке, Хориве, Лыбеди, Аскольде и Дире там представлены лишь отрывочные сведения. Утвердившееся в историографии название Древнерусского государства «Русь-Украина» перекочевало во все учебники: «В результате этих событий династия Киевичей прекратила своё существование и утвердилась новая династия Рюриковичей. Произошло объединение восточнославянских Севера и Юга, на основе первичного образования Киевского княжества началось создание нового государства, которое в древнерусских письменных источниках называют Русь, а современные украинские историки – Русь-Украина. Своим “стольным градом”, “матерью городам русским” Олег объявил Киев»².

Особое внимание авторы учебников уделяют признакам государственности в Киевском княжестве доваряжского периода: «Считают, что к середине IX в. в Киеве уже присутствовали признаки государственности: официальная власть

¹ Хлібовська Г. М. Історія України. 7 клас. Київ, 2021. 176 с.

² Власов В. С. Історія України. 7 клас. Київ, 2020. С. 32.

– князь, орган принуждения – жена, налоги и хотя бы неписанные правила сосуществования его жителей. Киевским властителем в то время был Аскольд. В 860 г. он совершил удачный поход на византийскую столицу (г. Константинополь), благодаря которому греки согласились на подписание выгодного торгового соглашения – первого известного договора между византийскими императорами и киевскими властителями. А ещё Аскольд в том же 860 г. принял крещение и сделал первую попытку окрестить всю страну. В упомянутом соглашении государство Аскольда именуется Русью. А поскольку тогдашние русичи были непосредственными предками украинцев, до сих пор средневековое Киевское государство называют Русью-Украиной¹.

В учебниках, изданных в последние 5 лет, тенденция противопоставления династии «Киевичей» и Рюриковичей, Руси «доваряжской» и государства после призвания варягов и похода Олега на Киев усиливается. Больше приводится «фактов» о попытках крещения Руси ещё Аскольдом, о «походах и выгодных торговых соглашениях с Византией» до 862 г. Однако тексты соглашений и ссылки на иные источники отсутствуют.

Авторы учебников не пытаются дискутировать о правопреемстве Киевского княжества эпохи Аскольда и Древней Руси эпохи Рюриковичей. Наоборот, они всячески подчёркивают, что Средневековая Русь – это «Русь-Украина». Основной тезис для доказательства этого утверждения – то, что населявшие земли вокруг Киева поляне и другие племена были непосредственными предками именно украинцев, а не русских. Отсюда возник специфичный только для украинской исторической науки и школьных учебников термин «Русь-Украина». Лишь в одном учебнике прямо противопоставлены названия «Русь» и «Украина»: «Название Украина впервые употреблено в летописи

1187 г. относительно Киевщины, Переяславщины и Черниговщины. Оно происходит от слова *країна* – родной край, родная сторона, земля. Впоследствии название Украина распространилось на всю нашу землю и дало наименование нашему народу, вытеснив из употребления прежнее – Русь»².

Следует отметить, что термин «Русь-Украина» стал массово использоваться в украинских учебниках лишь последние 10 лет. По сообщениям СМИ, украинские власти даже задумались о переименовании государства. Но, с исторической точки зрения, это название абсолютно беспочвенно, поскольку не упоминается в каких-либо летописях или иных исторических документах.

Специфичной выглядит периодизация украинской истории:

1. *древняя история*: наиболее продолжительный период, охватывающий события от момента появления людей на территории Украины до Великого переселения народов;

2. *средневековая история*: повествует о событиях, происходивших в период от Великого расселения славян и до конца XV в.;

3. *новая история*: характеризует развитие украинских земель в XVI–XIX вв.;

4. *новейшая история*: знакомит с событиями от начала XX в. и до наших дней»³.

Заметим, что в данной периодизации значение призвания варягов и образования Древнерусского государства не признаётся переломным. Важнейшее событие для большинства авторов школьных учебников – Великое переселение народов, и как его составляющая – Великое переселение славян. При этом уже с ранних этапов развития Древнерусского государства они пытаются провести племенные границы современных славянских

² Свідерський Ю. Історія України. 7 клас. Київ, 2021. С. 56.

³ Дрібниця О. В. Історія України. 7 клас. Київ, 2022. С. 12.

¹ Гісем О. Г. Історія України. 7 клас. Київ, 2019. С. 32.

государств: «Территорию современной Украины, по словам Нестора-летописца, заселяли 7 союзов племён: древляне, поляне, уличи, тиверцы, северяне, волыняне (дулебы) и белые хорваты. Именно их считают предками украинцев. На землях, ныне входящих в состав Беларуси, жили дреговичи и полочане, России – кривичи, радимичи, словены и вятичи»¹.

Среди основных причин создания государства называются внутренние: «По свидетельству арабских авторов, на восточнославянских землях существовали 3 объединения: Куявия (земли полян с Киевом), Славия (земли ильменских словенов) и Артания (Ростово-Суздальская земля, а возможно, также причерноморские или приазовские земли). Считается, что племенное княжение полян в Среднем Поднепровье, известное арабам как Куявия, стало центром, вокруг которого происходило создание государства у восточных славян»². При этом всегда выделяется особая роль Киева и полян. Целый параграф учебника посвящён образу жизни и обычаям полян. В некоторых учебниках особо подчёркивается наиболее высокий уровень развития и «цивилизованность» полян в отличие от других восточнославянских племён.

Факты призвания варягов упоминаются лишь вскользь: «В то время как в Среднем Поднепровье возникло Киевское княжество, на севере восточнославянского мира единства не было. По словам Нестора-летописца, в 862 г. ильменские словены и кривичи пригласили варяжского вождя Рюрика с дружиной княжить и владеть ими»³. Ни один автор не связывает с этим событием образование государства. Главное последствие этого события – лишь смена династии: «С 882 г. княжить в Киеве начал Олег из рода Рюрика. Именно с его правлением

связывают утверждение в Руси-Украине династии Рюриковичей»⁴. Причём отношение к походу Олега на Киев и переносу столицы противоречивое. Обычно эти события связаны с фактом заговора против Аскольда: «В настоящее время трудно восстановить цепочку событий, приведших к отстранению Аскольда от власти. По свидетельству летописца, заговорщики надеялись на поддержку варяжского князя Рюрика. Однако в 879 г. Рюрик умер, и мятежники обратились к родственнику Рюрика Олегу. Он занимался малолетним сыном князя Рюрика – Игорем и имел полномочия править от имени княжича. Именно Олег в 882 г. совершил поход на Киев»⁵. В учебниках, кстати, отмечены полководческие таланты Олега, Святослава и других Рюриковичей.

Модель «Русь-Украина» продолжает при этом функционировать до раздробленности.

Заключение

Таким образом, отражение генезиса Древнерусского государства в учебниках для школ Украины весьма специфичное. Отмечается попытка удревления истории, особенно это касается культурных артефактов и государственных символов. Авторы учебников выводят развитие государства из внутренних причин, отмечая его зарождение уже в начале IX в. Значимой темой является противопоставление разных восточнославянских племён и выделение полян. Факт призвания варягов не является каким-либо значимым событием. Поход Олега на Киев, по мнению создателей учебников Украины, завершил процессы складывания «Руси-Украины». «Русь-Украина» противопоставляется в дальнейшем Московской России.

Дата поступления в редакцию 08.08.2022

¹ Власов В. С. Історія України. 7 клас. Київ, 2020. С. 39.

² Дрібниця О. В. Історія України. 7 клас. Київ, 2022. С. 45.

³ Гісем О. Г. Історія України. 7 клас. Київ, 2019. С. 45.

⁴ Свідерський Ю. Історія України. 7 клас. Київ, 2021. С. 34.

⁵ Там же. С. 39.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манюхин И. С. История России и Украины в украинских школьных учебниках // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и дизайн: сборник статей / под ред. М. И. Балзаникова, К. С. Галицкова, Е. А. Ахмедовой. Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2015. С. 402–406.
2. Писяева Э. В. Фальсификация событий Второй мировой и Великой Отечественной войн в школьных учебниках истории Украины и Беларуси // Педагогический форум. 2020. № 2 (6). С. 48–51.
3. Турянская О. Ф. Учебники на Украине: фальсификация истории Великой Отечественной войны и насаждение национализма в школьном образовании // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны: мат-лы международной научной конференции. Смоленск: ООО «Свиток», 2020. С. 178–185.

REFERENCES

1. Manyukhin I. S. [History of Russia and Ukraine in Ukrainian school textbooks]. In: Balzannikov M. I., Galitskova K. S., Akhmedova E. A., eds. *Traditsii i novatsii v stroitel'stve i arkhitekture. Arkhitektura i dizayn* [Traditions and innovations in construction and architecture. Architecture and design]. Samara, Samarskii gosudarstvennyi arkhitekturno-stroitel'nyi universitet Publ., 2015, pp. 402–406.
2. Pisyayeva E. V. [Falsification of events of the Second World War and the Great Patriotic War in school textbooks of the history of Ukraine and Belarus]. In: *Pedagogicheskii forum* [Pedagogical Forum], 2020, no. 2 (6), pp. 48–51.
3. Turyanskaya O. F. [Textbooks in Ukraine: falsification of the history of the Great Patriotic War and the improvement of nationalism in school education]. In: *Yedinstvo fronta i tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Unity of the front and rear during the Great Patriotic War: materials of the international scientific conference]. Smolensk, ООО «Svitok» Publ., 2020, pp. 178–185.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фукс Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Историко-филологического института, заведующий кафедрой методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Ковригин Вадим Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander N. Fuchs – Dr. Sci. (History), Prof., Director, Institute of History and Philology, Department Head, Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Vadim V. Kovrigin – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фукс А. Н., Ковригин В. В. Концепции генезиса древнерусского государства в учебниках истории Украины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 27–31.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-27-31

FOR CITATION

Fuks A. N., Kovrigin V. V. Concepts of the genesis of the ancient Russian state in the history textbooks of Ukraine. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 27–31.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-27-31

УДК 94 (41/99)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-32-38

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Иерусалимский Ю. Ю.

*Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение такого важного направления социокультурной деятельности Ярославской епархии Русской православной церкви, как благотворительность.

Процедура и методы. В основе исследования лежит анализ материалов по деятельности благотворительных обществ и учреждений Ярославской епархии Русской православной церкви во второй половине XIX в. Проанализированы делопроизводственные и статистические материалы, периодическая печать о функционировании организаций епархии по оказанию помощи малоимущим слоям населения. В работе были применены проблемно-хронологический, историко-системный и сравнительно-исторический методы.

Результаты. В статье раскрывается, как в условиях пореформенного времени Ярославская епархия продолжила линию на развитие благотворительных обществ и учреждений. Определено, что деятельность благотворительных организаций епархии носила значительный характер и занимала существенное место в благотворительной деятельности различных ведомств, общественных организаций и частных лиц.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы преподавателями при разработке спецкурсов и спецсеминаров по истории и социокультурной деятельности Русской православной церкви во второй половине XIX в., общественной жизни российского общества в пореформенное время.

Ключевые слова: благотворительная деятельность, Ярославская епархия, Русская православная церковь, попечительство, богадельня, материальная помощь

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-28-01231.

ACTIVITIES OF CHARITABLE ORGANIZATIONS OF THE Yaroslavl DIOCESE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Yu. Ierusalimskiy

P. G. Demidov Yaroslavl State University

ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl 150003, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the article is to study such an important direction of the socio-cultural activity of the Yaroslavl Diocese of the Russian Orthodox Church as charity.

Methodology. The main content of the study is the analysis of materials on the activities of charitable societies and institutions of the Yaroslavl Diocese of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th century. The paper analyzes clerical and statistical materials, periodicals on the functioning of the diocese's organizations to provide assistance to the poor. Problem-chronological, historical-system, and comparative-historical methods were applied in the article.

Results. The article reveals how, in the conditions of the post-reform period, the Yaroslavl Diocese continued its line of charitable societies and institutions development. The article proves that the activities of the diocese's charitable organizations were of a relevant nature and occupied a significant place in the charitable activities of various departments, public organizations, and individuals.

Research implications. The materials of the research can be used by teachers in the development of special courses and seminars on the history and socio-cultural activities of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th century, as well as on the social life of Russian society in the post-reform period.

Keywords: Charitable activities, Yaroslavl Diocese, Russian Orthodox Church, guardianship, almshouse, financial assistance

Acknowledgment. This research was supported by Russian Science Foundation grant no. 22-28-01231.

Введение

Важной научной проблемой является изучение социокультурной деятельности Ярославской епархии Русской православной церкви (РПЦ), и в частности её аспектов, связанных с благотворительной работой священно- и церковнослужителей. В пореформенное время благотворительная деятельность епархии была продолжена в условиях дальнейшего развития капитализма и с попаданием определённой части населения губернии в разряд малообеспеченных слоёв населения.

Целью статьи является исследование такого важного направления социокультурной деятельности Ярославской епархии РПЦ, как благотворительность, и функционирования целого ряда соответствующих организаций.

Основное содержание статьи составляет анализ нескольких групп исторических источников, прежде всего, делопроизводственных и статистических материалов, а также периодической печати, подробно раскрывающих работу благотворительных обществ и учреждений Ярославской епархии во второй половине XIX в. В монархической и либеральной публицистике конца XIX в. и по 1917 г. о благотворительной деятельности РПЦ говорилось исключительно в положительном тоне, приводились соответствующие количественные данные, подтверждающие значимость благотворительности. В противовес им марксистские публицисты резко критически, с классовых позиций отзывались о благотворительной деятельности Русской

православной церкви. Их традиции были продолжены в советской историографии.

С конца 1980-х гг. в отечественной исторической литературе возродился интерес к благотворительности второй половины XIX в., который продолжается вплоть до настоящего времени. По данной проблематике существуют специальные работы, как в общероссийском, так и в региональном масштабах [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Вместе с тем до сих пор недостаточно изучена деятельность благотворительных организаций одной из старейших в Российской империи епархий, а именно Ярославской епархии РПЦ.

Благотворительная деятельность Ярославской епархии Русской православной церкви на рубеже 1850-х–1860-х гг.

В 1860 г. в Ярославской епархии РПЦ насчитывалось 18 действующих монастырей и 914 церквей¹. Ярославская епархия, как и другие епархии РПЦ, во второй половине XIX в. продолжили вести благотворительную деятельность как силами своих благотворительных организаций, так и помогая светским аналогичным обществам. Так, 17 апреля 1860 г., в день рождения императора Александра II, духовенство Ярославской епархии во главе с архиепископом Ярославским и Ростовским Нилом с большим успехом устроило подписку в пользу 85 сирот, воспитанников Николаевского детского приюта в Ярославле, созданного купцом Труновым и открытым 17 апреля 1858 г., т. е. ровно за 2 года до описываемых в ЯЕВ событий².

Рассмотрим более подробно благотворительные организации Ярославской епархии РПЦ во второй половине XIX в.

В пореформенное время в губернии действовало *Ярославское епархиальное попечительство о бедных духовного звания*³. В его ведении находилась *Иоанники-*

евская богадельня при Пятницко-Туровской церкви в г. Ярославле. Богадельня была рассчитана на 10 постояльцев, которые постоянно проживали в ней на всём готовом. Так, в 1896 г. в богадельне постоянно находились 1 женщина и 9 мужчин. Богадельня была основана коллежским советником Горским в память его брата, херсонского архиепископа Иоанна. Она имела каменный дом со службами стоимостью в 6000 руб. Собственно, капитал богадельни в 1896 г. насчитывал существенную сумму в 22400 рублей⁴. Для сравнения этих денежных сумм со средней заработной платой рабочего Ярославской губернии в указанный промежуток времени отметим, что она составляла около 11 руб. в месяц.

В 1892 г. под руководством Ярославской епархии Русской православной церкви было основано *благотворительное общество «Христианская помощь»*. Оно находилось в с. Великое при церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Цель данной благотворительной организации епархии заключалась в искоренении нищеты путём обучения детей из малообеспеченных семей, а также размещении несостоятельных престарелых в богадельни, где им был обеспечен кров над головой, питание и уход. С этой целью общество «Христианская помощь» содержало интернат при церковно-приходской школе и богадельню.

В собственности общества на конец XIX в. имелись 2 двухэтажных и 1 одно-

сии с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцелярием по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М. Д. Лобковского, 1899. С. 845.

⁴ Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцелярием по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М. Д. Лобковского, 1899. С. 845.

¹ Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1860. № 1. 16 апр. ч. неоф.

² ЯЕВ. 1860. № 2. 23 апр. ч. оф.

³ Сборник сведений о благотворительности в Рос-

этажный дом со службами общей стоимостью 12800 руб. Капитал общества в 1896 г. насчитывал 2800 руб., членские взносы – 1590 руб., разовые пожертвования – 1600 руб., а пособия – 400 руб.

Вышеперечисленные существенные денежные средства показывают, что в конце XIX в. общество активно функционировало. Указанное общество со времени основания находилось в ведении и под попечительством епархиального начальства¹.

Вышеупомянутый *интернат при церковно-приходской школе в с. Великое* имел куда более древнюю историю, чем общество «Христианская помощь», патронировавшее его в конце XIX в. Интернат известен с 1833 г. Он имел 3 мастерские для повышения профессиональной подготовки своих воспитанников: сапожную для мальчиков, швейную и чулочную для девочек. В 1896 г. в интернате на полном обеспечении проживало 7 девочек (еще 31 приходили на дневной стационар) и 7 мальчиков (еще 3 приходили на день). Интернат при ЦПШ находился во ведении епархиального начальства и полностью содержался за счёт благотворительного великосельского общества «Христианская помощь»².

В 1889 г. в Пошехонском уезде Ярославской губернии в с. Кукобой по инициативе Ярославской епархии РПЦ было основано *Кукобойское благотворительное попечительство*. Оно было основано в

память «чудесного» спасения императора Александра III и его семьи во время крушения царского поезда 17 октября 1888 г. Целью попечительства являлось оказание помощи односельчанам, попавшим в стеснённые жизненные обстоятельства. Попечительство в 1896 г. осуществляло свою деятельность на основе капитала в 750 руб., 16 руб. членских взносов на данный год, поступлений и пожертвований – на общую сумму в 27 руб., а также владело землёй стоимостью в 100 руб. В этом же году попечительство оказало помощь 26 детям (19 девочкам и 7 мальчикам) и 78 взрослым (28 женщинам, 50 мужчинам). Кукобойское благотворительное попечительство со времени своего основания находилось в ведении Ярославской епархии³.

Также в память событий 17 октября 1888 г. руководство Ярославской епархии основало в с. Вошажниково Ростовского уезда Ярославской губернии *Вошажниковское благотворительное общество*, целью которого было оказание помощи бедным хлебопашцам, которые не имели посевного фонда и корма для скота, а также погорельцам и сиротам. Общество для финансирования своей благотворительной деятельности использовало в 1896 г. капитал в сумме 15014 руб., каменный завод, стоимостью в 1000 руб., и членские взносы на сумму в 100 руб.⁴ В указанном году благотворительной помощью воспользовались 44 взрослых (14 женщин и

¹ Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М. Д. Лобковского, 1899. С. 840–841.

² Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М. Д. Лобковского, 1899. С. 856–857.

³ Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М. Д. Лобковского, 1899. С. 842.

⁴ Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М. Д. Лобковского, 1899. С. 842–843.

30 мужчин) и 4 детей (2 девочки и 2 мальчика), что свидетельствует о постоянной востребованности подобного рода деятельности.

По инициативе епархии в 1891 г. в г. Рыбинске было открыто *Соборно-приходское попечительство о бедных*. В функции попечительства входило содержание местной церковно-приходской школы и финансовая поддержка малоимущих прихожан. Средства попечительства в 1896 г. составляли существенные цифры – 8267 руб. – и были обеспечены капиталом в 6800 руб., членскими взносами в 383 руб., а также разными поступлениями и пожертвованиями на общую сумму в 1084 руб.¹.

Видная роль в благотворительной деятельности Ярославской епархии РПЦ с древнейших времён принадлежала монастырям. Не стала исключением и вторая половина XIX в. Один из древних и широкоизвестных монастырей епархии – Троице-Сергиев Варницкий под Ростовым на месте рождения Сергия Радонежского – организовал *богадельню при обители для заштатных священно-церковнослужителей и их вдов и сирот*. Богадельня имела большой и крепкий деревянный дом со службами стоимостью в 7500 руб. В нём проживало на постоянной основе 6 человек (4 женщины и 2 мужчины). Капитал богадельни в 1896 г. насчитывал 15700 руб. Богадельня при Троицко-Варницком монастыре в г. Ростове на всём протяжении второй половины XIX в. находилась в ведении ярославского епархиального начальства².

¹ Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М.Д. Лобковского, 1899. С. 843.

² Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею

В этом же Ростовском уезде Ярославской губернии в 1862 г. в с. Вески была основана *Набилковская духовная богадельня* для призрения 12 лиц духовного звания. Она имела в собственности 2 одноэтажных каменных здания и содержалась за счёт капитала в 12000 руб. Руководство в работе богадельни осуществляла на постоянной основе Ярославская епархия. В 1896 г. в ней находилось 6 женщин и 4 мужчины³. Как видим, два места в богадельне оставались вакантными, что говорит об удовлетворении внутреннего спроса на её услуги.

В 1896 г. Ярославская епархия Русской православной церкви ведала 9 благотворительными организациями, которые оказали помощь 226 взрослым и детям⁴. Всего в губернии в указанный хронологический отрезок времени насчитывалось 75 благотворительных организаций, которые материально поддерживали 2715 человек. В конце XIX в. доля благотворительных учреждений епархии от общего количества аналогичных организаций в губернии составляла 12%, а по количеству малоимущих, которые нашли поддержку, – 8,3%.

Заключение

Таким образом, вклад благотворительных организаций, находящихся в

по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М.Д. Лобковского, 1899. С. 850.

³ Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М.Д. Лобковского, 1899. С. 851.

⁴ Подсчеты произведены по материалам: Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. Составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. СПб.: Тип. М.Д. Лобковского, 1899. С. 840–858.

ведении Ярославской епархии Русской православной церкви во второй половине XIX в. в материальную поддержку неимущего населения губернии был достаточно весом и сопоставим по значимости с деятельностью подобного рода заведений, контролировавшихся различными государственными ведомствами, органа-

ми местного самоуправления, частными предпринимателями и самым крупным благотворительным обществом России – Императорским человеколюбивым обществом¹, чьи отделения также действовали на Ярославской земле.

Дата поступления в редакцию 01.07.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования: сборник / под ред. О. Л. Лейкинда, А. В. Орловой, Г. Н. Ульяновой. СПб.: Лики России, 2003. 262 с.
2. Любарец А.Г. Социокультурная деятельность духовенства Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2011. 214 с.
3. Мамкина И. Н. Благотворительные организации в системе общего образования в конце XIX – начале XX в. как фактор формирования гражданского общества (на примере Восточной Сибири) // История государства и права. 2014. № 20. С. 54–57.
4. Матвеева Е. С., Меркулов А. В., Молоткова Е. Д. Роль благотворительных ведомств и общественных организаций дома Романовых в процессе поддержания быта детей во второй половине XIX – начале XX вв. // Власть. 2019. № 2. С. 217–224.
5. Панкрат Т. В. Общественно-приходская благотворительность Москвы (1864–1917): финансовый аспект // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 4. С. 48–54.
6. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX вв. М.: Наука, 2005. 403 с.
7. Юденкова Т. В. Павел и Сергей Третьяковы: предпринимательская и благотворительная деятельность // Отечественная история. 2007. № 2. С. 16–33.

REFERENCES¹

1. Leykind O. L., Orlova A. V., Ulyanova G. N., eds. *Blagotvoritelnost v Rossii: Istoricheskie i socialno-ekonomicheskie issledovaniya* [Charity in Russia: Historical and socio-economic studies]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2003. 262 p.
2. Lyubarets A. G. *Sociokulturnaya deyatel'nost duhovenstva Yaroslavskoj eparhii v konce XIX – nachale XX v.: dis. ... cand. ist. nauk* [Sociocultural activity of the clergy of the Yaroslavl diocese in the late 19th – early 20th centuries: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Ivanovo, 2011. 214 p.
3. Mamkina I. N. *Blagotvoritelnye organizacii v sisteme obshchego obrazovaniya v konce XIX – nachale XX v. kak faktor formirovaniya grazhdanskogo obshchestva (na primere Vostochnoj Sibiri)* [Charity organizations in the system of general education at the end of the XIX – beginning of the XX centuries as a factor of formation of civil society (as exemplified by Eastern Siberia)]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2014, no. 20, pp. 54–57.
4. Matveeva E. S., Merkulov A. V., Molotkova E. D. [The role of charity departments and public organizations of the Romanov's house in the process of supporting the life of children in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century]. In: *Vlast* [Authority], 2019, no. 2, pp. 217–224.
5. Pankrat T. V. [Public and parish charity of Moscow (1864–1917): financial aspect]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Series 8: History], 2010, no. 4, pp. 48–54.
6. Ulyanova G. N. *Blagotvoritel'nost v Rossijskoj imperii. XIX – nachalo XX vv.* [Charity in the Russian Empire. 19th – early 20th centuries]. M.: Nauka Publ., 2005. 403 p.
7. Yudenkova T. V. [Pavel and Sergey Tretyakov: entrepreneurial and charitable activities]. In: *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 2007, no. 2, pp. 16–33.

¹ Человеколюбивое Общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVIII. Цензурный комитет – Человек. СПб., 1903. С. 467–469.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова; профессор кафедры истории, культуры и социального развития Московской области Московского государственного областного университета;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurii Yu. Ierusalimskiy – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department of Russian Medieval and Modern History, P. G. Demidov Yaroslavl State University; Prof., Department of of History, Culture and Social Development of the Moscow Region, Moscow Region State University;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иерусалимский Ю. Ю. Деятельность благотворительных организаций Ярославской епархии Русской православной церкви во второй половине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 32–38.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-32-38

FOR CITATION

Ierusalimskiy Yu. Yu. Activities of charitable organizations of the Yaroslavl diocese of the Russian Orthodox Church in the second half of the XIX century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 32–38.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-32-38

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-39-50

НУЖНА ЛИ БЫЛА БОЛЬШЕВИКАМ МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Суздальцев И. А.*ГБОУ Школа № 1381**129346, г. Москва, ул. Коминтерна, д. 52, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть вопрос о приоритетности реализации задачи по осуществлению мировой революции лидерами РКП(б) с помощью Коммунистического интернационала в первые годы его деятельности.

Процедура и методы. В работе проанализирована современная литература, ряд документов РГАСПИ для выявления особенностей деятельности Коминтерна в моменты возникновения революционных ситуаций в Евроазиатском регионе в 1919–1923 гг.

Результаты. Сделан вывод, что, как минимум, не менее важной задачей создания Коминтерна (чем организация мировой революции) было обеспечение внутренней и внешней безопасности Советской России.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обобщён новый материал по исследуемой теме, связанный с позициями историков, оценивающих Коминтерн не только как организацию, созданную для осуществления мировой революции.

Ключевые слова: I конгресс Коминтерна, II конгресс Коминтерна, ИККИ, РКП(б), октябрьское восстание в Германии 1923 г.

DID THE BOLSHEVIKS NEED A WORLD REVOLUTION?

I. Suzdaltsev*GBOU School № 1381**ul. Comintern 52, Moscow 129346, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the question of the priority of the implementation of the task of carrying out the world revolution by the leaders of the RCP(b) with the help of the Communist International in the first years of its activity.

Methodology. The paper analyzes modern literature, a number of documents of the RGASPI to identify the features of the activities of the Comintern at the moments of the emergence of revolutionary situations in the Eurasian region in 1919–1923.

Results. It is concluded that, at least, no less important task of creating the Comintern than organizing the world revolution was to ensure the internal and external security of Soviet Russia.

Research implications. The article summarizes new material on the topic under study, related to the positions of historians who evaluate the Comintern not just as an organization created to carry out the world revolution.

Keywords: 1st Congress of the Comintern, 2nd Congress of the Comintern, ECCI, RCP(b), October uprising in Germany 1923

Введение

«Коминтерн создавался для организации мировой революции» – такой лейтмотив был свойственен как советской, так и зарубежной историографии XX в., и он по-прежнему господствует как среди современных отечественных, так и зарубежных историков, так или иначе изучающих деятельность этой международной организации, объединявшей коммунистические партии в 1919–1943 гг.

Логика советских историков очевидна: «историко-партийный подход» не позволял выйти за определённые рамки, не подлежало сомнению, что до XIV съезда ВКП(б), когда был провозглашён курс на построение социализма в одной стране, большевики не оставляли надежд осуществить мировую революцию, для чего и создали Коминтерн в 1919 г. Публикации, изданные в годы деятельности Коминтерна представляли собой, скорее, агитационные материалы. Первые попытки с научной точки зрения изучить историю Коммунистического интернационала берут своё начало в 60-х–70-х гг. В этих работах Коминтерн считался подлинным образцом пролетарского интернационализма, при этом историки не могли не отмечать факт, что его главная цель создания – революция во всемирном масштабе – не осуществилась. Во время перестройки советские исследователи попытались выйти за рамки существующих канонов: ставили вопрос о том, что должным образом не изучена руководящая роль РКП(б) в Коминтерне, что революционная ситуация лидерами Коминтерна была переоценена даже в начале 1920-х гг. Однако сам факт осуществления мировой революции как основной задачи Коминтерна не подлежал оспариванию.

Зарубежные историки начали изучать Коминтерн ещё в период его деятельности. Высокий уровень политизированности их работ, вызванный отношением западных стран к СССР, как в 30-е гг., так и в период холодной войны, не позволил их авторам серьёзно приблизиться к соз-

данию объективных исследований – их задачей было разоблачить политику Коминтерна, который, по их мнению, стремился свергнуть законные европейские правительства; подчеркнуть зависимость национальных секций от руководства организацией. Даже во время становления ревизионистского подхода в зарубежной историографии Коминтерна в 80-е гг., представители которого отказывались видеть в истории отношений коммунистических партий и Коминтерна нисходящее господство директив последнего, отношение к Коминтерну как к организации, созданной главным образом для мировой революции, не изменилось.

«Архивная революция» и снятие идеологических барьеров в начале 1990-х гг. способствовали появлению в отечественной историографии исследований, во многом схожих с зарубежными, где Коминтерн рассматривался как орудие большевистского режима. Например, Я. С. Драбкин назвал создание Коминтерна изначально гуманной идеей, превратившейся в дальнейшем в «прикрытие национально-державной политики сталинизма» [9, с. 2]. В статье К. В. Киселёва делается вывод, что большевики «узурпировали» в нём организационную инициативу [12, с. 232]. А. Ю. Ватлин отмечал вклад Коминтерна в развитие мира в XX в. [8, с. 6], считая при этом, что секции Коминтерна изначально зависели от «утвердившихся в России военно-коммунистических методов» [7, с. 10]. Соответственно, даже несмотря на появившуюся возможность для дискуссий в исторической науке, большинство российских историков отказывается пересмотреть вопрос о главной цели создания Коминтерна. Исключением можно назвать подход ограниченного круга исследователей, например, А. Колпакиди, который отмечает, что Коминтерн служил геополитическим интересам Советской России, во многом благодаря наличию которого удалось отстоять государственную, политическую и экономическую независимость

СССР» [13, с. 299]. Ряд исследователей считает, что одной из миссий, возлагаемых на III Интернационал, также являлись поддержка РСФСР в борьбе против империалистической интервенции [11, с. 101], ответ на военное вмешательство Запада [4, с. 312], что способствовало сделанному нами выводу о попытке большевиков с помощью Коминтерна удержаться у власти в Советской России [18, с. 42].

К сожалению, большинство отечественных исследователей считают эту тему «избитой» [7, с. 5], что она давно изучена и никакой новизны не содержит. Однако для чего же тогда рассекречиваются всё новые архивные фонды? Для кого в России были организованы 4-е международные конференции в 2019 г. (в МГУ, РГАСПИ, ГПИБР и МПГУ), в которых в большом количестве участвовали специалисты из-за рубежа? Видимо, главным образом для иностранных специалистов. Ведь на западе, как ни странно, в последние несколько десятилетий растёт количество публикаций, посвящённых Коминтерну. Заинтересованность темой Коминтерна вызвана как открытием новых фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), которые в том числе затрагивают деятельность иностранных коммунистических партий, так и возникшей в связи с этим возможностью переосмыслить некоторые вопросы, связанными с политикой данных компартий: в чём заключалось влияние Коминтерна на их тактику; каков был характер этого влияния; как это сказывалось на политической обстановке в стране или регионе; какую роль в политике Коминтерна занимали национальный и колониальный вопросы и каковы результаты их реализации [20, с. 18–30].

Новые тенденции в изучении целей создания Коминтерна

Вследствие более глубокой проработки вопроса, чем предшественники (а также, видимо, и чем российские историки),

в зарубежной историографии стали появляться мнения, существенно контрастирующие со всей предыдущей традицией, согласно которым Коминтерн создавался не только и не столько ради мировой революции. Американский историк Дж. Джейкобсон одним из первых среди англоязычных историков высказал мнение, что Коминтерн был сформирован и как средство защиты Советского Союза [28, р. 11–31].

Профессор истории международных отношений Кембриджского университета Дж. Хаслам в «Кембриджской истории России» также пришёл к выводу, что защита и усиление безопасности Советской России была не меньшим, чем мировая революция, приоритетом при создании Коминтерна [27, р. 636]. Не исключено, что угроза мировой революцией зачастую использовалась советским правительством в качестве инструмента давления, что Хаслам называл «смертельной игрой в шахматы», в результате которой под умелым руководством В. И. Ленина Москва всегда казалась на шаг впереди, оставляя капиталистический мир неуверенным, злым и обиженным, но не имеющим средств осуществить эффективную политику нейтрализации и вынужденным идти на компромисс, которым, например, стало англо-советское торговое соглашение 1921 г. [27, р. 641]

Историк А. Колпакиди так сформулировал один из ленинских принципов: «Всё, что полезно Советской России, полезно мировой революции» [13, с. 274]. И. В. Сталин утверждал, что «мировая революция как единый факт – ерунда. Она происходит в разные времена в разных странах» [13, с. 274]. Эти тезисы, по нашему мнению, вполне можно применить к Коминтерну, главный приоритет создания которого мог заключаться в отстаивании внутри- и внешнеполитических интересов РСФСР/СССР, а мировая революция, которая, безусловно, в то или иное время существования организации находилась на повестке дня, не была при-

оритетной задачей и не подразумевала «советизацию» какого-либо региона (скажем, Западной Европы) за короткий срок. Под основным внутривнутриполитическим интересом заключалась задача сохранения страны в условиях интервенции, которую планировалось прекратить через организацию пролетариата стран-интервентов, который бы мог способствовать созданию революционной ситуации в том или ином европейском государстве: «Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу страну», – заявлял Л. Д. Троцкий [4, с. 311].

Внешнеполитическими интересами большевиков, реализации которых должен был способствовать Коминтерн, являлось признание РСФСР ведущими западными странами. Лидеры РКП(б), являющиеся революционными романтиками и утопистами [16, с. 264; 17, с. 96], в любом случае понимали, что в условиях дипломатической изоляции перспективы развития страны представляются предельно туманными. С момента Октябрьской революции до момента основания Коминтерна РСФСР была признана только одним государством – Афганистаном в конце февраля 1919 г. Неудача в Бресте (первая попытка установить официальные связи с государствами Антанты) способствовала созданию Коминтерна, что должно было повлечь организацию «внутренних сторонников социалистической революции за пределами России» – формирование коммунистических партий по всему миру, на которые в свою очередь ложилась задача по воздействию на свои правительства как легально (парламентским путем), так и нелегально (подпольная деятельность) в зависимости от положения партии или политической ситуации в стране путём завоевания расположения рабочего класса [23, с. 293]. Как выразился Н. И. Бухарин, «возможность использования буржуазного парламента, равно как и его бойкот – вопрос чисто тактический и определяется исклю-

чительно данной ситуацией» [18, с. 54]. Эту цель оправдывает серьёзное финансирование коммунистических партий, даже в условиях Гражданской войны, что подтверждает их важность для советского правительства, в т. ч. и с учётом внутренних проблем в стране: за первый год существования Коминтерна зарубежным коммунистическим и социал-демократическим партиям и группам, которых к концу 1919 г. насчитывалось 46, было отправлено несколько миллионов рублей, что даже с учётом инфляции представляется значительной суммой, причём часть их них переправлялась золотом и драгоценностями, ещё часть материальной поддержки осуществлялась в иностранной валюте [19, с. 95, 97]. Подобную нам точку зрения о важности коммунистических партий, вокруг которых бы объединился рабочий класс, высказал историк В. Э. Багдасарян: «Ленин в борьбе с внешней угрозой рассчитывал на поддержку мирового пролетариата, что предполагало соответствующую пропагандистскую деятельность, осуществляемую по линии Коминтерна» [1, с. 14].

Также большевики не могли не рассчитывать на эффект, который повлечёт за собой создание III Интернационала, что можно было в дальнейшем использовать как инструмент воздействия. Премьер-министр Великобритании Л. Джордж в 1919 г. выражал серьёзную озабоченность по поводу возможной смены власти в Германии: «Если это случится, то будет создана гигантская Красная армия, вооружённая германскими пулеметами, ежеминутно готовая начать своё наступление на Западную Европу» [10, с. 232]. Революционная ситуация в Германии, кстати, сложилась за 2 месяца до создания Коминтерна, когда рабочая демонстрация в Берлине переросла в вооружённое восстание, которое возглавили Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ) и Коммунистическая партия Германии (КПГ), однако Радек, находящийся там и выразив-

ший позицию РСФСР, был категорически против восстания и использовал весь свой авторитет, чтобы способствовать его прекращению. Поэтому, по мнению Е. Н. Емельяновой, военный поход в Европу, на который надеялись ряд интернационалистов, в это время не входил в планы советского правительства [10, с. 231–232].

В первой половине 1919 г. произошли революции в Венгрии, Баварии и Словакии. Понятно, что советское правительство не имело возможности отправить в Центральную и Западную Европу войска по ряду очевидных причин [22, с. 169], однако финансовая поддержка советским республикам также не была оказана, соответственно помощь ограничивалась лишь моральным сочувствием [4, с. 311–312]. Верность тактики лидеров РКП(б), которые в это время сосредоточились на решении вопросов стабилизации положения на фронтах Гражданской войны, подтверждают их достижения: подавление Чапанного и Григорьевского восстаний в Поволжье и на Украине, занятие ключевых стратегических пунктов на Урале. К тому же сложно напрямую связать эти революции с деятельностью Коминтерна. Революционные события этого времени были главным образом вызваны результатами Первой мировой войны и Октябрьской революцией, однако возникали они без вмешательства Коминтерна. Среди них, помимо вышеуказанных, также можно отметить Ноябрьскую революцию в Германии (1918), Владейское восстание в Болгарии (1918), Гражданскую войну в Финляндии (1918), восстание в Аргентине (1919), Красное двухлетие в Италии (1919–1920), войну за независимость Ирландии (1919–1921) и др.

Знаменитые слова Л. Д. Троцкого о перенесении маршрута мировой революции на Восток также не были реализованы на практике. Например, В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев настаивали на помощи коммунистов азиатских стран нацио-

нальным буржуазным антиколониальным движениям, признавая, что приход к власти в Азии коммунистов – вопрос далёкого будущего. Тем не менее на Востоке в 1920 г. произошёл ряд революционных событий: в Гиляне (регион Ирана) была провозглашена Иранская советская республика; в Туркестане в сентябре 1920 г. была образована социалистическая советская республика. Иранская республика просуществовала недолго: уже осенью большевистское правительство России подписало с Ираном мирный договор, закончившийся её ликвидацией. Однако эти события также не были напрямую связаны с Коммунистическим интернационалом: на заседаниях ИККИ и на II конгрессе Коминтерна революции в Туркестане и Иране не обсуждались, и хотя их инициаторами были деятели Коминтерна (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий и др.), за плоскость заседаний партийного руководства большевиков они не выходили [21, с. 73–75].

На II конгрессе Коминтерна лозунг мировой революции даже в речах лидеров организации поддерживался, скорее, формально. Например, Ленин отмечал, что «задача состоит теперь в том, чтобы ускорять революцию, однако не вызывая её искусственно» [18, с. 66]. Это может быть обосновано и тем, что региональные бюро ИККИ не обладали достаточными кадрами для подготовки и осуществления революции. Например, находящийся на нелегальной работе во Франции А. Е. Абрамович писал Ленину, что в [Западноевропейском] бюро [ИККИ] люди безграмотные и недисциплинированные, каждый делает, что ему хочется, и всё это валится на голову русской партии¹. В итоге, 8 августа 1920 г. Западноевропейское бюро ИККИ было ликвидировано.

Неизвестно, насколько верили большевики в озвученные ими в переписке

¹ Письмо А. Е. Абрамовича В. И. Ленину с сообщением об экономическом и политическом положении во Франции. 1920 г. // РГАСПИ Ф. 5. Оп. 3. Д. 75. Л. 3.

между собой летом-осенью 1920 г. планами поощрить революцию в Италии, советизировать Венгрию, Чехию и Румынию. Неизвестно, какие приказы отданы были бы командирам Красной армии в случае занятия Варшавы в августе 1920 г. в ходе Советско-польской войны. Однако в итоге никаких попыток развязать революцию в указанных странах в данное время лидерами Коминтерна не предпринималось, а Советско-польская война закончилась поражением. К тому же к политике Коминтерна она, также, как и вышеуказанные события, не имеет непосредственного отношения. Во время II конгресса, проходившего в разгар войны, её события не нашли отражения в официальных выступлениях делегатов, либо ввиду опасения, что не все иностранные делегаты заслуживали полного доверия [6, с. 30], либо из-за того, что большевики в принципе не считали нужным с кем-либо обсуждать военные дела своей страны, как уже было в ситуации с действиями Красной армии и советского правительства в Центральной Азии. В. Э. Багдасарян и С. И. Реснянский считают, что советско-польская война не носила классовый характер, а была войной с историческими национальными врагами России, поэтому не была как-либо связана с Коминтерном [3, с. 72].

Однако ситуации, в которых бы лозунг мировой революции мог вполне начать приобретать фактическую реализацию, ещё возникали неоднократно. Например, мартовское восстание в Германии в 1921 г. Однако именно в этот период в РСФСР был провозглашён переход к НЭПу, что окончательно «лишило революционный процесс его чистоты» [14, с. 87]. Пожалуй, последней возможностью начать осуществлять мировую революцию могли стать сентябрьское восстание в Болгарии и октябрьское восстание в Германии в 1923 г. Однако к болгарскому восстанию большевики оказались безучастны, в германских событиях же приняли незначительное участие. Да, вопрос военного

вмешательства обсуждался с главкомом РККА С. С. Каменевым. В сентябре было проведено секретное совещание с компартиями Германии, Франции и Чехословакии, как всегда красноречиво выразился Зиновьев, кстати, заявивший, что идея мировой революции именно теперь впервые облекается плотью и кровью [18, с. 127], однако практические действия руководства Коминтерна не говорят о решительности их намерений.

Стоит взглянуть хотя бы на тех, кому было поручено руководство возможной революцией непосредственно на месте событий: К. Б. Радек, Ю. Л. Пятаков, В. В. Шмидт, Н. Н. Крестинский. Лучшие годы Радека в Коминтерне уже были сочтены – он участвовал во внутрипартийной дискуссии на стороне Троцкого и уже вскоре (в 1924 г.) был выведен из ЦК РКП(б) и из Исполкома Коминтерна; Пятаков в это время занимал должность заместителя председателя ВСНХ СССР и с Коминтерном вовсе никак не был связан. Его не самая серьёзная осведомлённость в вопросе германский событий подтверждается письмом Сталину 1 ноября 1923 г., в котором Пятаков пишет, что «первое время чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег» [18, с. 144]. Шмидт занимал пост наркома труда РСФСР, Крестинский – полномочного представителя СССР в Германии, оба, так же, как и Пятаков, были достаточно далеки от деятельности Коминтерна. Спрашивается, неужели при III Интернационале не было более подготовленных для осуществления революции в Германии кадров?

Ситуация с Троцким может быть объяснена следующим образом: в случае успешного завершения немецкой кампании он вполне мог бы облачиться в «мундир главнокомандующего силами мировой революции» что члены уже оформившийся против него «тройки» (Сталин, Зиновьев, Каменев) никак не могли допустить [7, с. 115]. Но почему, например, туда не был отправлен Бухарин? Или даже Зиновьев? Тем более, что

Григорий Евсеевич несколько лет назад успешно съездил в Германию на съезд НСДПГ в Галле, когда была острая необходимость в расколе немецкой партии.

Скорее всего, причиной стал факт того, что лидеры Коминтерна не стремились к осуществлению революции настолько, как это было заявлено в их официальных речах. Тем более, что из самой Германии в это время сообщалось, что твёрдой и безоговорочной веры в революцию нет даже в широких партийных массах, не говоря уже о рабочей массе¹. Такой же точки зрения придерживается М. И. Мельтюхов, который пишет, что широкомасштабных военных приготовлений для поддержки революции не проводилось [15, с. 168].

Положительные итоги деятельности Коминтерна

Историки, рассматривающие Коминтерн «шире», чем организацию, созданную только для осуществления мировой революции, видят в его деятельности и положительные итоги. Например, Колпакиди отмечает, что за рубежом было создано мощнейшее культурное, политическое и экономическое лобби, выступавшее в защиту Советской России и проводимой ею политики; с помощью секций Коминтерна велась вербовка иностранных специалистов и квалифицированной рабочей силы для работы в СССР; подготовленные Коминтерном кадры сыграли огромную роль в смертельной схватке с фашизмом сначала в Испании, а затем и в годы Второй мировой войны.

Так, в 1942 г. Коминтерн имел нелегальные пункты связи во Франции, Бельгии, США, Мексике, Турции, Швеции, Югославии, Монголии, Китае, Иране, Индии. Служба связи Коминтерна имела радиостанции в Польше, Голландии, Бельгии, Германии, Китае, Дании, Швеции, Австрии, Монголии, Иране,

Словении, Хорватии, Англии и США. Малоизвестная в 1930-е гг. деятельность Коминтерна способствовала крушению бесчеловечной колониальной системы империализма. Она дала мощнейший импульс развитию национально-освободительного движения [13, с. 296–298].

Значительный вклад в антифашистскую борьбу разведшколы Коминтерна отмечает С. Б. Брилёв [5, с. 120–130]. Схожую с Колпакиди оценку политике Коминтерна даёт В. Э. Багдасарян: «По большому счёту национально-освободительная борьба и распад колониальных империй, явились историческим следствием выдвижения коминтерновского проекта. Коминтерн не умер целиком. Одним из его структурных осколков явилась, в частности, Всемирная федерация демократической молодёжи» [2, с. 36, 38].

Профессор истории Университета Эмори (США) Х. Клер пишет, что американские коммунисты со связями в Коминтерне принимали деньги от офицеров КГБ и помогали им в их шпионской деятельности [29, р. 90–91]. Канадский историк О. Драчевич отмечает, что Коминтерн принял серьёзное участие в решении негритянского вопроса: под его непосредственным влиянием в 1925 г. в США была создана организация «Американский негритянский трудовой конгресс» (под разными названиями существовавшая до 1946 г.), была оказана значительная поддержка негритянским активистам [24, р. 253], что способствовало проведению важных кампаний против расового неравенства [25, р. 3]. Освобождение «парней из Скоттсборо» (судебный процесс, состоявшийся в 1931 г. по обвинению 9 афроамериканских юношей в изнасиловании, которые были оправданы судом присяжных), считает Драчевич, также отчасти связано с деятельностью организаций, борющихся против расизма [26]. В другой своей работе Драчевич пишет, что идеи Коминтерна хорошо зарекомендовали себя и после его роспуска. Например, идеи коммунизма повлияли

¹ Отчёт советского военного советника при ЦК КПГ А. Штродаха в Исполком Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1365. Л. 83.

на Нельсона Манделу, ставшего одним из самых известных активистов в борьбе за права человека [25, р. 2].

Схожие с тезисами Драчевича выводы о негритянском вопросе в политике Коминтерна содержатся в статье М. Свэглера (Колледж Уильямса, США); он также упоминает судебный процесс над «парнями из Скоттсборо» и отмечает значительную роль в этом процессе Международного комитета профсоюзов негров-рабочих (ITUCNW), который координировал акции солидарности и освещение этих событий в СМИ. Среди других важных кампаний он называет создание Западноафриканской молодежной лиги в 1934 г., акции солидарности коммунистов США и Европы с Эфиопией во время Итало-эфиопской войны 1935–1936 гг., создание комитетов «Руки прочь от Абиссинии» [32, р. 623–626]. Дж. Ридделл (Институт Онтарио, Канада) соглашается с Колпакиди в оценках вклада Коминтерна в антиколониальную борьбу [31, р. 119].

В 2020 г. в США был опубликован сборник статей «Эстетика Коминтерна», посвященный, в основном, рассмотрению деятельности Коминтерна с позиций влияния на мировую культуру. Авторами отмечается влияние Коминтерна на искусство Китая, Индии, Бразилии, на испанскую радикальную культуру времён Гражданской войны. В заключении к сборнику С. Ли и А. Глейзер приходят к выводу, что даже если Коминтерн существовал только как бюрократическая организация, искусство, которое поощрялось III Интернационалом, будет продолжать процветать и вдохновлять [30, р. 530].

Заключение

Анализ ряда современных публикаций показывает, что цивилизационные (национальные) ориентиры большевиков преобладали над интернациональными. Это, безусловно, не говорит о том, что идея мировой революции была плодом фантазии на протяжении всего периода

её существования, быть может, если бы в какой-либо европейской стране возникла действительно революционная ситуация, большевики приняли бы самое активное участие в свержении действующей власти [3, с. 73]. Однако на практике лидерам советского правительства, являвшимся также и лидерами Коминтерна, было важнее обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность своей страны: удержать власть в условиях интервенции и способствовать признанию Советской России на международной арене.

Если судить о Коминтерне не только как об организации, созданной для осуществления мировой революции, то можно отметить его продуктивный вклад в ряд событий истории XX в.: борьбу с фашизмом, обретение независимости колониальными странами, совершенствование духовной сферы, формирование антикапиталистической идеологии, которая популярна даже в среде официальных международных массовых организаций, например, во Всемирной федерации демократической молодежи.

Из этого следует, что история Коминтерна гораздо глобальнее, чем её пытались изобразить историки на протяжении практически 100 лет. Безусловно, политика III Интернационала – это и ряд перегибов, особенно в отношении национальных секций, однако плодотворные итоги деятельности этой международной организации также не следует забывать. Полная картина политики Коммунистического интернационала ещё не представлена: не рассекречена значительная часть архивов, посвящённая Коминтерну, не все рассекреченные фонды проанализированы на должном уровне, в т. ч. связанные с функционированием зарубежных коммунистических партий и хранящиеся в иностранных архивах. Поэтому, по нашему мнению, тема деятельности Коминтерна ещё долгие годы будет оставаться актуальной.

Дата поступления в редакцию 04.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Политические пророчества В. И. Ленина в фокусе актуальных вызовов развития России и человечества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 8–23.
2. Багдасарян В. Э. Формирование идеологии новой трансграничной партии – Интернационала грядущего человечества // Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. О новом Международном интернационале на платформе ПНТ: сборник. М.: Наука и политика, 2017. С. 20–48.
3. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Генезис советской системы: революция как механизм цивилизационного воспроизводства // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 4-2. С. 66–76.
4. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Столетие российской революции 1917 года в фокусе антироссийской исторической пропаганды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 2. С. 303–322.
5. Брилёв С. Б. Самый северный виноградник. Загадочная разведшкола Коминтерна в башкирской глубинке // Международная жизнь. 2020. № 12. С. 118–133.
6. Ватлин А. Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М.: РОССПЭН, 2018. 176 с.
7. Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.
8. Ватлин А. Ю. Коминтерн: первые десять лет. М.: Россия молодая, 1993. 142 с.
9. Дрabbкин Я. С. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. 947 с.
10. Емельянова Е. Н. Политика большевистского руководства по отношению к Германии (1918–1919 гг.) // Научный диалог. 2018. № 4. С. 227–239.
11. Емельянова Е. Н. Теоретические основы социал-демократической концепции войны и мира // Актуальные проблемы истории: сб. / отв. ред. С. Г. Калашников. Коломна: ГСГУ, 2016. С. 96–102.
12. Киселев К. В. К вопросу о логике развития организационной структуры мировой партии (Коминтерн и судьба мирового коммунизма) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2003. № 4. С. 227–261.
13. Колпакиди А. И. Коминтерн: что это было? // Коммунизм и фашизм: Братья или враги? / ред.-сост. И. Пыхалов. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 269–300.
14. Лабей М. «Вокруг третьего конгресса»: создание сети критически настроенных коммунистов // Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна: сб. мат.-ов / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 86–89.
15. Мельтюхов М. И. Красная Армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923). М.: АИРО-XXI, 2013. 213 с.
16. Романовский В. К. Великая русская революция в оценках политического мыслителя Н. В. Устрялова // Преподаватель XXI век. 2017. № 2-2. С. 264–276.
17. Стейнберг М. Д. Русская революция, 1905–1921 // Революции 1917 года в России: Современная историография / отв. ред. М. М. Минц. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 94–106.
18. Суздальцев И. А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2019. 206 с.
19. Суздальцев И. А. Когда же состоялось подлинное основание Коминтерна? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 91–99.
20. Суздальцев И. А. Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 18–30.
21. Суздальцев И. А. Страны Центральной Азии в политике Коминтерна и журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 г. // Mongolica. Санкт-Петербургский журнал монголоведческих исследований. 2021. № 3. С. 72–78.
22. Шмигель М. Наследники великой революции – венгерская и словацкая советские республики (1919 г.) // Великая российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: матлы международной научной конференции / гл. ред. А. В. Егоров. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2017. С. 168–172.

23. Шубин А. В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб.: Питер, 2017. 448 с.
24. Drachewych O. Race, the Comintern, and Communist Parties in British Dominions, 1920–1943 // Left Transnationalism. The Communist International and the National, Colonial, and Racial Questions / O. Drachewych, I. McKay, eds. Montreal&Kingston: McGill-Queen's University Press, 2019. P. 248–269.
25. Drachewych O. The Communist International, Anti-Imperialism and Racial Equality in British Dominions. London, New York: Routledge, 2019. 187 p.
26. Drachewych O. The Communist Transnational? Transnational studies and the history of the Comintern. History Compass. 2019. Vol. 17. Iss. 2. DOI: 10.1111/hic3.12521
27. Haslam J. Comintern and Soviet foreign policy, 1919–1941 // The Cambridge History of Russia / R. G. Suny, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 636–661.
28. Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley: University of California Press, 1994. 388 p.
29. Klehr H., Isserman M. Conference talks from «One Hundred Years of Communism in the USA» // American Communist History. 2019. Vol. 18. № 1-2. P. 88–96.
30. Lee S., Glazer A. Coda // Comintern Aesthetics / A. M. Glazer., S. S. Lee, eds. Toronto: University of Toronto Press, 2020. P. 529–536.
31. Riddell J. Origins of the Anti-Imperialist United Front. The Comintern and Asia, 1919–1925 // Left Transnationalism. The Communist International and the National, Colonial, and Racial Questions / O. Drachewych, I. McKay, eds. Montreal&Kingston: McGill-Queen's University Press, 2019. P. 99–124.
32. Swagler M. The Russian Revolution and Pan-African Marxism // Review of African Political Economy. 2018. Vol. 45. Iss. 158. P. 620–628.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. [Political prophecies of V. I. Lenin in the focus of current challenges in the development of Russia and humanity]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2020, no. 2, pp. 8–23.
2. Bagdasaryan V. E. [Formation of the ideology of a new cross-border party – the International of the Coming Humanity]. In: Sulakshin S. S., Bagdasaryan V. E. *O novom Mezhdunarodnom internatsionalne na platforme PNT* [On the new International International on the PNT platform]. Moscow, Nauka i politika Publ., 2017. P. 20–48.
3. Bagdasaryan V. E., Resnyanskiy S. I. [Genesis of the Soviet system: revolution as a mechanism of civilizational reproduction]. In: *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2021, vol. 22, no. 4-2, pp. 66–76.
4. Bagdasaryan V. E., Resnyansky S. I. [Centenary of 1917 Russian Revolution in the focus of anti-Russian historical propaganda]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2017, vol. 16, no. 2, pp. 303–322.
5. Brilev S. B. [The northernmost vineyard. The mysterious intelligence school of the Comintern in the Bashkir hinterland]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [International life], 2020, no. 12, pp. 118–133.
6. Vatlin A. Yu. *Vtoroy kongress Komintern: tochka otscheta istorii mirovogo kommunizma* [Second Congress of the Comintern: the starting point of the history of world communism]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018. 176 p.
7. Vatlin A. Yu. *Komintern: idei, resheniya, sudby* [Comintern: ideas, decisions, fates]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 374 p.
8. Vatlin A. Yu. *Komintern: pervyye desyat let* [Comintern: the first ten years]. M.: Rossiya Molodaya Publ., 1993. 142 p.
9. Drabkin Ya. S. *Komintern i ideya mirovoy revolyutsii. Dokumenty* [The Comintern and the Idea of the World Revolution. The documents]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 947 p.
10. Yemelyanova E. N. [The policy of the Bolshevik leadership towards Germany (1918–1919)]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2018, no. 4, pp. 227–239.
11. Yemelyanova E. N. [Theoretical foundations of the social democratic concept of war and peace]. In: Kalashnikov S. G., ed. *Aktualnyye problemy istorii: sbornik nauchnykh statey kruglogo stola* [Actual

- problems of history. collection of scientific articles of the round table]. Kolomna, GSGU Publ., 2016, pp. 96–102.
12. Kiselev K. V. [To the question of the logic of development of the organizational structure of the world party (the Comintern and the fate of world communism)]. In: *Nauchnyy yezhegodnik IFiP UrO RAN* [Scientific Yearbook of the Institute of Physics and Technology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2003, no. 4. pp. 227–261.
 13. Kolpakidi A. I. [Comintern: what was it?]. In: Pykhalov I., ed. *Kommunizm i fashizm: Bratya ili vragi?* [Communism and fascism: Brothers or enemies?]. Moscow, Yauza-press Publ., 2008, pp. 269–300.
 14. Labeŷ M. [“Around the Third Congress”: The Birth of a Network of Critical Communists]. In: Sorokin A. K., ed. *Levaya alternativa v XX veke: drama idey i sudby lyudey. K 100-letiyu Kominternu: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Left Alternative in the 20th Century: Drama of Ideas and Personal Stories. On the 100th anniversary of the Comintern: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2019, pp. 86–89.
 15. Meltyukhov M. I. *Krasnaya Armiya i nesostoyavshayasya revolyutsiya v Germanii (1923)* [The Red Army and the Failed Revolution in Germany (1923)]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013. 213 p.
 16. Romanovskii V. K. [The Great Russian Revolution in the Evaluation of Political Thinker N. V. Ustryalov]. In: *Prepodavatel XXI vek* [Lecturer 21st century], 2017, no. 2-2, pp. 264–276.
 17. Steinberg M. D. [Russian Revolution, 1905–1921]. In: Mints M. M., ed. *Revolutsii 1917 goda v Rossii: Sovremennaya istoriografiya* [Revolutions of 1917 in Russia: Modern historiography]. Moscow, Institut nauchnoy informatsii po materialam nauk RAN Publ., 2017, pp. 94–106.
 18. Suzdaltsev I. A. *Bolshevik i politika Kominternu v 1919–1924 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Bolsheviks and the Politics of the Comintern in 1919–1924: Cand. Sci thesis in Historical sciences]. Mytishchi, 2019. 206 p.
 19. Suzdaltsev I. A. [When was Comintern actually founded?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2021, no. 3, pp. 91–99.
 20. Suzdaltsev I. A. [Modern English historiography of the Communist International: A General Overview]. In: *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2021, no. 4, pp. 18–30.
 21. Suzdaltsev I. A. [The countries of Central Asia in the politics of the Comintern and the magazine “Communist International” in 1920]. In: *Mongolica. Sankt-Peterburgskiy zhurnal mongolovednykh issledovaniy* [Mongolica. St. Petersburg Journal for Mongolian Studies], 2021, no. 3, pp. 72–78.
 22. Shmigel M. [The heirs of the great revolution – the Hungarian and Slovak Soviet republics (1919)]. In: Egorov A. V., ed. *Velikaya rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda v istorii i sudbakh narodov i regionov Rossii, Belarusi, Yevropy i mira v kontekste istoricheskikh realiy XX – nachala XXI veka: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Great Russian Revolution of 1917 in the history and fate of the peoples and regions of Russia, Belarus, Europe and the world in the context of the historical realities of the 20th – early 21st century: materials of the international scientific conference]. Vitebsk, Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova Publ., 2017, pp. 168–172.
 23. Shubin A. V. *Start Strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr 1917 – mart 1918* [Start of the Land of Soviets. Revolution. October 1917 – March 1918]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. 448 p.
 24. Drachewych O. Race, the Comintern, and Communist Parties in British Dominions, 1920–1943. In: Drachewych O., McKay I., eds. *Left Transnationalism. The Communist International and the National, Colonial, and Racial Questions*. Montreal&Kingston, McGill-Queen’s University Press, 2019, pp. 248–269.
 25. Drachewych O. *The Communist International, Anti-Imperialism and Racial Equality in British Dominions*. London; New York, Routledge, 2019. 187 p.
 26. Drachewych O. The Communist Transnational? Transnational studies and the history of the Comintern. In: *History Compass*, 2019, vol. 17, iss. 2. DOI: 10.1111/hic3
 27. Haslam J. Comintern and Soviet foreign policy, 1919–1941. In: Suny R. G., ed. *The Cambridge History of Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 636–661.
 28. Jacobson J. *When the Soviet Union Entered World Politics*. Berkeley, University of California Press, 1994. 388 p.
 29. Klehr H., Isserman M. Conference talks from «One Hundred Years of Communism in the USA». In: *American Communist History*, 2019, vol. 18, no. 1–2, pp. 88–96.

30. Lee S., Glazer A. Coda. In: Glazer A. M., Lee S. S., eds. *Comintern Aesthetics*. Toronto, University of Toronto Press, 2020, pp. 529–536.
31. Riddell J. Origins of the Anti-Imperialist United Front. The Comintern and Asia, 1919–1925. In: Drachewych O., McKay I., eds. *Left Transnationalism. The Communist International and the National, Colonial, and Racial Questions*. Montreal&Kingston, McGill-Queen's University Press, 2019, pp. 99–124.
32. Swagler M. The Russian Revolution and Pan-African Marxism. In: *Review of African Political Economy*, 2018, vol. 45, iss. 158, pp. 620–628.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ Школа №1381;
e-mail: ialoko90@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Suzdaltsev – Cand. Sci. (History), teacher of history, GBOU School № 1381;
e-mail: ialoko90@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суздальцев И. А. Нужна ли была большевикам мировая революция? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 39–50.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-39-50

FOR CITATION

Suzdaltsev I. A. Did the Bolsheviks need a world revolution? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 39–50.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-39-50

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 46.06.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-51-64

ЧИСЛЕННОСТЬ ОБЪЕДИНЁННОГО ВОЙСКА КРЕСТОНОСЦЕВ В ВЕНДСКОМ ПОХОДЕ 1147 Г.

Прохватиллов И. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Предпринята попытка критического пересмотра приводимой в средневековой хронике «Магдебургские анналы» численности войска крестоносцев, участвовавших в походе в земли балтийских славян, более известном в историографии как Вендский поход 1147 г.

Процедура и методы. Отталкиваясь от текста «Магдебургских анналов», а также учитывая оценки численности крестоносного войска, приводимые в отечественной и иностранной историографии, сделана попытка существенно снизить эту цифру, что более точно передаёт реалии той эпохи. В работе использованы методы: сравнения, математический и метод реконструкции исторических событий.

Результаты. Сделан вывод, что латинская хроника «Магдебургские анналы», с целью подчеркнуть масштабность предпринятого против славян похода, приводит сильно завышенные, не имеющие никакой практической основы цифры. На основании приведённых аргументов сделан вывод о сильно завышенной численности войска и приводятся более обоснованные цифры количества людей, участвовавших в походе.

Теоретическая и/или практическая значимость. Подвергнуты критической оценке текст латинской хроники, а также ряд современных исследований. Предложена авторская оценка численности крестоносных ополчений, участвовавших в Вендском крестовом походе 1147 г.

Ключевые слова: Вендский крестовый поход 1147 г., численность средневекового войска, балтийские славяне, крестоносцы

THE NUMBER OF THE UNITED ARMY OF THE CRUSADERS IN THE WENDISH MILITARY CAMPAIGN OF 1147

I. Prokhvatilov

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To critically re-think the size of the crusader troops cited in the medieval chronicle “Annales Magdeburgenses”, which participated in the campaign in the lands of the Baltic Slavs, better known in historiography as the Wendish crusade of 1147.

© CC BY Прохватиллов И. В., 2022.

Methodology. Based on the text of the Latin chronicle “Annales Magdeburgenses”, and also taking into account the estimates of the crusading troops’ number given in Russian and foreign historiography, the author makes an attempt to significantly reduce this figure, which, in his opinion, more accurately conveys the realities of that era. The method of comparison, the mathematical method, and the method of historical events reconstruction were used.

Results. It is concluded that the Latin chronicle “Annales Magdeburgenses”, in order to emphasize the scale of the campaign undertaken against the Slavs, gives greatly inflated figures that have no evidence. Based on a number of arguments presented, a conclusion was made about the greatly overestimated number of the troops and more reasonable figures are given for the number of people who participated in the campaign.

Research implications. Subjected to critical evaluation of the text of the Latin chronicle, as well as a number of modern studies. The author’s estimate of the number of crusader militias participating in the Wendish Crusade of 1147 is proposed.

Keywords: Wendish crusade of 1147, number of medieval troops, Baltic Slavs, crusaders

Введение

Основным источником, содержащим сведения о численности крестоносного войска, участвовавшего в Вендском походе 1147 г. в земли полабских славян, является немецкая хроника «Магдебургские анналы», написанная в 1170–1180 гг. Это единственный средневековый источник, который называет конкретную цифру численности ополчений крестоносцев, принявших участие в походе и состоявших из 3 отрядов¹. По сей день эта цифра используется историками без должного критического рассмотрения. Между тем она представляется весьма маловероятной, поскольку Вендский крестовый поход был лишь одним из 3 направлений Второго крестового похода, причём далеко не основным и возникшим достаточно спонтанно, вероятнее всего, в результате отказа большей части саксонского дворянства от участия в походе основного немецкого войска на Восток [18]. Даже объединённое французско-немецкое войска, направленное к основной цели похода – в Святую Землю, не было столь многочисленным.

Цель данного исследования – более реалистичная оценка численности кре-

стоносного войска, участвовавшего в походе против славян. Основными задачами работы стали: рассмотрение имеющейся информации первоисточников и приводимых в современной историографии оценок численности средневековых армий; сравнительный анализ численности воинских контингентов, участвовавших в конфликтах на территории средневековой Европы в период X–XIII вв.; возможно более точное определение размеров отдельных отрядов и общей численности объединённого войска крестоносцев в 1147 г. с помощью сравнительного и математического методов.

В дореволюционной российской историографии Вендскому походу как одному из эпизодов истории балтийских (полабских) славян уделялось достаточное внимание. Следует отметить работы А. Ф. Гильфердинга, И. А. Лебедева, А. И. Павинского, И. И. Первольфа, Д. Н. Егорова и ряда других авторов.

В советской историографии интерес к полабским славянам значительно угас – были лишь отдельные статьи и разделы в сборниках, посвящённые становлению государственности и процессу христианизации [6], а также археологии балтийских славян. О славяно-германских войнах VIII–XII вв. если и писали, то преимущественно в свете марксистско-ленинского учения, представляя их только как освободительную борьбу славян про-

¹ Магдебургские анналы, 1147 год. Цитируется по: Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинова А. В. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноευропейские источники. М: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 279–280.

тив агрессии немецких феодалов, что не в полной мере отражало всю многогранность данного вопроса [6; 14]. Периодически публиковались переводы статей иностранных авторов (преимущественно немецких и польских) о балтийских славянах [20].

В современной российской историографии различные вопросы изучения балтийских славян затронуты в ряде монографий и статей; публикуются переводы статей и изредка монографий и статей зарубежных авторов [17], однако история балтийских славян является лишь одним из второстепенных вопросов в изучении западных славян.

Зарубежная историография, посвящённая изучению полабских славян, значительно солиднее. Среди большого числа авторов, работающих над данной тематикой, можно отметить М. Драгнеа, Э. Кристиансена [25], Р. Барковского [24], Д. Филлипса [28], И. Фоннесберг-Шмидта [26] и ряд других авторов.

Однако в мире изучением Вендского похода 1147 г. занимались и занимаются единицы, в числе которых можно назвать Н. П. Грацианского, А. Пауля, М. Драгнеа, Р. Барковского. При этом и они, зачастую отличаясь достаточно взвешенным подходом к проблеме, рассматривая различные аспекты Вендского крестового похода с разных точек зрения, тем не менее автоматически повторяют цифры, приведённые в «Магдебургских анналах», не пытаясь сопоставить их с реальными возможностями средневековой военной логистики и мобилизационными возможностями средневековья.

Стараясь восполнить этот пробел, автором данного исследования предпринята попытка установления реальной численности крестоносного войска, участвовавшего в походе против балтийских славян в 1147 г.

Определение численности крестоносного войска в Вендском походе 1147 г.

В начале августа 1147 г. войско крестоносцев из Германии, Дании, Польши и ряда других европейских государств двумя отрядами начало экспансию в земли балтийских славян (нем. *Wenden* – венды), проживавших на территориях от р. Эльба до южного побережья Балтийского моря. В историографии этот поход более известен как Вендский поход 1147 г. (нем. *Wendenkreuzzug*). Его причиной стало давнее желание северогерманских феодалов во главе с герцогом Генрихом Львом и графом Альбрехтом Медведем захватить плодородные земли, лежащие между реками Эльба, Трава и Одер и населённые славянами, объединёнными в племенные союзы ободритов, лютичей и поморян. Помимо 2 крестоносных ополчений, атаковавших земли полабских славян с территории Германии, в походе приняло участие и объединённое датское войско, под командованием королей-соправителей Свена и Канута. Оно вторглось в земли ободритов с моря и, оставив флот в Висмарской бухте, соединилось с войском Генриха Саксонского Льва под крепостью Добин [2, с. 22].

Поход на славян развился из первоначальной идеи Второго крестового похода в Святую Землю и получил благословение папы Римского Евгения III, а непосредственным его вдохновителем стал аббат Бернар Клервосский. Именно он, предположительно, с подачи герцога Саксонии Генриха Льва, даже не дожидаясь одобрения верховного понтифика, начал пропагандировать идею похода на рейхстаге во Франкфурте в марте 1147 г. [18].

Согласно тексту «Магдебургской хроники», фрагмент которой, в связи с его важностью, цитируем полностью, в 1147 г. «...примерно на праздник святого Петра, по Божественному вдохновению, поощряемые апостолической властью и по увещаниям многих благочестивых

людей, огромное множество христианского воинства, возложив [на себя] знак Животворящего Креста, направилось против язычников, обитающих к северу, дабы либо подчинить их христианской религии, либо, с помощью Божией, полностью истребить. Там в одно войско соединились магдебургский архиепископ Фридрих, хальберштадтский епископ Ротульф, епископы мюнстерский – Вернер, мерзебургский – Райнальд, бранденбургский – Виггер, хафельбергский – Ансельм, моравский – Генрих, а также корвайский аббат Вибольт, маркграф Конрад, маркграф Адальберт, пфальцграф Фридрих, пфальцграф Херманн со многими графами и вооруженными рыцарями – [всего] 60 тысяч. Тем временем в другое войско соединились бременский архиепископ Адальберон I, ферденский епископ Титмар, саксонский герцог Генрих, бургундский герцог Конрад, презнатный князь (*princeps*) Хартвиг, со многими графами, знатью и прочими воинами-числом сорок тысяч бойцов. Также и датский король (*rex Dacie*) вместе с епископами своей страны и со всей силой своего народа, собрав величайшее множество кораблей, приготовил войско примерно в сто тысяч воинов. Вышел и брат польского князя (*dux Poloniae*) с 20 тысяч воинов. Его старший брат с бесчисленным войском также двинулся против жесточайших варваров пруссов (*Prusci*) и долго пребывал там. Против них, по неисповедимой воле Божией, с огромнейшим войском выступила даже Русь (*Rutheni*), хотя и не совсем правоверная (*minus catholici*), но всё же отмеченная званием христианским. И вот все они с несметным снаряжением и обозами, с удивительным благочестием вступили в различных местах в землю язычников»¹.

Основная сложность вопроса численности войска крестоносцев в Вендском походе – немногочисленность источников, упоминающих об этом походе, и лишь в «Магдебургских анналах» названо точное число воинов, участвовавших в нём.

Профессор Н. П. Грацианский ещё в 1946 г. в своей статье о Вендском крестовом походе не стал подробно останавливаться на вопросе о численности крестоносцев. Указывая на масштабность похода, историк делает вывод, что «...за Лабу двинулись огромные, невиданные для того времени немецко-датские полчища, которые должны были раз навсегда покончить с независимостью славян и их язычеством» [6, с. 92].

Такую же позицию можно видеть и у ряда современных учёных, как правило, придерживающихся указанных в «Магдебургских анналах» сведений [24, с. 99–100, 117], лишь иногда приводя иные, как правило, весьма значительные цифры [17, с. 412]. Не пытаясь критически их переосмыслить, авторы лишь добавляют в некоторых случаях, что, по всей вероятности, эти цифры сильно завышены [25; 26; 28].

Согласившись, что «Анналы» явно преувеличивают численность крестового войска, и учитывая отсутствие иных прямых сведений по этому вопросу, попытаемся с помощью математического метода, а также сравнительных данных, относящихся к другим войнам в этом регионе в период X–XIII вв., установить вероятные размеры объединённого войска участников Венского похода.

Первоначально затронем вопрос о том, какими критериями мог руководствоваться автор «Анналов», приводя такое количество воинов. Необходимо помнить, что благодаря широкомасштабной агитационной деятельности служителей церкви (в первую очередь, талантливого оратора и теолога Бернара Клервосского), в 1146–1147 гг. Центральную Европу охватил всеобщий религиозный порыв, направленный на организацию Второго

¹ Магдебургские анналы, 1147 год. Цитируется по: Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинова А. В. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западно-европейские источники. М: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 279–280.

крестового похода. Анонимный церковный автор того времени писал: «...проповедь их была столь успешна, что как бы по какому тайному согласию всех почти стран обитатели добровольно предлагали себя на истребление; не только простые люди думали совершить этим угодное Богу, но даже короли, герцоги, маркграфы и остальные сильные мира сего вместе с впавшими в подобное же заблуждение епископами, архиепископами, аббатами и иными служителями церкви с радостью бросились на страшную гибель души и тела» [15, с. 15].

Естественно, что Вендский поход, представленный Бернардом как одно из направлений Крестового похода, также должен был получить оправдание своих, сугубо прагматических, целей захвата новых земель с точки зрения морали и канонического права [18]. Автору «Анналов» необходимо было отразить в хронике массовый отклик на призыв взять крест, вследствие которого «огромное множество христианского воинства» собралось и выступило в поход на славян.

Второй причиной, повлиявшей на оценку хронистом численности крестоносцев, была типичная для средневековых письменных источников тенденция к увеличению размеров войск, участвовавших в битвах и походах, с целью придания событию большего значения и масштабности. В данном случае вполне уместна ссылка на данные из монографии Г. Дельбрюка «Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории» [9; 10], в которой обоснованно доказывается, что средневековые армии в реальности были значительно меньше заявленных цифр [9, с. 16]. По ряду вопросов данная монография, опубликованная ещё в 1900 г., не потеряла актуальность и по сей день. Её автор одним из первых стал использовать в исторических исследованиях данные смежных наук (демографии, экономики), что при критическом (иногда даже излишне [9, с. 6–7]) подходе к изучению первоисточников

позволило ему в вопросах определения численности армий древности сделать новаторские для своего времени выводы. При этом Г. Дельбрюк – один из немногих историков, подробно изучавших данный аспект, и вопрос численности средневековых армий рассмотрен им достаточно подробно и разносторонне. Не утверждая, что немецкий историк абсолютно точно определил численность многих средневековых военных формирований, надо признать, что в этом вопросе он был одним из первых, кто назвал цифры, наиболее близкие к реальным.

Переходя к оценке численности крестоносных ополчений, отметим, что тяжелооружённые конные воины XI–XII вв. делились на 3 основных типа:

1. избранные воины (*milites electi*) – собственно рыцари;

2. вооружённые всадники (*milites armati*) – «министерялы» (конные воины, имевшие полный комплект вооружения, но незнатного происхождения, а в этот период времени зачастую ещё и не имевшие личной свободы);

3. кольчужные воины (*milites loricati*) – оруженосцы, щитоносцы.

Эти 3 разряда воинов составляли «войсковой щит» (т. е. отряд) короля, отдельной области, аббатства или князя [13, с. 47, 49].

К коннице необходимо добавить пехоту: профессиональных воинов, набираемых в первую очередь из крестьян, имевших возможность приобрести полный комплект вооружения (они использовались преимущественно в составе гарнизонов крепостей и замков и при необходимости могли привлекаться для участия в походах); ополчение (также состоявшее из крестьян и чаще выполнявшее функции лёгкой пехоты, охранных подразделений, а также осуществлявшее фортификационные и дорожные работы, обслуживавшее осадные машины и пр.) [10, с. 71–72].

Современные историки по-разному оценивали численность крестонос-

ных ополчений, участвовавших во Втором крестовом походе. По мнению Ф. И. Успенского, французское войско насчитывало 70 тыс. человек [23, с. 105]; И. А. Лебедев оценивал немецкое войско короля Конрада III, уходившего на Восток, также в 70 тыс. человек [15, с. 89]. Таких же цифр придерживается и М. А. Заборов [12, с. 139–140]. А. В. Грановский называет численность немецкого и французского крестового ополчений – по 50 тыс. воинов и паломников в каждом [5, с. 280, 282]. Д. Норвич считает, что численность немецкого войска, уходившего на Восток, составляла 20 тыс. человек, а французского войска – несколько меньше, не называя точную цифру [16, с. 68]. Разница между этими цифрами, как между собой, так и в сравнении с приводимой в «Магдебургских анналах», весьма значительна. Однако вышеперечисленные авторы никак не аргументируют приведённые ими данные о количестве крестоносцев.

Возвращаясь к численности крестоносцев в Вендском походе, заметим, маловероятно, чтобы для похода на славян руководители экспансии смогли бы набрать большее войско, чем для основной цели Крестового похода, поскольку идея Вендского похода возникла позже, как производная из идеи похода на Восток, а также была поддержана преимущественно северогерманскими феодалами.

К этому стоит добавить, что численность средневековых армий вообще редко достигала выше приведённых цифр. Можно согласиться с Е. А. Гуриновым и М. В. Нечитайловым, что «...хронисты Средневековья вообще имели склонность прибегать к цифрам мифическим... Поэтому все оценки численности армий обычно неполны и основаны на противоречивых источниках...» [8]. Несмотря на то, что автор относил эти характеристики к армиям франкских государств Ближнего Востока времён Крестовых походов, они в полной мере подходят и для войск крестоносцев, формировавшихся в этот период

в Европе. Необходимо учитывать и тот факт, что собрать подобную массу воинов в период с апреля по июнь 1147 г. (период непосредственной подготовки к походу), было достаточно проблематично.

М. А. Заборов, рассматривая этот аспект феномена Крестовых походов, писал: «...хронисты приводят порой взятые из головы поистине астрономические цифры численности крестоносцев, делая это для того, чтобы подчеркнуть огромный масштаб священной войны, её величие». Он же высказал мнение, что хронисты чаще всего увеличивали цифры до крупных, круглых чисел, делящихся на 5 или на 10 (25, 40, 100, 150 тыс.), сравнивая их с более подходящими для фольклора [11]. Если брать за основу его мнение и уменьшать цифры «Магдебургских анналов» в 5–10 раз, то мы получим следующее:

- войско Генриха Льва – 4–8 тыс.;
- войско Альбрехта Медведя – 6–12 тыс.;
- датское войско – 10–20 тыс.;
- дружина польского князя Мешко III – 2–4 тыс. воинов.

Эти цифры выглядят значительно правдоподобнее приведённых в хронике.

Предприняв попытку определить размеры войска одного из основных участников похода – Генриха Льва, попробуем вычислить приблизительную длину, на которую оно могло растянуться при передвижении. При этом будем исходить из предположения, что войско должно было двигаться не беспорядочной толпой, а в каком-либо, пусть и весьма условном, тактическом порядке (построении), состоящем из колонн и шеренг. Ниже мы ещё коснёмся соотношения численности пехоты и конницы в средневековом воске, а сейчас возьмём за основу соотношение пехоты к коннице в саксонском войске, как 1:2–4, т. е. в 40-тыс. войске герцога Генриха Льва, согласно хронике, предположительно должно было быть 10–13 тыс. конных воинов на 27–30 тыс. пехотинцев.

Войско крестоносцев Генриха Льва могло двигаться из Бремена на оплот обороны князя Никлота – крепость Добин по наиболее используемому, относительно прямому торговому маршруту, который перед Шверинским озером разветвляется, обходя его с двух сторон [27, с. 136, 147]¹. Нет сведений, что войско герцога Генриха в пути разделялось на отряды, двигаясь порознь. Таким образом, оно подошло к крепости славян одним корпусом. Маршрут от Бремена до Шверинского озера занял «около 2 недель» [15, с. 397], тогда как расстояние между этими пунктами только по прямой составляет 197 км. Исходя из этих цифр, саксонское войско должно было бы проделывать дневной переход не менее 14–15 км. При этом перемещение осуществлялось по маршруту, проложенному не прямо, а зигзагами, от одного населённого пункта к другому, что подразумевает, что длина пути могла быть значительно больше, по просёлочным дорогам и разорённой территории с обозами и осадными машинами, соблюдая все меры предосторожности (поскольку князем Никлотом использовалась партизанская тактика «выжженной земли» и мелких нападений из засад по пути следования крестоносцев).

Торговые маршруты по территории Северной Германии часто пролагались по старым римским дорогам, имевшим стандартную ширину до 5 м [1]. В раннем средневековье стандарта ширины дорог не существовало, однако ширина просёлочных грунтовых дорог едва ли превышала те же 4–5 м (чтобы могли развезти 2 телеги). Таким образом, на дороге могло разместиться по ширине максимум 5 всадников (по 1 м на всадника). Беря эту цифру за основу и отведя каж-

дому всаднику по длине минимальное расстояние в 2,5 м (2 м – длина лошади + 0,5 м до следующей шеренги), мы получаем длину конной колонны 5000–6500 м. Таким же образом вычисляем длину колонны пехоты: 5 чел. в ширину; 0,5 м должен занимать пехотинец со снаряжением + минимальное расстояние до следующей шеренги 0,5 м. Получаем минимальное расстояние 1 м на каждую шеренгу. Таким образом, длина пехотной колонны составила бы 5400–6000 м. Суммировав их, мы получаем длину войсковой колонны 10,4–12,5 км. При этом автор сознательно берёт минимальные дистанции между шеренгами и не учитывает, что войско могло идти не плотной колонной, между отрядами должны были быть свободные пространства и т. д. Кроме того, ополчение сопровождал обоз с осадной техникой, продовольствием и необходимым походным имуществом (в хронике упоминается, что войска двигались «...с несметным снаряжением и обозами»². Даже без учёта этих данных, учитывая лишь воинов, получается, что, когда арьергардные части только начинали движение на марше, авангард уже должен был останавливаться на ночлег. Из этого можно сделать вывод, что численность в 40 тыс. воинов ополчения Генриха Льва – цифра совершенно невероятная.

Войско Альбрехта Медведя, насчитывавшее согласно «Анналам» 60 тыс. воинов, за примерно такой же период времени (2 недели) по маршруту Магдебург – Деммин, по мнению Э. Кристиансена должно было пройти около 218 км [25, с. 52]). Беря за основу расчёты численности войска Генриха Льва и не имея оснований сомневаться в данных хроники о маршруте и времени его прохождения, можно сделать также вывод о сильно

¹ Исходя из данных, приводимых Гельмольдом, войско Генриха Льва подошло к крепости Добин, находящейся на узком перешейке, разделяющем Шверинское озеро на две акватории, одним корпусом с южной стороны, а войско датчан осадило славян с северной стороны [2, с. 224–225; 17, с. 273].

² Магдебургские анналы, 1147 год. Цитируется по: Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинова А. В. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники. М: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 279–280.

завышенном количестве крестоносцев и в войске Альбрехта Медведя.

Каких-либо устоявшихся пропорций в соотношении «конница–пехота–вспомогательные силы» в европейских феодальных ополчениях не существовало. Однако можно предпринять попытку определения данного соотношения, оттолкнувшись от некоторых средневековых текстов и современных историографических источников. Обратимся к хронике Галла Анонима, описывавшего в конце XI – начале XII в. войско польского князя Болеслава Храброго, называя при этом общую цифру 3,9 тыс. тяжеловооруженных конных и 13 тыс. пеших воинов [4, с. 38], включавшую в себя, по всей вероятности, как дружину Болеслава, так и дружины его вассалов [14, с. 146]. Из текста Галла, мы узнаём, что «...в Познани имел 1300 рыцарей (*loricati milites*) с 4 тыс. щитников (*clipeati milites*), в Гнезно – 1500 рыцарей и 5 тыс. щитников, в г. Влоцлавке – 800 рыцарей и 2 тыс. щитников, в Гдече – 300 рыцарей и 2 тыс. щитников» [4, с. 38].

Вполне закономерен вопрос, насколько достоверны цифры, приводимые автором хроники, писавшем во втором десятилетии XII в. о событиях конца X – начала XI в. П. С. Стефанович, отталкиваясь от мнения польских историков (Г. Ловмянского, Т. Барната), склонен считать, что эти сведения более или менее соответствуют реальности по следующим причинам: в первую очередь, существует версия, что Галл Аноним брал цифры из какого-то не дошедшего до нас источника (возможно, представляющего собой некие «мобилизационные» списки XI в. или не сохранившееся агиографическое сочинение о св. Адальберте). Кроме того, цифры, даваемые Галлом, сопоставимы с цифрами, приводимыми арабским путешественником ибн-Якубом: 3,9 тыс. тяжеловооруженных всадников у первого, против 3 тыс. конных воинов у второго (достоверность сведений, даваемых ибн-Якубом, хоть и вызывает сомнения у не-

которых учёных, но в целом современной наукой они принимаются [21, с. 225]). Ибн-Якуб упоминает о разделении на отряды; Галл Аноним говорит о размещении воинов по городам, являвшимся опорными пунктами монархии Пястов, т. е. о городских гарнизонах (что вполне может отождествляться с отрядами). Разницу же в цифрах можно объяснить вполне закономерным увеличением границ, людских и материальных ресурсов Польского государства, а также масштабов военных походов Болеслава Храброго [21, с. 223–227].

Таким образом, можно считать сведения, приводимые Галлом Анонимом, вполне заслуживающими доверия. Исходя из его данных, соотношение конных воинов к щитникам (пехотинцам) по городам колеблется от 1:2,5 до 1:6,5. Приблизительное соотношение общего количества конных воинов Польского государства к пехотинцам – 1:3,3. По мнению автора, вполне корректным будет взять среднюю пропорцию соотношения конницы к пехоте как 1:2–4, причём под пехотой следует подразумевать также легковооружённых воинов, службу осадных машин, вооружённых слуг и т. д.

Используя аналогии в вопросе численности средневековых дружин, можно упомянуть, что в 955 г. крупнейший союзник германского императора герцог Богемский для участия в битве против венгров при Лехфельде привёл максимальный отряд – 1 тыс. конных рыцарей [3, с. 183–184]. Боеспособное ядро войска Оттона I в этой битве составило 8 отрядов примерно по 1 тыс. всадников и не превышало 7–8 тыс. воинов (не считая оруженосцев и слуг, по мнению Г. Дельбрюка, составлявших незначительное число), при этом другую часть верного ему саксонского войска король был вынужден оставить для охраны границ со славянами [10, с. 73].

В 981 г. император Оттон II издал указ для своих германских вассалов из числа церковной и светской знати, призывающий в поход в Италию против арабов, в

котором было оговорено точное количество затребованных воинов. Даже с учётом того, что в списке не упомянуты контингенты феодалов Верхней Лотарингии, Саксонии, Утрехта, он предполагает явку на службу сюзерену в общей сложности максимально 2080 рыцарей. Общая численность всего конного войска Оттона в этом походе составила 6 тыс. воинов [10, с. 64–65; 13, с. 48].

Эти цифры относятся к X в., но, по мнению Г. Дельбрюка, «войска Салиев и Штауфенов (*Гогенштауфенов* – И. В.) ... были ненамного больше армии Оттона Великого на Лехфельде» [10, с. 199].

В 1159 г. Генрих Лев (на тот момент герцог Саксонии и Баварии и самый могущественный из вассалов германского императора) прибыл в Италию к нему на помощь с 1,2 тыс. рыцарями, что составляло наиболее крупный германский отряд. Его дядя Вельф IV пришёл с 300 рыцарями, Фридрих Швабский привёл 600 рыцарей, архиепископ Рейнольд Кельнский – около 500 всадников, сын чешского короля – 300 рыцарей. Итого войско насчитывало 2,9 тыс. тяжёловооружённых всадников [13, с. 207].

По заключению Г. Дельбрюка, в 1161 г. при осаде Милана число рыцарей составляло не более нескольких тысяч (2–3), а общая численность войска – 50 тыс. (при заявленных в письменных источниках 10 тыс. рыцарей и 100 тыс. человек войска) [10, с. 204].

Уже значительно позднее, в начале XIII столетия, европейские армии также сохраняли аналогичные числовые пропорции. В битве между войсками германского императора Оттона IV и французского короля Филиппа Августа при Бувине в 1214 г., силы каждой сторон не превышали 5–8 тыс. человек (при этом у французов было существенное преимущество перед немцами в тяжёлой коннице: 2,5 тыс. французских всадников против 1,3–1,5 тыс. немецких, что оказало ключевое влияние на успешный ход битвы в пользу французов) [10, с. 261].

В 1150 г. в ходе продолжавшейся междоусобицы за земли Саксонии герцог Генрих Лев выставил отряд в 5 тыс. чел., а Альбрехт Медведь – 1,5 тыс. чел. [15, с. 118–119]. При этом необходимо помнить, что эта междоусобная война была для обеих сторон более важной, чем походы на славян, поскольку речь шла не о приобретении новых территорий, а сохранении целостности своих родовых владений.

Исходя из вышеприведённых примеров, можно предположить, что численность отряда Генриха Льва, двинувшегося в 1147 г. на славян, не могла превышать 2 тыс. тяжёловооружённых всадников (при этом мы не должны забывать, что Вендский поход был для Генриха Льва предприятием куда более значимым, чем помощь императору в Италии, и соответственно, требующим более масштабной мобилизации сил); отряды выступивших в числе войск Саксонского Льва Конрада Мейсенского, Адольфа Гольштейнского и архиепископа Хартвига Гамбургского с их вассалами по самым оптимистичным прогнозам могли насчитывать до 500 рыцарей (*milites electi, milites armati, milites loricati*) у каждого. Таким образом, общее количество конных воинов под руководством герцога предположительно могло достигать до 3–4 тыс. чел.

Исходя из соотношения конницы к пехоте 1:2–4, численность всей пехоты и вспомогательных сил саксонского войска не могла превышать 6–16 тыс. чел., что значительно меньше цифр, приводимых в «Магдебургских анналах».

Примером такой же завышенной оценки может служить и цифра численности предположительно входившего в состав войска Альбрехта Медведя польского отряда – 20 тыс. воинов¹. Ранее уже

¹ Магдебургские анналы, 1147 год. Цитируется по: Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинова А. В. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники. М: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 279–280.

приводились сведения Ибрагим ибн-Якуба, сообщавшего, что дружина князя Мешко I составляла 3 тыс. конных латников [21, с. 144], и данные Галла Анонима об общей численности (включая дружины польской феодальной знати) войска Болеслава Храброго в период расцвета Польского княжества – около 17 тыс. чел. Из этого числа тяжеловооруженная кавалерия составила всего 3,9 тыс. всадников, разбитых на городские дружины от 300 до 1,5 тыс. чел.¹ Пехота (щитники) насчитывала 13 тыс. чел., также разбитых на городские отряды по 2–5 тыс. чел. [14, с. 146].

Исходя из этих цифр, можно предполагать, что польские дружины князей Мешко III и Болеслава IV, участвовавшие в крестовом походе, едва ли превышали 1 тыс. всадников каждая. Эта цифра складывается исходя из следующих факторов. Данные Галла Анонима и ибн-Якуба (3–4 тыс. конных воинов) относятся к периоду наибольшего военного могущества раннесредневековой Польши. Уже в 1124 г. по призыву императора Священной Римской империи Генриха V в поход на Францию Польское и Чешское княжества выставили отряды только по 300 рыцарей [13, с. 47]. По аналогии, в 1114 г. область другого славянского племени – жиржипан – должно было выставить по вассальному договору от 3 своих областей (по площади приблизительно равных любому из удельных княжеств Польши) всего 300 вооружённых всадников [13, с. 88].

Ко времени Вендского похода Польское государство, согласно статуту Болеслава Кривоустого, было разделено между его сыновьями на 7 удельных княжеств, каждое из которых в отдельности выставить конный отряд в несколько тысяч латников было уже не способно. Можно привести ещё один схожий пример: в 982 г. славянский князь Мстивой принял участие в походе императора Оттона в

Италию во главе конного отряда в 1 тыс. всадников [2, с. 172]. При этом стоит отметить, что область княжества ободритов в этот период по площади превышала любое из удельных польских княжеств XII в., что подразумевает и более высокие мобилизационные возможности.

Эти цифры значительно меньше приводимых в хронике, но и они не до конца отражают реальную картину.

Можно согласиться с выводом П. С. Стефановича о «большой дружине» (понятие, вполне применимое и к феодальному ополчению XII в.), что «...количество людей в этих «больших дружинах» было таким, что их можно было считать, отталкиваясь уже не от сотни как единицы измерения, а от тысячи. Практически это значило, что действительное количество могло быть от 700–800 чел. (потому что о них уже можно сказать: «почти тысяча» и т. п.) до 2–3 тыс. (большую численность этих объединений невозможно предполагать, исходя из общих социально-экономических условий)» [21, с. 240]. Естественно, что мобилизационные и экономические возможности Саксонского герцогства были выше возможностей земель ободритского племенного союза или польского удельного княжества, однако ожидать цифр, более чем вдвое-втрое превосходящих названные, не приходится.

При этом необходимо помнить, что в раннем и высоком средневековье не существовало обязательного количества выставляемых воинов, ни для светских, ни для церковных феодалов. В случае созыва войска, каждый военачальник приводил с собой столько воинов, сколько считал нужным (или мог выставить) [10, с. 65–66].

Исходя из вышеприведённых данных, можно уверенно допустить, что войско Альбрехта Медведя, даже с учётом польских, чешских отрядов и отдельных рыцарей со всей Европы, не превышало 12–30 тыс. человек, хотя и эта цифра, вероятно всего, завышена.

¹ Прим.: Вероятно, это были дружины местной знати, подчинившейся Болеславу.

Также неизвестна нам и точная численность датского войска. Однако предположить его размеры можно с помощью косвенных данных, путём сравнительного метода.

Саксон Грамматик сообщает, что в 1159 г. при набеге данов под руководством короля Вальдемара I на о. Рюген от берегов Дании отошло 260 кораблей (до берегов Рюгена дошло всего 60) [19, с. 150]. В походе 1168 г. против Рюгена участвовало 200 кораблей с 10 тыс. воинов (что было половиной всех вооружённых сил, которые могла на тот момент выставить Дания, т. е. из 800 кораблей и 20 тыс. воинов) [15, с. 253; 19, с. 402]. По сообщению Титмара Мерзербургского, при нападении скандинавов на Лондон в 1016 г. участвовало 340 кораблей с экипажем до 80 чел. каждый [22, с. 149]. Таким образом, можно предположить, что в походе против славян в 1147 г. также могло участвовать не более 200–300 кораблей.

Среди нескольких типов скандинавских боевых и грузовых судов периода VIII–XII вв., достоверно известных на сегодняшний день на территории Дании, наибольшее количество людей перевозил боевой корабль (скеккья) типа Скульделев 2, имевший 60 гребцов, с общей численностью экипажа до 80 чел. [7]. Титмар Мерзербургский также сообщал о кораблях с экипажем в 80 чел. [22, с. 149].

Исходя из этих данных, можно выдвинуть версию о том, что в Вендском крестовом походе в войске данов участвовало до 200–300 кораблей с экипажем до 70 чел., т. е. в общей сложности 14–21 тыс. чел.¹

¹ Автор сознательно не учитывает, что часть датского флота могла состоять из грузовых судов каботажного плавания, типа Скульгелев 3, грузоподъёмностью 4–5 т, с экипажем 5–8 человек, перевозивших меньшее количество людей, но приспособленных для перевозки лошадей (по 2 на каждом судне). Их размеры были меньше, чем у боевых судов. В этом случае численность датского ополчения была ещё меньше.

Заключение

Подводя итоги подсчёта общей численности крестоносного войска в 1147 г., можно предположить, что, «как показывают современные исследования, в раннее и даже высокое средневековье отряд в несколько сотен человек уже считался сравнительно большим военным объединением, а “армии” в несколько тысяч воинов можно предполагать только в исключительных случаях, и набирались они, конечно, только на разовые военные предприятия и из самых разнородных социальных элементов» [21, с. 240].

Можно сделать вывод, что число в 220 тыс. чел., передаваемое «Магдебургскими анналами», является существенно завышенным. Объединённое войско могло насчитывать в своём составе:

- отряд под руководством Генриха Саксонского Льва – 6–16 тыс. чел.;
- отряд под руководством Альбрехта Медведя – до 12–30 тыс. чел.;
- объединённое датское войско под руководством королей Свена и Канута – 14–21 тыс. чел.

Нами не будет рассматриваться численность польских и русских дружин, выступивших в рамках Вендского похода против пруссов, поскольку этот вопрос выходит за рамки данной статьи.

Таким образом, общая численность войска составила не более 32–67 тыс. чел., включавших в свой состав, помимо тяжеловооружённой конницы и пехоты, а также отрядов легковооружённой пехоты, ещё и составлявшую предположительно около 1/3 личного состава obsługi осадных машин, обозной прислуги, слуг и пр.

Итак, можно заключить, что боеспособная часть армии, разбитой на 3 крупных отряда, составляла 21–44,5 тыс. человек. Однако и эта более близкая к реальной цифра является огромной для полабских славян, в разы уступавших нападавшим по численности боеспособного населения и за короткие сроки просто не имевших возможности собрать его

для централизованного сопротивления являются окончательными и нуждаются в дополнительных подтверждениях.

Подчеркнём, что полученные нами и приводимые в данной в статье цифры не

Дата поступления в редакцию 18.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Л. И. Древнейшая история дорог и транспорта по данным археологии // РусАрх: [сайт]. URL: <http://www.rusarch.ru/avilova1.htm> (дата обращения: 27.02.2022).
2. Аноним Г. Хроники и деяния князей и королей польских. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 172 с.
3. Бременский А., Гельмольд из Босау, Любекский А. Славянские хроники / пер. с лат. И. В. Дьяконова, Л. В. Разумовской. М.: Русская панорама, 2011. 584 с.
4. Видукиндр Корвейский. Деяния саксов / пер. с лат. Г. Э. Санчука. М.: Наука, 1975. 273 с.
5. Грановский А. В. Крестовые походы: в 2 тт. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 472 с.
6. Грацианский Н. П. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С. 91–105.
7. Губарев О. Л. Скандинавское судостроение эпохи викингов // Судостроение.INFO: [сайт]. URL: <https://sudostroenie.info/novosti/21608.html> (дата обращения: 15.08.2020).
8. Гуринов Е. А., Нечитайлов М. В. Армии франкских государств Сирии и Палестины 1100–1205 гг. Численность // Воин. 2010. № 9. С. 8–25.
9. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. Античность / отв. ред. А. Б. Егоров. СПб: Наука; Ювента, 1994. 416 с.
10. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 3. Средневековье / отв. ред. А. Б. Егоров. СПб: Наука, Ювента, 1994. 448 с.
11. Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI–XIII вв.) [Электронный ресурс]. URL: <http://annales.info/evrope/zaborov/vikp0.htm> (дата обращения: 15.02.2022).
12. Заборов М. А. Крестовые походы. М: Издательство Академии наук СССР, 1956. 280 с.
13. Контамин Ф. Война в Средние века / пер. с фр. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова. СПб: Ювента, 2001. 416 с.
14. Корольюк В. Д. Древнепольское государство. М: Издательство Академии наук СССР, 1957. 208 с.
15. Лебедев И. А. Последняя борьба балтийских славян против онемечивания. Ч. I. М.: Университетская типография (Катков и К). 1876. 305 с.
16. Норвич Д. Д. Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии. 1130–1194. М.: Центрполиграф, 2005. 215 с.
17. Пауль А. Балтийские славяне. От Рерика до Старигарда. М.: Книжный мир, 2016. 544 с.
18. Прохвятилов И. В. Причины и мотивация участников Вендского крестового похода 1147 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 146–158.
19. Саксон Грамматик. Деяния данов. В 2-х тт. Т. 2. Книги XI–XVI / пер. с лат. А. Досаева. М.: Русская панорама, 2017. 616 с.
20. Славяне и скандинавы / под ред. Е. А. Мельниковой. М: Прогресс, 1986. 416 с.
21. Стефанович П. С. Знать и военные слуги в социально-политической структуре Древнерусского государства в X – первой трети XII в.: дис. ... док. ист. наук. Москва, 2014. 553 с.
22. Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. / пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2009. 256 с.
23. Успенский Ф. И. История Крестовых походов. СПб.: Евразия, 2000. 384 с.
24. Barkowski R. F. Krucjata polabska 1147. Warszawa, Bellona, 2017. 230 p.
25. Christiansen E. The Northern Crusades: The Baltic and the Catholic Frontier 1100–1525. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980. 273 p.
26. Fønnesberg-Schmidt I. The popes and the Baltic Crusades 1147–1254. Leiden, Boston, 2007. 287 p.
27. Hermann J. Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6 bis 12. Akademie-Verlag, 1985. 725 p.

28. Phillips J. *The Second Crusade: extending the frontiers of Christendom*. London: Yale University Press, 2010. 364 p.

REFERENCES

1. Avilova L. I. [The oldest history of roads and transport according to archeology]. In: *RusArch* [Ru-sArch]. Available at: <http://www.rusarch.ru/avilova1.htm> (accessed: 27.02.2022).
2. Anonim G. *Khroniki i deyaniya knyazey i koroley polskikh* [Chronicles and deeds of princes and kings of Poland]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1961. 172 p.
3. Bremensis A., Helmoldi presbyteri Bozoviensis, Lubecensis A. *Chronica slavorum*. (Rus. ed.: Dya-konova I. V., Razumovskaya L. V., transls. *Slavyanskiye khroniki*. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011. 584 p.).
4. Widukind von Corvei. *Res gestae Saxonicarum* (Rus. ed.: Sanchuk G. E., transl. *Deyaniya saksov*. Mos-cow, Nauka Publ., 1975. 273 p.).
5. Granovsky A. V. *Krestovyye pokhody: v 2 tt. T. 1* [Crusades: in 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2013. 472 p.
6. Gratsiansky N. P. [Crusade of 1147 against the Slavs and its results]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1946, no. 2-3, pp. 91–105.
7. Gubarev O. L. [Scandinavian shipbuilding of the Viking Age]. In: *Shipbuilding.INFO*. Available at: <https://sudostroenie.info/novosti/21608.html> (accessed: 15.08.2020).
8. Gurinov E. A., Nechitaïlov M. V. [The armies of the Frankish states of Syria and Palestine 1100–1205. Number]. In: *Voin* [Warrior], 2010, no. 9, pp. 8–25.
9. Delbrück H. *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Tom 1. Antike* (Rus. ed.: Egorov A. B., ed. *Istoriya voyennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii. T. 1. Antichnost*). St. Pe-tersburg; Nauka Publ., Yuventa Publ., 1994. 416 p.
10. Delbrück H. *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. T. 3. Mittelalter* (Rus. ed.: Egorov A. B., ed. *Istoriya voyennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii. T. 3. Srednevekovye*. St. Petersburg, Nauka Publ., Yuventa Publ., 1994. 448 p.).
11. Zaborov M. A. *Vvedeniye v istoriografiyu krestovykh pokhodov (Latinskaya khronografiya XI–XIII vv.)* [Introduction to the historiography of the Crusades (Latin chronography of the 11th–13th centuries). Available at: <http://annales.info/evrope/zaborov/vikp0.htm> (accessed: 15.02.2022).
12. Zaborov M. A. *Krestovyye pokhody* [Crusades]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1956. 280 p.
13. Contamine Ph. *La guerre au Moyen age* (Rus. ed.: Malinin Yu. P., Karachinsky A. Yu., Nekrasov M. Yu., transls. *Voyna v Sredniye veka*). St. Petersburg, Yuventa Publ., 2001. 416 p.
14. Korolyuk V. D. *Drevnepolskoye gosudarstvo* [Ancient Polish state]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1957. 208 p.
15. Lebedev I. A. *Poslednyaya borba baltiyskikh slavyan protiv onemchivaniya. Ch. I* [The last struggle of the Baltic Slavs against Germanization. Part I]. Moscow, Universitetskaya tipografiya (Katkov i K) Publ. 1876. 305 p.
16. Norwich D. D. *Rastsvet i zakat Sitsiliyskogo korolevstva. Normandtsy v Sitsilii. 1130–1194* [The heyday and decline of the Sicilian kingdom. Normans in Sicily. 1130–1194]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005. 215 p.
17. Paul A. *Baltiyskiye slavyane. Ot Rerika do Starigarda* [Baltic Slavs. From Rerik to Starigard]. Moscow, Knizhny Mir Publ., 2016. 544 p.
18. Prokhvatilov I. V. [Reasons and motivation for the Wendish Crusade of 1147]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 3, pp. 146–158.
19. Saxo Grammaticus. *Gesta Danorum* (Rus. ed.: Dosaev A., transl. *Deyaniya danov. T. 2. Knigi XI–XVI*. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2017. 616 p.).
20. Melnikova E. A., ed. *Slavyane i skandinavyy* [Slavs and Scandinavians]. Moscow, Progress Publ., 1986. 416 p.
21. Stefanovich P. S. *Znat i voyennyye slugi v sotsial'no-politicheskoy strukture Drevnerusskogo gosudarstva v X – pervoy treti XII v.: dis. ... dok. ist. nauk* [Nobility and military servants in the socio-political structure of the Old Russian state in the 10th – first third of the 12th century: Dr. Sci. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2014. 553 p.

22. Thietmari Merseburgensis. *Chronocon* (Rus. ed.: Dyakonov I. V., transl. *Khronika*. V 8 kn. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2009. 256 p.).
 23. Uspensky F. I. *Istoriya Krestovyykh pokhodov* [History of the Crusades]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2000. 384 p.
 24. Barkowski R. F. *Krucjata polabska 1147*. Warszawa, Belloma, 2017. 230 p.
 25. Christiansen E. *The Northern Crusades: The Baltic and the Catholic Frontier 1100–1525*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1980. 273 p.
 26. Fønnesberg-Schmidt I. *The popes and the Baltic Crusades 1147–1254*. Leiden, Boston, 2007. 287 p.
 27. Hermann J. *Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6 bis 12*. Akademie-Verlag, 1985. 725 p.
 28. Phillips J. *The Second Crusade: extending the frontiers of Christendom*. London, Yale University Press, 2010. 364 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прохватиллов Илья Владимирович – аспирант кафедры истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: hypakabra2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Prokhvatilov – postgraduate student, Department of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: hypakabra2014@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прохватиллов И. В. Численность объединённого войска крестоносцев в Вендском походе 1147 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 51–64.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-51-64

FOR CITATION

Prokhvatilov I. V. The number of the united army of the Crusaders in the Wendish Military campaign of 1147. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 51–64.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-51-64

УДК 94(510) (091)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-65-72

ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА КНР

Макеева С. Б.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть особенности эволюции регионального неравенства КНР в период с 1978 по 2010 гг. в рамках развивающегося научного направления «историческая демография» (历史人口统计学).

Процедура и методы. В работе использованы: исторический подход, сравнительно-исторический метод.

Результаты. Демографический фактор выступает определяющим в неравномерности регионов Китая, т. к. население является основной движущей силой регионального экономического развития. ВВП на душу населения, уровень безработицы, темпы естественного прироста, внутренний капитал, открытость торговли, уровень урбанизации выступают основными показателями при анализе регионального неравенства в Китае в период с 1978 по 2010 гг.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование будет полезно при изучении исторического опыта Китая в решении проблем регионального неравенства.

Ключевые слова: КНР, региональная история, неравенство регионов, население, историческая демография

HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE EVOLUTION OF REGIONAL INEQUALITY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

S. Makeeva

Institute of Demographic Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

ul. Fotievoy 6-1, Moscow 119333, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the features of the evolution of regional inequality of the PRC in the period from 1978 to 2010 within the framework of the developing scientific direction “historical demography” (历史人口统计学).

Methodology. The historical approach and the comparative historical method were used in the paper.

Results. The demographic factor is the determining factor in the inequality of China's regions since the population is the main driver of regional economic development. GDP per capita, unemployment rate, natural growth rate, domestic capital, trade openness, urbanization rate are the main indicators in the analysis of regional inequality in China from 1978 to 2010.

Research implications. This study will be useful in studying China's historical experience in solving problems of regional inequality.

Keywords: PRC, regional history, inequality of regions, population, historical demography

Введение

Современная регионально-демографическая ситуация в КНР свидетельствует о наличии регионального неравенства на всей территории страны. Население Восточного региона составляет 39,93%, Центрального – 25,83%, Западного – 27,12%, Северо-Восточного – 6,98%. По сравнению с 2010 г. доля населения в Восточном регионе увеличилась на 2,15%, в Центральном районе – уменьшилась на 0,79%, в Западном – увеличилась на 0,22%, а в Северо-Восточном – уменьшилась на 1,2%. Рассматривая количество населения по отдельным ключевым регионам КНР, необходимо отметить, что в Восточном Китае всего проживает 447 млн, в Центральном – 223 млн, Юго-Западном – 205 млн, Южном Китае – 194 млн, Северном – 169 млн, Северо-Западном – 103 млн, Северо-Восточном – 98 млн чел. С каждым годом китайское население всё больше сосредотачивается в экономически развитых регионах и крупных городских агломерациях.

В рамках формирующейся в КНР отраслевой научной дисциплины исторической демографии (历史人口统计学) китайские исследователи, используя научные методы истории и статистики, демографии и социологии, проводят изучение одной из основных проблем пространственного развития Китая – регионального неравенства. По мнению китайских специалистов, демографический фактор выступает определяющим в неравномерности регионов Китая, т. к. население является основной движущей силой регионального экономического развития. Влияние численности населения на экономическое развитие регионов имеет 2 стороны. С одной стороны, слишком большое количество населения потребляет социальные ресурсы, что не способствует расширению общественного воспроизводства; с другой стороны, рост числа населения обеспечивает рабочую силу для общества, расширяет

масштабы внутреннего рынка. Повышение квалификации кадров увеличивает производительность труда и будет способствовать развитию технологий. Структура повседневной жизни людей также будет иметь огромное влияние на экономическое развитие регионов. Человеческий капитал играет жизненно важную роль в региональном экономическом развитии. Различия в количестве и качестве человеческого капитала в различных регионах приведёт к расширению региональных экономических различий. Экономически развитые регионы более привлекательны для высококлассных специалистов, поэтому в более развитых регионах увеличивается количество человеческих ресурсов, но это, в свою очередь, приводит к утечке «мозгов» из экономически отсталых районов. Восточный регион обладает развитой экономикой и на протяжении последних десятилетий активно привлекает высококвалифицированные кадры из Западного и Центрального регионов, тем самым увеличивая неравномерность.

В китайской научной традиции анализа причин регионального неравенства распространены взгляды учёных в отношении пространственных факторов диспропорциональности с точки зрения историко-демографического аспекта. Как отмечал китайский исследователь Ли Чжунъи, несбалансированное региональное экономическое развитие отражает пространственные условия КНР. Китай имеет обширную территорию, большое население, и данной стране свойственны большие этнические различия, разная обеспеченность природными ресурсами. Данные различия провоцировали неравномерность и диспропорциональность и оказывали влияние на весь процесс экономического и социального развития КНР [7, p. 18].

Особое внимание китайские исследователи уделяют анализу эволюции регионального неравенства с 1978 г., в период после начала политики «реформ и откры-

тости». Ян Вэйминь в 1992 г. рассчитал коэффициент ВВП на душу населения с 1978 по 1989 гг. и выявил, что общий разрыв в доходах между 3 основными регионами (Восточным, Центральным и Западным) регионами постоянно увеличивался [11, р. 76]. Гао Синкай утверждает, что с момента реализации стратегии развития Западного Китая в 1999 г. тенденции регионального неравномерного развития становились всё более очевидными [2, р. 108]. Ван Сяогуань и Фань Ган в 2004 г. исследовали тенденцию изменений в региональном экономическом неравенстве Китая с 1980-х по 1990-е гг.: абсолютный и относительный разрыв между 3 основными регионами увеличивался, и применялось распределение факторов производства, таких, как капитал и рабочая сила. Особое влияние на диспропорциональные региональные тенденции оказали институциональные и структурные изменения в китайском обществе [13, р. 88].

Анализируя причины регионального неравенства, Вэй Хоукай и Лю Кай в 1994 г. провели исследование, используя показатели ВВП на душу населения между 3 основными регионами с 1978 по 1992 гг. и пришли к выводу, что факторы, влияющие на региональные различия, включают капитальные вложения в региональную экономику, структуру собственности, ориентацию стратегии экономического развития, промышленную инфраструктуру [12, р. 65]. Чэнь Сюшань и Сюй Ин в 2004 г. установили, что на рост диспропорциональности в разные периоды времени влияли эффективность распределения ресурсов и факторы изменения пространственной структуры. Китайский специалист в области регионального неравенства Чэнь Сюшань считает, что анализ факторов, влияющих на региональные различия, не может быть всеобъемлющим и точным выводом путём сравнения одного или двух факторов, потому что все факторы часто взаимосвязаны и интегрированы, и оказывают взаимодополняющий эффект. Ключевы-

ми элементами, влияющими на экономическое развитие региона, выступают трудовой потенциал (уровень рождаемости, квалификация работников, миграция), капитал и природные ресурсы [15, р. 13].

Региональное неравенство после начала политики «реформ и открытости»

Начиная с 1978 г., одним из основных приоритетных направлений пространственных преобразований Китая выступало усиление восточных прибрежных районов, что в дальнейшем повлияло на увеличение диспропорциональности между основными регионами КНР – Восточным, Центральным и Западным. Большая часть государственных средств была вложена в Восточный регион, а развитие Центрального и Западного регионов замедлилось. Экономический рост на востоке Китая был также продиктован активным привлечением иностранных инвестиций в данный регион. Большинство китайских рабочих-мигрантов, которые ежегодно направлялись в прибрежные районы, прибывали из Центрального и Западного регионов.

Анализ регионального неравенства Китая, учитывая демографический фактор, показывает, что Восточный регион – это территория с избыточной рабочей силой и высокой конкуренцией на рынке труда. Данная ситуация возникла в результате непрерывного миграционного потока населения из Западного, Центрального и Северо-Восточного регионов в Восточный на протяжении длительного периода времени, начиная с 1978 г. В основном на востоке Китая в региональной экономике принимали участие высококвалифицированные кадры, т. к. высокая заработная плата привлекала данную категорию работников. Для Западного, Центрального и Северо-Восточного регионов отток большого количества высококвалифицированной рабочей силы в разной степени замедлил их экономическое развитие.

Количество и качество факторов регионального развития составляют лишь первое необходимое условие экономического роста, а распределение этих факторов – ещё один важный фактор, влияющий на региональные различия Китая в определении экономического роста. До начала политики «реформ и открытости» факторное распределение в Китае осуществлялось по единому плану, и практика показала, что этот метод распределения факторов неэффективен. После того, как началась рыночная реформа, рыночное размещение постепенно заменило плановое. Фактор человеческого капитала выступает самым значимым в развитии производства; силой, которая движет экономический рост.

С наступлением эры экономики знаний человеческий капитал постепенно стал важным фактором содействия региональному экономическому развитию. Страна или регион с большим запасом человеческого капитала, вероятно, сохраняют относительно высокие темпы экономического роста в течение длительного периода времени. Исходя из этого, некоторые китайские учёные считают, что разница в человеческом капитале является важной причиной регионального неравенства. Разрыв в экономическом развитии между Восточным и Западным регионами – это, прежде всего, разрыв в качестве подготовки высококвалифицированных кадров, образовании и технологиях. Различия в человеческом капитале, его потенциале, миграциях между регионами – всё это существенно влияет на различия в экономическом росте на уровне страны.

Региональная промышленная инфраструктура также влияла на рост неравномерности и диспропорциональности в Китае. С 1978 по 2010 гг. общая тенденция структуры ВВП 3 отраслей промышленности КНР была такова: в течение этого периода доля ВВП первичной промышленности демонстрировала тенденцию к снижению, доля ВВП первичной промышленности в национальном ВВП

уменьшилась с 28,19% в 1978 г. до 10,1% в 2010 г. Доля ВВП вторичной промышленности в этот период была относительно стабильной и колебалась от 41% до 48%. Доля ВВП третичной отрасли росла: с 23,94% в 1978 г., в 1986 г. он превысил ВВП первичной промышленности и достиг 43,14% к 2010 г. Хотя доля ВВП первичной промышленности снизилась, общий объём производства первичной промышленности в течение этого периода увеличивался из года в год, с 102,75 млрд юаней в 1978 г. до 4053,36 млрд юаней в 2010 г., что соответствовало среднегодовому увеличению на 12,17%. После начала «реформ и открытости» сфера услуг достигла значительного прогресса, увеличившись с 87,25 млрд юаней в 1978 г. до 17 308,7 млрд юаней в 2010 г., т. е. почти в 197 раз [9, p. 117; 14, p. 59].

В 1978–2010 гг. структура занятости населения в 3 отраслях Китая также существенно изменилась. С 1978 г. резко упала доля занятых в первичной промышленности с 70,53% до 36,7% к 2010 г. Это было связано с совершенствованием сельскохозяйственных технологий и увеличением числа рабочих, переводимых на работу в несельскохозяйственные отрасли, большая часть которых переходила в сферу услуг, что способствовало увеличению доходов сельских жителей. В течение этого периода доля занятых в обрабатывающей промышленности и в сфере услуг демонстрировала тенденцию к росту: с 17,3% и 12,18% в 1978 г. до 28,7% и 34,6% в 2010 г., что в основном было результатом перехода рабочих из сельскохозяйственной в несельскохозяйственную сферы. К 2010 г. доля 3 отраслей экономики Китая составляла: 10,11–46,75–43,14, где Восточный регион – 6,49–49,72–43,79, Центральный регион – 12,56–52,40–35,05, а Западный регион – 13,77–49,22–37,01. Доля первичной промышленности была самая низкая на востоке Китая, за ней следовал Центральный регион, и самая высокая доля наблюдалась в Западном регионе; доля вторичной промышленно-

сти самая низкая была в Западном регионе, затем шёл Восточный регион и самая высокая – в Центральном регионе; а доля третичной промышленности самая высокая – в Восточном регионе, за ней следовал Западный регион и самая низкая – в Центральном регионе. Такая региональная промышленная инфраструктура показывала, что в период с 1978 по 2010 гг. каждый регион КНР находился на разных стадиях экономического развития [11, р. 29; 13, р. 93; 15, р. 86].

Рассматривая эволюцию региональных различий в ВВП на душу населения в основных административных единицах КНР провинциального уровня с 1978 по 2010 гг., стоит отметить, что в этот период ВВП Китая на душу населения увеличивался из года в год – с 471 юаня в 1978 г. до 2322 юаней в 2010 г., но соотношение показало волнообразное изменение, сначала снизившись с 14,27 в 1978 г. до 7,30 в 1990 г., а затем увеличившись. Он составлял 10,85 в 2002 г. и, наконец, снизился до 5,8 в 2010 г. Среди 29 административных единиц провинциального уровня в начале политики «реформ и открытости» в 1978 г. максимальный ВВП на душу населения составлял 2498 юаней в Шанхае, а минимальный – 175 юаней в провинции Гуйчжоу. Разница между ними была огромной – 2323 юаня; после 32 лет развития до 2010 г. максимальный ВВП на душу населения в 29 административных единицах провинциального уровня также составлял 5168 юаней в Шанхае, а минимальный – также в провинции Гуйчжоу, где достиг 891 юань. Разница между ними увеличилась до 4277 юаней [7, р. 53].

ВВП на душу населения в крупных макрорегионах Китая в период с 1978 по 2010 гг. в целом демонстрировал тенденцию к росту, но темпы роста были разные. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в восточных прибрежных провинциях составляли 9,08%, что было выше, чем в Центральном регионе (9,01%) и Западном регионе (8,48%). Характеризуя региональную промышлен-

ную инфраструктуру, стоит отметить, что тяжелая промышленность в основном была сосредоточена в Центральном и Западном регионах, особенно на Северо-Востоке Китая.

Вступив в XXI в., страна последовательно реализовывала стратегию развития Западного Китая, подъёма Центрального региона и возрождения старых промышленных баз на Северо-Востоке. Средний темп роста ВВП на душу населения на этом этапе достиг 11,521%, но средние темпы роста ВВП на душу населения в Центральном и Западном регионах достигли 14,93% и 14,66%. Западный регион начал быстро развиваться, сокращая разрыв с развитыми провинциями Восточного региона. В целом по стране доход сельских жителей на душу населения демонстрировал тенденцию к увеличению. При расчётах в постоянных ценах доход сельских жителей в 2010 г. составил 1 099,95 юаней, что в 8,29 раза больше, чем доходы сельских жителей в 1978 и 1990 гг. Доходы сельских жителей увеличились с 132,67 юаней в 1978 г. до 1 099,95 юаней в 2010 г., т. е. в среднем на 6,83% в год. До 2000 г. доходы сельских жителей в Китае сильно колебались. Темпы роста доходов сельских жителей с 17,67% в 1979 г. упали до 6,45% в 1989 г., а затем увеличились до 10,67% в 1990 г. В 1990-х гг. это явление немного изменилось, но темпы роста всё ещё оставались относительно неустойчивыми. После вступления в XXI в. темпы роста доходов сельских жителей демонстрировали тенденцию к увеличению с 1,54% в 2000 г. до 11,19% в 2010 г. На этом этапе доходы сельских жителей также увеличились с 517,39 юаней в 2000 г. до 1 099,95 юаней в 2010 г., при среднегодовом росте в 7,83% [6, р. 112; 8, р. 60; 12, р. 48].

Доход на душу населения городских жителей с 1978 по 2010 г. демонстрировал тенденцию к увеличению. Доход городских жителей в 2010 г., рассчитанный в постоянных ценах, составил 3551,16 юаня, что в 10,41 раза больше,

чем 341,01 юаня в 1978 г., т. е. среднегодовой прирост составил 7,6%. [4, р. 90].

Китайские исследователи утверждают, что ВВП на душу населения, уровень безработицы, темпы естественного прироста, внутренний капитал, открытость торговли, уровень урбанизации и добавленная стоимость вторичных и третичных отраслей выступали основными показателями при анализе регионального неравенства в Китае. С 1980 по 2000 гг. дисбаланс экономического развития провинций Китая продолжал нарастать. Региональное неравенство Китая сохранялось в течение 20 лет. Экономические факторы значительно усугубили дисбаланс экономического развития между регионами, а повышение уровня образования значительно замедлило расширение региональных диспропорций. После вступления Китая в ВТО, при дальнейшем использовании преимуществ международного разделения труда, дисбалансы также значительно увеличили уровень безработицы. Уровень урбанизации также оказывал определённое влияние на дисбаланс между регионами [3, р. 31; 12, р. 77].

Межрегиональное сравнение регионального неравенства КНР в 2010 г. на основе историко- демографических факторов

В основном китайские учёные проводят исследование регионального неравенства на основе изучения межрегионального сравнения Восточного, Центрального и Западного Китая. По состоянию на 2010 г., когда неравномерность регионов была представлена как основная проблема пространственного развития Китая, можно выделить следующие характерные особенности состояния основных макрорегионов КНР:

– *Восточный регион* объединяет 11 провинций и крупные города, включая Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Ляонин, Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Гуандун и Хайнань. Площадь составляет 1,0617 млн км², что образует 10,95% от об-

щей площади страны. Общая численность населения региона в 2010 г. – 550,4 млн чел. (42,27% от общей численности населения страны). Общий ВВП региона в 2010 г. составил 250 487,94 млрд юаней, т. е. 57,31% от общего ВВП;

– *Центральный регион* объединяет 9 провинций, включая Шаньси, Цзилинь, Хэйлунцзян, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй и Хунань, и часть территории автономного района Внутренняя Монголия общей площадью 2 852 900 км², что составляет 29,43% от общей площади страны. Общая численность населения региона в 2010 г. составила 44 748 100 чел. (34,37% от общей численности населения страны), общий ВВП региона – 11 681,756 млрд юаней, т. е. 26,73% от общего ВВП страны;

– *Западный регион* состоит из 11 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, включая Чунцин, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Гуанси-Чжуанский автономный район, Тибетский автономный район, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйский автономный район и Синьцзян-Уйгурский автономный район. Общая площадь региона – 5,778 млн км² (59,61% всей территории страны). К 2010 г. общая численность населения региона составила 304,12 млн чел. (23,36% от общей численности населения страны), общий ВВП региона – 6 973,649 млрд юаней, т. е. 15,96% от общего ВВП страны [16, р. 64].

Характеризуя особенности демографического регионального развития Китая в 2010 г., стоит отметить, что общая численность населения Восточного региона составляла 550,4 млн человек, в среднем 519 человек на км²; общая численность населения Центрального региона – 447,48 млн чел., в среднем 157 чел. на км², и общая численность населения в Западном регионе – 304,12 млн чел., в среднем 75 чел. км². Доля населения Восточного региона в общей численности населения страны в период 1978–2010 гг. увеличилась с 38,63% в 1978 г. до 41,36%

в 2010 г.; доля населения в Центральном регионе снизилась с 36,8% в 1978 г. до 33,62% в 2010 г.; доля населения в Западном регионе также снизилась с 24,57% в 1978 г. до 20,02% в 2010 г.

В период 1978–2010 гг. была характерна тенденция изменения доли ВВП в этих 3 регионах Китая:

1. доля ВВП Восточного региона в общем ВВП страны увеличивалась волнообразно: 51,32% в 1978–2010 гг. Однако до 1990 г. темпы роста были относительно небольшими: по сравнению с 1978 г., в 1990 г. доля увеличилась всего на 0,25%, но после 1990 г. скорость роста была относительно высокой, особенно в 1990–2003 гг. на 8,08%, хотя впоследствии эта доля снизилась, и в 2010 г. она по-прежнему составляла 57,38%;

2. ВВП Центрального региона как доля от общего ВВП страны демонстрировал снижающуюся тенденцию: с 31,33% в 1978 г. до 26,76% в 2010 г.;

3. доля ВВП Западного региона в общем ВВП снизилась, но величина изменения была относительно небольшой: с 17,35% в 1978 г. до 15,86% в 2010 г., т. е. на 2,51%.

Из приведённого анализа видно, что доля ВВП в Восточном регионе было намного выше, чем в Центральном и Западном регионах [1, р. 57].

Проводя сравнение показателей уровня жизни людей по состоянию на 2010 г. в 3 основных регионах (Восточном, Центральном и Западном), стоит отметить, что ВВП на душу населения Восточного региона составлял 9 296,42 юаня, что намного выше, чем в среднем по стране (6 134,38 юаня) [10, р. 13–24]. В то время как ВВП на душу населения в Центральном и Западном регионах составлял 5 193,34 юаня и 3 913,37 юаня, что было ниже, чем в среднем по стране. В 2010 г. доход на душу населения в городах и в сельских районах в Восточном регионе составлял 4 235,11 юаня и 1 658,72 юаня соответственно, что выше, чем в среднем по стране, представлявшим соотношение 3 317,51 юаня и 1 162,23 юаня соответ-

ственно. Доход на душу населения в городах и в сельской местности в Центральном регионе составлял 2 941,06 юаня и 1 048,21 юаня соответственно. Доход на душу населения в городах и в сельских районах в Западном регионе также составлял 2 276,33 юаня и 779,76 юаня соответственно, что ниже, чем в среднем по стране. Приведённые данные указывают на огромные различия в уровне жизни людей в этих регионах. Уровень жизни людей в Восточном регионе был намного выше, чем в Центральном и Западном регионах [2, р. 108; 5, р. 203].

Заключение

В последние годы особое распространение в КНР получают историко-демографические исследования, посвящённые рассмотрению одной из основных проблем Китая – регионального неравенства. Демографический фактор оказывает существенное влияние на неравномерные процессы пространственного развития. Начиная с 1978 по 1999 гг., одним из основных приоритетных направлений пространственных преобразований Китая выступало усиление восточных прибрежных районов, что в дальнейшем повлияло на увеличение диспропорциональности между основными регионами КНР: Восточным, Центральным и Западным. Анализ регионального неравенства Китая, учитывая демографический фактор, показывает, что Восточный регион – это территория с избыточной рабочей силой, высокой конкуренцией на рынке труда. Региональная промышленная инфраструктура также влияла на рост неравномерности и диспропорциональности в Китае. ВВП на душу населения, уровень безработицы, темпы естественного прироста, внутренний капитал, открытость торговли, уровень урбанизации и добавленная стоимость вторичных и третичных отраслей выступают основными показателями при анализе регионального неравенства в Китае в период с 1978 по 2010 гг.

Дата поступления в редакцию 12.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. 韩凤琴。 区域差异：政府干预和公共政策战略分析。 北京：中国出版社《财经政经》，2004年。305页。
2. 辉煌70年：新中国经济社会发展成就：1949–2019. 北京：中国统计出版社。2019年。474页。
3. 邓小平文选（套装1-3卷）。北京：人民出版社，1994年。520页。
4. 胡鞍钢，王绍光，康晓光。 中国区域差距报告（第一版）。 沈阳：辽宁省中文出版社（人民出版社），1995年。232页。
5. 胡鞍钢。 中国发展报告：社会与进步—中国社会发展的地区差异研究。 杭州：中国浙江省出版社，1999年。333页。
6. 胡兆良，王恩勇，韩茂丽。 中国区域经济差异及纠正措施（第一版）。 北京：清华大学出版社，1997年。408页。
7. 翁一鸣，徐华。 增长不平衡，协调发展。 北京：中国发展出版社，1996年。183页。
8. 王小璐，范刚。 中国的地区差异。 北京：经济科学出版社，2004年。301页。
9. 王小璐。 中国的区域不平等：变化趋势和影响因素 // 经济研究。 2004年。 页。33–44。
10. 肖金城。 从区域不平衡发展到区域协调发展—中国区域转型 40 年 // 区域经济评论。 2019年。第1期。13–24页。
11. 张敦富，谭成林。 中国区域经济差异与协调发展（第一版）。 北京：中国轻工业出版社，2001年。261页。
12. 张木。 中国区域不平等的疆域与中西部地区的发展（第一版）。 北京：清华大学出版社，2000年。203页。
13. 张建华，高军。 改革开放40年中国区域经济发展不平衡及对策研究 // 现代经济管理。 2019年。第1673–0461期。132–141页。
14. 赵蛟龙。 区域发展战略对区域经济不平等的影响分析。 北京，2015年。331页。
15. 周国富。 中国经济发展过程中的地区不平等问题研究 大连（东北）：财经大学出版社，2001年。219页。
16. 陈秀山。 中国区域经济问题研究。 北京：商业出版社，2005年。259页。

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макеева Светлана Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом исторической и региональной демографии Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; e-mail: msbmag9581@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana B. Makeeva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department Head, Department of Historical and Regional Demography, Institute of Demographic Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: msbmag9581@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Макеева С. Б. Историко-демографические аспекты эволюции регионального неравенства КНР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 65–72.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-65-72

FOR CITATION

Makeeva S. B. Historical and demographic aspects of the evolution of regional inequality of the People's Republic of China. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 65–72.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-65-72

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.1

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-73-81

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В 1-Й ПОЛОВИНЕ XIX В.: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Михаленков В. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Осветить достижения современной отечественной историографии в виде самых значительных работ по историографии периода правления Александра I и Николая I как части периода дореформенной России и их репрезентации в современных школьных учебниках истории России.

Процедура и методы. В работе особое внимание уделяется рассмотрению крестьянского вопроса и его различных аспектах в работах историков и учебниках истории основной школы как историографических источников. Посредством историографического анализа выявлены основные характеристики и точки зрения на попытки решения крестьянского вопроса указанного периода.

Результаты. Выявлены и приведены примеры отражения вопросов политики в современных учебных пособиях отечественной истории как репрезентации достижений отечественной историографии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие научного направления изучения учебников истории как историографических источников.

Ключевые слова: учебник истории, отечественная историография, концептуальная эклектика, реформы, крепостное право

THE PEASANT QUESTION IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: MODERN APPROACHES TO ITS ASSESSMENT AND THEIR REFLECTION IN SCHOOL HISTORY BOOKS

V. Mikhailenkov

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To highlight the achievements of modern Russian historiography in the form of the most significant works on the historiography of the reign of Alexander I and Nicholas I as part of the pre-reform Russia period and their representation in modern school textbooks of the history of Russia.

Methodology. Special attention is paid to the consideration of the peasant question and its various aspects in the works of historians and school history textbooks as historiographic sources. By means of historiographic analysis, the main characteristics and viewpoints on attempts to solve the peasant problem of the specified period are revealed.

Results. Examples of the reflection of political issues in modern teaching guides of national history as a representation of the achievements of national historiography are identified and given.

Research implications. The results of the study contribute to the development of such scientific direction as studying history textbooks as historiographic sources.

Keywords: history textbook, domestic historiography, conceptual eclecticism, reforms, serfdom

Введение

После распада СССР в исторической науке исчезло доминирование марксистской методологии истории. Это касалось как преподавания истории, так и создания исторических произведений. Изучение отечественной истории в большей степени сегодня опирается на модернизационный, цивилизационный подходы, а также на элементы формационного подхода. При этом рассмотрение ряда исторических событий не лишено концептуального многообразия. Такое концептуальное многообразие зачастую приводит к концептуальной эклектике, проявляющейся в разности теоретико-методологических подходов, что мешает целостному пониманию хода исторического процесса.

Одним из знаковых событий отечественной истории считается отмена крепостного права 1861 г., которую иногда даже сравнивают с отменой рабства в США, и своеобразным «рубиконом» уровня свободы русского человека. Отметим, что в демоверсии 2022 г. едино-

го государственного экзамена (ЕГЭ) по истории в части заданий высокой сложности встречается тема отмены крепостного права. Свершению этого события способствовал ряд факторов и обстоятельств, сформированных под влиянием политики императоров Александра I и Николая I. В российской историографии период их правления и получил своё обозначение в соотношении с реформой отмены крепостного права – дореформенный. В условиях современного поиска национальной идентичности, становления гражданского общества, обращения к истокам формирования сознания свободы и прав становится актуальным.

Со времени формирования истории как науки учебные книги по истории стали неизменно сопровождать учебный процесс. Учебник истории всегда концентрированно отражает различные концепции представителей различных направлений. И в этом его преимущество по сравнению с другими историографическими источниками. Достижения историографии напрямую репрезентируются

в школьной учебной литературе по истории [11, с. 23]. Учитывая современную концептуальную эклектику истории, она находит своё отражение в учебниках, в т. ч. в периоде России первой половины XIX в.

Необходимо рассмотреть основные точки зрения на попытки разрешения крестьянского вопроса в дореформенный период российской истории. При анализе периодов правления Александра I и Николая I обратимся к репрезентации в учебниках достижений современной историографии по данному вопросу.

Крестьянский вопрос при Александре I

Среди концепций, которые объясняют особенности исторического развития России и существования крепостного права, более всего выделяется теоретический подход о минимальном размере прибавочного продукта, сформулированный профессором МГУ Л. В. Миловым [5, с. 33–68]. Исследовав крестьянские хозяйства XVIII в., условия земледелия в них, он сделал следующие выводы. Суровые климатические условия определили низкий уровень агрокультуры. Результат: низкий уровень урожайности и малый объём прибавочного продукта. В этих условиях возникает крестьянская община, ставящая в качестве своей главной задачи выживание крестьян. Излишки продукта изымаются в пользу государству, которому они необходимы для своего существования. Ни в одном современном учебном пособии истории России первой половины XIX в. не указывается конкретно роль крестьянской общины в поддержании крепостного права¹. Главная мысль – базирование экономики в целом на крепостнической системе и постепен-

ное её разложение. Примечательно, что учебники, которые использовались в образовательных учреждениях до принятия историко-культурного стандарта, акцентировали внимание на роли крестьянской общины в жизни крестьян.

Надлежит упомянуть современные исследования, которые посвящены постоянно предреформенной деревни. Наибольшего внимания заслуживает фундаментальная работа «Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии)» С. А. Козлова [4]. В этой работе изложено мнение, что прогресс аграрного строя Центральной России первой половины XIX в., связанный единственно с поступательным развитием крестьянского хозяйства, как идея, утвердившаяся в аграрной отечественной историографии, нуждается в некотором пересмотрении. В частности, особым образом можно понимать деятельность помещиков-рационализаторов, которые благодаря нововведениям заложили в практике и повседневном поведении сельского населения зачатки буржуазного мировоззрения, двигая тем самым аграрную эволюцию. Также было продемонстрировано, что разнообразные факторы мешали помещикам внедрять новшества. Среди них выделяются: движение крестьян «за землю и волю», система крепостного права, особенности менталитета, отсутствие материальных средств и сложные природно-климатические условия.

Исследования С. А. Козлова находят своё отражение как в прошлых², так и современных учебниках истории³. В «Истории России» под редакцией В. А. Тишкова описывается рациональная деятельность помещиков чернозёмных районов, а в «Истории России» Л. М. Ляшенко сразу во введении, где идёт общая характери-

¹ Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Левандовский А. А. и др. История России. 9 класс: учебник. Ч. 1. М.: Просвещение, 2022. С. 12; Ляшенко Л. М. История России: XIX – начало XX в.: учебник 9 класса. М.: Дрофа, 2018. С. 13; Соловьёв К. А., Шевырёв А. П. История России 1801–1914: учебник 9 класса. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2018. С. 7.

² Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век. 8 класс: учебник. М.: Просвещение, 2015. С. 73.

³ Лазукова Н. Н., Журавлёва О. Н. История России: учебник 9 класс. М.: Вентана-Граф, 2020. С. 99.

стика начала XIX в., обращается внимание на деятельность помещиков-рационализаторов¹. Правда, если исследование говорит о положительных моментах влияния деятельности этих помещиков, то в учебнике указывается, что результатом их деятельности в крепостнической стране становится ужесточение эксплуатации крестьян.

Компаративное исследование провела И. М. Супоницкая [10, с. 54–55]. В нём самобытность крепостного уклада России конца XVIII – первой половины XIX в. была показана через сравнение принудительного труда русских крепостных и американских рабов. Исследователю удаётся охарактеризовать государственно-патерналистскую сущность помещичьего крепостного хозяйства и выявить последствия его существования: задержку в техническом развитии сельского хозяйства, деформацию трудовой этики крестьян, социокультурный раскол общества. Выражение результатов исследования мы также находим в учебных пособиях. Как пример, учебник издательства «Просвещение»: «сохранение крепостных порядков обрекало помещичьи хозяйства на застой, лишало государства прибыли, возможностей эффективного роста...»². Или же: «Помещики постоянно жаловались на лень и нерадивость мужиков, но, даже видя отрицательные стороны подневольного труда, не могли ничего изменить»³.

Значительную роль в дореформенной историографии занимает проблема сути военных поселений. Изучением их экономического потенциала занимался К. М. Ячменихин, в контексте принудительного труда крестьян первой половины XIX в. [16]. Главный вывод, который им был сделан: экономическая деятель-

ность военных поселений оказала влияние на реформирование государственной деревни под руководством П. Д. Киселёва. В учебниках истории можно найти упоминания о экономических успехах военных поселений⁴, но о их влиянии на подготовку реформы Киселёва материала нет.

За последние десятилетия были опубликованы работы разных исследователей – А. Н. Сахарова, С. В. Мироненко, А. Н. Архангельского и др. Учёные сделали вывод, что именно Александр I был центральной движущей силой в эпоху преобразований. Архангельский в своей книге «Александр I» [2] полагает, что реформы не были в дальнейшем закончены по одной причине: Александра I не признавалса самому себе в том, что «реформы, ради которых он принял царство, будут отторгнуты Россией не потому, что она в принципе неререформируема, а потому что они сшиты не по её мерке»⁵. В учебнике 9 класса К. А. Соловьёва и А. П. Шевырёва указывается: «сам император понимал неосуществимость многих попыток задуманных преобразований»⁶.

Намеченную в трудах А. Н. Пыпина, А. В. Предтеченского и А. Е. Преснякова тенденцию рассмотрения политики Александра I продолжает С. В. Мироненко. Он считает, что российское правительство в начале XIX в. пыталось создать почву для конституционных преобразований, будущего дарования прав и свобод. По мнению автора, целью правительства стало приспособление устаревшей политической системы к новым общественным отношениям, что выразилось в сознательных, но вынужденных

¹ Ляшенко Л. М. История России: XIX – начало XX в.: учебник 9 класса. М.: Дрофа, 2018. С. 15–16.

² Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Левандовский А. А. и др. История России. 9 класс: учебник. Ч. 1. М.: Просвещение, 2022. С. 14.

³ Ляшенко Л. М. История России: XIX – начало XX в.: учебник 9 класса. М.: Дрофа, 2018. С. 15.

⁴ Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Левандовский А. А. и др. История России. 9 класс: учебник. Ч. 1. М.: Просвещение, 2022. С. 54; Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век. 8 класс: учебник. М.: Просвещение, 2015. С. 48.

⁵ Вишняков Я. В., Могилевский Н. А., Агафонов С. В. История России. XIX – начало XX века. 9 класс: учебник. М.: Просвещение, 2021. 352 с.

⁶ Соловьёв К. А., Шевырёв А. П. История России 1801–1914: учебник 9 класса. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2018. С. 58.

и немасштабных реформах в начале XIX в. [6, с. 132–141]. В учебниках реформы российского правительства, которые стали предтечей конституционных преобразований, раскрываются при рассмотрении политических изменений вследствие деятельности Негласного комитета и М. М. Сперанского. Указывается, что проводимые реформы – это пробный опыт того периода¹.

А. Н. Сахаров в числе причин отказа от реформ называет общественные потрясения и личную драму Александра Павловича. Возможные последствия принятия конституции, по мнению А. Н. Сахарова, стали одной из причин неуверенности в реформах. При этом историк указывает, что Александр I и не желал полноценно расставаться с полученной неограниченной властью. Но всё равно значение конституционных проектов при Александре I было велико и заложило основы будущего конституционного строя [9, с. 80]. «Для Александра I становилось очевидным, что то общество, которому он собирался даровать новые права, не примет их с должной благодарностью»².

Крестьянский вопрос при Николае I

Современные исследования предреформенной деревни [1; 5; 12] демонстрируют социальную базу крепостнического крестьянства, основанную на системе социальных связей более, чем на экономическом принуждении. Путём различных мер социального контроля, среди которых можно выделить ранние браки, круговую поруку, уравнивание земельных наделов и проч., крестьянская община ограничивала социальное и экономическое расслоение, перераспределяя экономические ресурсы между крестьянами. В XIX в. институт частной собственности

ещё не был развит в России, от чего, отмечают историки, многие земельные угодья не подвергались межеванию. При этом господствовало крестьянское воззрение на землю, в т. ч. помещичью, как на общую собственность. Государственные органы не ориентировались и не анализировали социальные процессы, происходящие в деревне [14, с. 149]. Такие подходы не находят своего прямого выражения в учебной литературе, однако встречаются в виде упоминаний об укоренившемся характере крепостного права³.

Особое внимание в исследованиях И. В. Ружицкой уделяется законодательству николаевской эпохи, где можно проследить переход крепостных в свободное состояние и ограничение власти помещиков в крепостных хозяйствах на основании большого пласта законодательных актов [8, с. 433]. Автор также сформулировала идею, что общество было готово принять реформы Александра II благодаря преобразованиям Николая I целых пластов государственной жизни, сформированных законодательно вследствие общей кодификации законов 1830-х гг. В учебниках же изредка в материале об отдельных реформах указывается их влияние на дальнейшую судьбу реформ⁴.

По мнению С. В. Мироненко, медленность и робость преобразований и шагов к освобождению от крепостного права объясняется опасностью сопротивления правящего класса [6, с. 69].

Николай I был противником крепостного права, но при этом считал, что отчуждение помещичьей собственности не будет верным выходом: «благие намерения верховной власти ... в очередной раз оказались бессильны против бюрократии» [7, с. 206]. Другого мнения придерживается И. А. Христофоров, указывая, что главной сложностью при проведении

¹ Пазин Р. В., Ушаков П. А. Морозов А. Ю. История России: учебник 10–11-е классы. Конец XVII – начало XX века. Ростов н/Д: Легион-М, 2019. С. 130.

² Соловьёв К. А., Шевырёв А. П. История России 1801–1914: учебник 9 класса. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2018. С. 29.

³ Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Левандовский А. А. и др. История России. 9 класс: учебник. Ч. 1. М.: Просвещение, 2022. С. 119.

⁴ Ляшенко Л. М. История России: XIX – начало XX в.: учебник 9 класса. М.: Дрофа, 2018. С. 87.

реформы отмены крепостного права в первой половине XIX в. было отсутствие слоя грамотных управленцев-чиновников, которые смогли бы успешно провести реформу. Этот слой оформится только к началу 1850-х гг. [13, с. 47–49]. Точка зрения С. В. Мироненко в большей степени представлена в тех учебниках, где авторы говорят о возможном сопротивлении дворянского сословия. А вот о чиновниках и конкретно появлении бюрократии как новой социальной группы сказано во всех пособиях¹. Некоторые даже обозначают ту самую самостоятельную группу чиновников, благодаря кому будут происходить реформы Александра II – «просвещённую бюрократию»².

Историческое сообщество на данный момент не имеет согласованной позиции и единого подхода к проблеме крестьянского вопроса в эпоху Николая I. Одни исследователи пишут, что «принципиальный подход Николая к проблеме не отличался от того, что лежал в основе всей крестьянской политики времён Александра I – строгая секретность в разработке проектов реформ и отказ от принуждения дворянства к освобождению крестьян»³. Подчёркивается и безрезультатность, и малозначительность попыток реформ. Другие историки указывают, что именно при Николае I «началось официальное обсуждение проблемы крепостничества в специальных комитетах и поиски путей её разрешения. При Александре I эта проблема обсуждалась при закрытых дверях, в Негласном комитете,

втайне даже от сенаторов и министров; при Николае I о ней заговорили открыто [3, с. 156]. В ходе обсуждений были сформированы кадры специалистов, разбирающихся в этом вопросе. В их числе был и тот, на чью долю выпала отмена крепостного права – будущий император Александр II»⁴.

Стоит выделить заметный вклад И. В. Ружицкой. Её труды позволяют переосмыслить эпоху правления Николая I, обозначая теоретическую и законодательную базу реформ, подготовленную в этот период. Реформы Александра II – особенно отмена крепостного права – основаны на фундаменте николаевских преобразований. Таким образом, время правления императора Николая I является одним из пластов модернизации России, по-новому осмысливается её уровень. Также в этом ключе обращает на себя внимание исследование Ф. Х. Шебзуховой, показывающее, что «законодательство в России по крестьянскому вопросу во второй четверти XIX в. развивалось в направлении некоторого ослабления личной зависимости крестьян от помещиков и усиления правительственной опеки над деревней..., правительство продемонстрировало возможность вмешательства государства во взаимоотношения помещиков и крестьянства, чем создало прецедент возможности отмены крепостного права» [15, с. 98].

Современная учебная литература построена на тезисе о влиянии реформ Николая I на будущую отмену крепостного права. С одной стороны, указываются и секретные комитеты⁵, и тайная разработка законопроектов, подобная временам Александра I, но в то же время приводится большое количество разных реформ,

¹ Вишняков Я. В., Могилевский Н. А., Агафонов С. В. История России. XIX – начало XX века. 9 класс: учебник. М.: Просвещение, 2021. С. 80–83; Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Левандовский А. А. и др. История России. 9 класс: учебник. Ч. 1. М.: Просвещение, 2022. С. 67; Лазукова Н. Н., Журавлёва О. Н. История России: учебник 9 класс. М.: Вентана-Граф, 2020. С. 62–64

² Соловьёв К. А., Шевырёв А. П. История России 1801–1914: учебник 9 класса. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2018. С. 79.

³ История России: IX–XXI века: от Рюрика до Путина: уч. пособие / отв. ред. Я. А. Перехов. М., Ростов н/Д: Март, 2005. С. 388

⁴ Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век. 8 класс: учебник. М.: Просвещение, 2015. С. 272.

⁵ Лазукова Н. Н., Журавлёва О. Н. История России: учебник 9 класс. М.: Вентана-Граф, 2020. С. 64; Соловьёв К. А., Шевырёв А. П. История России 1801–1914: учебник 9 класса. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2018. С. 76.

направленных на разрешение крестьянского вопроса. Преобладающим является подход, говорящий о малозначительности реформ. Учебные пособия не обозначают связь реформ николаевской эпохи, их роль в подготовке отмены крепостного права, а только то, что сам император на отмену не решился¹.

Заключение

Итак, наиболее востребованной современной историографией является оценка преобразований Александра I и его «незавершённых реформ» попытками ограничить крепостное право, не затрагивая интересы помещиков. Подобная оценка давалась и в советское время, и в либеральной историографии дореволюционной России.

В современных работах продолжается рассмотрение крепостного права и крестьянского вопроса через феодализм и феодальное устройство. В учебной лите-

ратуре напрямую транслируется именно эта точка зрения.

В свою очередь, историография периода правления Николая I достигла определённых успехов благодаря последним работам современных исследователей, которые сосредотачиваются на изучении законодательной базы николаевского царствования как прямой подготовки и важной составляющей базы будущей реформы отмены крепостного права. Современная учебная литература не характеризует Николая I как царя-деспота, подобно советской историографической традиции, но и не акцентирует внимания на значении внутриполитических мероприятий николаевской эпохи, которые могли способствовать проведению крестьянской реформы в будущем, доминирует оценка деятельности Николая I в крестьянском вопросе как «малозначительная» и «не достигшая каких-либо положительных результатов»².

Дата поступления в редакцию 05.02.2022

¹ Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Левандовский А. А. и др. История России. 9 класс: учебник. Ч. 1. М.: Просвещение, 2022. С. 70; Ляшенко Л. М. История России: XIX – начало XX в.: учебник 9 класса. М.: Дрофа, 2018. С. 86.

² Ляшенко Л. М. История России: XIX – начало XX в.: учебник 9 класса. М.: Дрофа, 2018. С. 86.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX вв.). М.: Наука, 1976. 322 с.
2. Архангельский А. Н. Александр I. М.: Вагриус, 2000. 448 с.
3. Волков Е. В., Конюченко А. И. Русские императоры XIX века в свидетельствах современников и оценках потомков. Пермь; Челябинск: Аркаим, 2002. 335 с.
4. Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.
5. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2003. 568 с.
6. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. 235 с.
7. Олейников Д. И. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2012. 339 с.
8. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.: Ин-т российской истории РАН, 2005. 315 с.
9. Сахаров А. Н. Конституционные и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М.: Директ-Медиа, 2000. 82 с.
10. Супоницкая И. М. Американский раб и русский крепостной: типология и специфика принудительного труда // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 54–55.
11. Фукс А. Н. Значение школьных учебников отечественной истории для идеологического обеспечения национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 1. С. 21–32.
12. Хок С. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии / пер. с англ. Ю. В. Чайникова. М.: Прогресс-Академия, 1993. 191 с.

13. Христофоров И. А. Великие реформы: истоки, контекст, результаты // Шелохаев В. В., Христофоров И. А., Соловьев К. А. Реформы в России: с древнейших времен до конца XX в. Т. 3. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 765 с.
14. Христофоров И. А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.
15. Шебзухова Ф. Х. Российское законодательство по крестьянскому вопросу во II четверти XIX в. // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов / отв. ред. Шеуджен Э. А. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2011. С. 91–99.
16. Ячменихин К. М. Экономический потенциал военных поселений // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 34–48.

REFERENCES

1. Aleksandrov V. A. *Selskaya obshchina v Rossii (XVII – nachalo XIX vv.)* [Rural community in Russia (17th – early 19th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 322 p.
2. Arkhangelsky A. N. *Aleksandr I* [Alexander I]. Moscow, Vagrius Publ., 2000. 448 p.
3. Volkov E. V., Konyuchenko A. I. *Russkiye imperatory XIX veka v svidetelstvakh sovremennikov i otsenkakh potomkov* [Russian emperors of the 19th century in the testimonies of contemporaries and assessments of descendants]. Perm; Chelyabinsk, Arkaim Publ., 2002. 335 p.
4. Kozlov S. A. *Agrarnyye traditsii i novatsii v doreformennoy Rossii (tsentralno-nechernozemnyye gubernii)* [Agrarian traditions and innovations in pre-reform Russia (central non-chernozem provinces)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 560 p.
5. Milov L. V. *Velikorusskiy pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 568 p.
6. Mironenko S.V. *Stranitsy taynoy istorii samodержавiya. Politicheskaya istoriya Rossii pervoy poloviny XIX stoletiya* [Pages of the secret history of autocracy. Political history of Russia in the first half of the 19th century]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 235 p.
7. Oleinikov D. I. Nikolay I [Nikolai I]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 339 p.
8. Ruzhitskaya I. V. *Zakonodatel'naya deyatelnost' v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I* [Legislative activity in the reign of Emperor Nicholas I]. M.: In-t rossiyskoy istorii RAN Publ., 2005. 315 p.
9. Sakharov A. N. [Constitutional and civilizational fate of Russia]. In: *Konstitutsionnyye proyekty v Rossii XVIII – nachala XX vv.* [Constitutional projects in Russia 18th – early 20th centuries]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2000. 82 p.
10. Suponitskaya I. M. [American slave and Russian serf: typology and specifics of forced labor]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2000, no. 9, pp. 54–55.
11. Fuks A. N. [The value of the country's history textbooks for ideological national security]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2015, no. 1, pp. 21–32.
12. Hawk S. Serfdom and social control in Russia: Petrovskoye, a village in the Tambov province (Rus. ed.: Chaynikov Yu. V., transl. *Krepostnoye pravo i sotsial'nyy kontrol' v Rossii: Petrovskoye, selo Tambovskoy gubernii*. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1993. 191 p.).
13. Khristoforov I. A. [Great reforms: origins, context, results]. In: Shelokhaev V. V., Khristoforov I. A., Soloviev K. A. *Reformy v Rossii: s drevneyshikh vremen do kontsa XX v. T. 3* [Reforms in Russia: from ancient times to the end of the 20th century. Vol. 3]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 765 p.
14. Khristoforov I. A. *Sudba reformy. Russkoye krest'yanstvo v pravitel'stvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-ye gg.)* [The fate of the reform. Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890s)]. Moscow, Sobraniye Publ., 2011. 368 p.
15. Shebzukhova F. Kh. [Russian legislation on the peasant question in the second quarter of the 19th century]. In: Sheudzhen E. A., ed. *Voprosy teorii i metodologii istorii: sbornik nauchnykh trudov* [Questions of the theory and methodology of history: a collection of scientific papers]. Maykop, Adygeiskii gosudarstvennyi universitet Publ, 2011, pp. 91–99.
16. Yachmenikhin K. M. [The economic potential of military settlements]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1997, no. 2, pp. 34–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаленков Василий Александрович – аспирант кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: natrezimnyash@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily A. Mikhailenkov – Postgraduate Student, Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: natrezimnyash@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Михаленков В. А. Крестьянский вопрос в 1-й половине XIX в.: современные подходы к оценке и их отражение в школьных учениках истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 73–81.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-73-81

FOR CITATION

Mikhailenkov V. A. The peasant question in the first half of the 19th century: modern approaches to its assessment and their reflection in school history books. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 73–81.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-73-81

УДК 930.85

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-82-90

ИСТОРИЗАЦИЯ МЕТАМОДЕРНИЗМА

Егоров Д. И.*Независимый исследователь**г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть вопросы историзации (обоснование чего-либо в виде свершившегося исторического факта) в общественно-гуманитарном направлении метамодернизма и исторического самоопределения культурной эпохи метамодерна.

Процедура и методы. Проведён анализ соответствия исторических взглядов в метамодернизме с теоретическими источниками, на которые они опираются: теория культурных логик на 3 этапах развития капитализма Ф. Джеймисона и современные варианты теории модернизации. Использованы историко-генетический метод и метод терминологического анализа.

Результаты. Раскрыты противоречия идейного содержания с теоретическим обоснованием. Обозначены проблемы использования метамодернистских концептов «после постмодерна», «после конца истории», «новая структура чувств» применительно к анализу социальных причин и предпосылок современных культурных тенденций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изложенные в статье тезисы и критические замечания могут быть полезны историкам культуры, культурологам, социологам, всем интересующимся новейшими направлениями западной исторической мысли.

Ключевые слова: метамодернизм, метамодерн, постмодернизм, постмодерн, культурная логика, четвёртая промышленная революция, социально-исторический процесс¹

HISTORICIZATION OF METAMODERNISM

D. Yegorov*An Independent researcher**Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the historicization issues (substantiation of something in the form of an accomplished historical fact) in the social and humanitarian direction of metamodernism and the historical self-determination of the metamodernity cultural era.

Methodology. The analysis of the historical views correspondence in metamodernism with the theoretical sources on which they rely: the theory of cultural logics at three stages of the development of capitalism by F. Jamieson and modern versions of the modernization theory, is carried out. The historical-genetic method and the method of terminological analysis are used.

Results. The contradictions of the ideological content with the theoretical justification are revealed. The problems of using metamodernist concepts “after postmodern”, “after the end of history”, “new structure of feelings” in relation to the analysis of social causes and prerequisites of modern cultural trends are outlined.

Research implications. The theses and criticisms presented in the article may be of use to culture historians, culture experts, sociologists, and anyone interested in the latest trends in Western historical thought.

Keywords: metamodernism; metamodern; postmodernism; postmodern; cultural logic; fourth industrial revolution; historical process

Введение

Создание собственной системы исторических взглядов – необходимая составляющая в процессе легитимации, т. е. в обретении объективных оснований идейного содержания для каждого мировоззренческого направления. На сегодняшний день активно переживают легитимацию общественно-гуманитарные концепты метамодернизма: описывается их специфика и ценностные установки, оформляется собственный словарь, определяется социальная значимость. История, продолжающаяся после «конца истории», – такова обобщённая формулировка культурно-исторического этапа развития, получившего название метамодерн [4, с. 34–35].

Его историзация осуществляется главным образом исходя из 2 теоретических источников. Во-первых, в соответствии с историческими взглядами Ф. Джеймисона о доминирующих типах культурных логик в стадиях развития капитализма [1, с. 63–64; 4, с. 35–36, 38–39]. Во-вторых, в соответствии с последними версиями теории модернизации о революционном значении технологических инноваций в социальном прогрессе [8]. Историческая интерпретация метамодерна не сводится только к этим 2 источникам, т. к. постиндустриальное развитие имеет нелинейный и многофакторный характер. Однако они наиболее важны в плане обоснования, что данный феномен является закономерным результатом протекающих социокультурных процессов, а не модным словом в интеллектуальной среде или обновлённой версией прежнего постмодерна.

Проблемы метамодерна как доминирующей культурной логики

Обращение к работам Джеймисона преследовало цель воспринять аргументы критики постмодернизма и предста-

вить метамодернизм преодолевающим его деструктивные черты. Выстроенная на положениях исторического материализма критика Джеймисона коммерческо-потребительской культуры второй половины XX в. раскрывает роль союза медиа и рынка в деградации эстетического производства, сведённого к созданию развлекательной продукции¹, указывает на неуклонное снижение качества результатов творческой активности, вследствие подмены художественной новизны пастишами и др.

Ссылаясь на возрастающее значение ориентированной на индивидуальные интересы цифровой культуры, являющейся противовесом телевизионной культуре, метамодернисты провозглашают отказ от постмодернистского консюмеризма и деструктивной иронии, обращаются к установкам в творческой деятельности на искренность, эмпатию, постиронию. Метамодерн видится ими новым типом культурной логики XXI в. [2].

Но проецирование метамодернистских идей в историческую концепцию Джеймисона вызывает ряд проблем. Термин «культурная логика» у Джеймисона имеет прямую связь с историческими особенностями производства и общественными отношениями, являясь их идейным отображением. Так, ключевой характеристикой реализма XVIII–XIX вв. у него является демистификация мира, что согласовывалось с процессом секуляризации экономических отношений, с развитием светского общества. Модернизм конца XIX – первой половины XX вв. определяется понятиями «инаковость» и «инновация» – это соответствовало интенсивным технологическим преобразованиям при индустриализации, обострению классового антагонизма.

¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм и рынок // Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 328–332.

Постмодернизм второй половины XX в. описывается понятиями «имитация» и «гомогенность», которые также уместны при характеристике потребительской модели экономики и политической безликости преобладающего при ней среднего класса. Появление нового типа культурной логики, в представлении Джеймсона, возможно в условиях коренных изменений в производственном базисе¹. Основы общества потребления в развитых странах утвердились в 70–80-х гг. прошлого века, и цифровая экономика, и культура также развиваются в их русле. Это ставит под вопрос не только утверждение о доминировании с началом XXI в. особой метамодернистской культурной логики, но и наличие у неё идентичных социально-экономических оснований, которые она предназначена отображать.

Сами метамодернисты учитывают затруднения в корректном заимствовании джеймсоновских терминов, поэтому предпочитают более расплывчатое определение культурной атмосферы современности через термин «структура чувства». Под «новой чувственностью» главным образом понимается осцилляционное состояние и восприятие культурной ситуации, находящейся в положении колебания между постмодернистскими и модернистскими тенденциями. Усталость от постмодернистского релятивизма повлекла переоценку прежних великих модернистских идей и нарративов о них, которые, впрочем, не должны восприниматься наивно, но быть ориентиром в планировании развития [3]. Здесь усматривается ссылка на идеи Джеймсона о роли утопий в социальном прогрессе, являющихся и идейной побудительной силой развития, и средством обозначения проблем настоящего².

Джеймсон, следуя Э. Дюркгейму, считал методологической ошибкой психологическое измерение социальных реалий³. Использование им словосочетания «ощущение конца» как характеристика постмодернизма раскрывало общее дискурсивное поле интеллектуальных споров о конце идеологии, истории, социального, искусства, но не социальную основу постмодернизма. В коллективно-психологическом плане «ощущение конца» – это, скорее, описанное им шизофреническое переживание непрерывного настоящего, которое фрагментированное общественное сознание не воспринимает в целостной и временной форме, как результат предшествующих этапов развития и преддверие будущего. Об этом говорил Джеймсон, рассуждая, что фрагментация тесно связана с особенностями современного разделения труда и экономической моделью общества потребления⁴. В работах метамодернистов за социальными проявлениями метамодерна через запятую усматривается всё что угодно: актуализация экологических проблем, Арабская весна, предвыборные тезисы очередных американских президентов, но нигде не раскрывается их социальная сущность [9, с. 14–15]. Её подменяют психологические понятия, составляющие специфическую «структуру чувства», которая, в отличие от подхода Джеймсона, не обоснована путём факторного анализа, а описывается через явления: изменение общественных настроений, переосмысление системы ценностей, новые художественные предпочтения и т. д. Подобная идиографическая (описательная) стратегия не способна проникнуть в логику исторического процесса, скользит по его поверхности.

¹ Джеймсон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во института Гайдара, 2019. С. 77–81.

² Jameson F. The Politics of Utopia // *New Left Review*. 2004. № 25. P. 35–54.

³ Джеймсон Ф. Воображаемое и символическое у Лакана // Джеймсон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 176.

⁴ Джеймсон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 300–308.

Отдельно следует упомянуть о расхождении представлений о модернизме первой половины XX в. у метамодернистов и у Джеймисона, т. к. за возрождением утопических идеалов модернизма усматривается позитивное движение к прогрессивным целям, позволяющее преобразовать отдельные реалии в лучшую сторону, как антитезис пессимистичному антиутопизму в постмодернизме. Джеймисон разграничивал понятия модернизм и модернизация, а постмодернизм считал не каким-то кризисом, а естественным продолжением модернизации. Непосредственно за модернизмом он понимал идеологию эстетизма, которую представители авангардистского искусства противопоставляли охватившему трудовую сферу общественной жизни овеществлению в эпоху империализма¹. Возврат к утопиям модернизма бессмысленен также, как, например, возврат к утопиям Платона или Т. Мора, отражавших противоречия своего времени. Подобные ностальгии в метамодернизме являются показателем отсутствия самобытных утопических идей и представлений об альтернативах будущего развития. К тому же наиболее социально значимые утопии были связаны с критикой бытующих имущественных отношений, чего нет в метамодернизме.

Объективность выводов Джеймисона получила мировое признание, и сколь-либо значимый анализ проблем, связанных с постмодернизмом и постмодерном, невозможен без учёта его взглядов. Метамодернисты ссылаются на них крайне избирательно, тем самым искажая их контекст и суть. Контекстом его исторических взглядов является предельная экспансия капитализма, ставшего тотальным в связи коммодификацией духовных благ любого рода, после чего не осталось ни одной не коммерциализированной сферы общественных отношений.

Цифровая экономика продолжает эту тенденцию: продаются личные данные, монетизируются эмоции и переживания, само информационное пространство постепенно поглощается транснациональными корпорациями [10].

Джеймисон – марксист, для которого марксизм – средство критики капитализма и способ обозначения диалектических противоречий сложившихся исторических условий, благоприятное изменение которых возможно лишь перед угрозой очередного революционного вызова. Логика размышлений метамодернистов не диалектическая, а диалогическая и реакционная, в результате чего происходит создание ремейков из старых идей и метанарративов, т. е. придание им новых эстетической и эмоциональной окрасок, уже приспособленных ко вкусам общества потребления. Культурная логика постмодернизма пока активно продолжает своё развитие, но, переживая момент самоотрицания, её корректнее теперь называть псевдомодернизмом [7].

Проблемы метамодерна как нового этапа модернизации

Спровоцированный ипотечными спекуляциями финансовый кризис 2008 г. раскрыл многие ущербные стороны потребительской модели экономики. Обильные денежные вливания, производственный рост в азиатских странах, вложения в инновационную технологическую индустрию изменили ситуацию, но также актуализировали вопрос о необходимости освоения новых отраслей экономики, способных предоставлять сверхприбыли. На этом фоне активно продвигаются идеи о приближении новой промышленной революции, которую должны произвести киберфизические системы и технологические компании [12, с. 8–15]. Вновь стала популярна технологического-детерминистская концепция модернизации, ведь уже следующее поколение должно испытать кардинальные преобразования, историческое значение

¹ Джеймисон Ф. Модернизм как идеология // Неприкосновенный запас. 2014. № 6. С. 5–35.

которых сопоставимо с неолитической революцией VII–IV тысячелетий до н. э., индустриализацией второй половины XIX – начала XX вв. и автоматизацией производства с последней трети XX в.

Теоретики метамодернизма формулируют гуманистические ценности и установки, которые, по их мнению, наиболее приемлемы в меняющихся исторических условиях. Это пропаганда экологического производства, акцент в трудовой деятельности на самореализацию, а не на эффективность всеми возможными средствами, возврат к эмпатии в духовно-нравственной и художественной сферах, терпимость к иному. Также многие другие идеи, выражающие представление, что уровень технологического развития и количество благ позволяют, наконец, создать социально ориентированный капитализм. Конечно, это пока касается наиболее развитых стран [11]. Таким образом, метамодернизм возвращается к модернистскому нарративу об исторической роли Запада в прогрессивном влиянии на мир, над которым иронизировали постмодернисты. Однако, в отличие от прежнего модернизма, метамодернизму чужда дискриминация, и высшей ценностью признаётся культурное многообразие мира, где органично могут сосуществовать и дополнять друг друга культуры постмодернистского, модернистского и традиционного типов.

С приобщением к исторической концепции модернизации задачей метамодернистов становится её защита от критики идеалистического и материалистического характера. Первая заключается в том, что технологии вымывают ценностное содержание из области эстетического, замещая его стилистикой и спецэффектами. Вторая выражает беспокойство по поводу того, что развитие технологий усугубляет имущественное неравенство, способствуя концентрации средств производства в руках всё более сужающегося круга лиц.

В общих чертах ответ метамодернистов на критику первого типа заключается в том, что, во-первых, область кругозора и система ценностей в технологически развитых обществах – более высокого уровня, чем на предшествующих этапах [11]. Это не значит, что, например, современный европеец более духовный, чем житель Афганистана. Но он имеет большее количество сфер для самореализации, больше возможностей находить баланс между ценностями, а не подчиняться определённой идеологии. Метамодернизм и его концепция осцилляций не формулируют новые философии, религии, художественные направления [2], но в условиях, когда информационный плюрализм сделал условными любые иерархии смыслов, способствуют продуктивной жизненной позиции в состоянии «между».

Во-вторых, развитые технологии предоставляют новые формы репрезентации информации, средства, усиливающие её эмоциональное восприятие, индивидуализируют творчество. Так, например, интернет-блогеры или музыканты сами создают повестку и атмосферу собственного контента, их медийная продукция не обязана подчиняться редакторским правилам печатной и телевизионной журналистики или требованиям продюсера. Они сами являются творцами СМИ, значение посредников для них второстепенно.

Однако сейчас метамодернизм находится на начальном, гуманистически-идеалистическом этапе своего развития, который был и у предшествующих культурно-мировоззренческих направлений, в т. ч. и у постмодернизма. Теория осцилляций действительно хорошо раскрывает особенности мировосприятия современного человека, живущего между виртуальной и объективной реальностями [6]. Тем не менее основная критика в преодолении постмодернистской культуры всё же должна относиться не к её идейно-ироническому содержанию, а к тому, что в среде постмодерна абсолютно всё может становиться товаром.

Эти постмодерные реалии активно проникают в сетевую культуру метамодерна, в которой образуются свои монополии, а творческие произведения вовлекаются в русло критериев стоимости. Овеществление предваряет дальнейшую деградацию и упадок культурного направления. В случае метамодернизма подобное развитие событий может иметь очень негативные последствия, поскольку на данный момент, в отличие от своих предшественников, на своём начальном этапе, который в идейном плане должен быть наиболее продуктивным, кроме неохоллизма и колебаний, в нём не появилось инновационного идейного содержания, способного направить развитие модернизации в новом направлении.

Ответ метамодернистов на версию материалистической критики носит неолиберальный характер и выражает убеждение, что с технологическим прогрессом средства производства всё более диверсифицируются, структура усложняется и становится более устойчивой по отношению к кризисам.

Кризис 2008 г. обозначил и новые пути перспективного развития: инвестирование в человеческий капитал; приоритет экологических проблем над нерациональным потреблением; необходимость усиления роли государственного планирования экономики в русле социальных интересов и др. Подобная программа развития согласуется с метамодернистским понятием «прагматический идеализм» [5, с. 328–329] как реакции на существующие глобальные проблемы, порождённые дегуманизированным, утилитарным прагматизмом.

Движение к постиндустриальной форме производства постепенно должно воплощать тезис «экономика для людей» путём смены модели экономики массового потребителя на модель экономики индивидуализированного и бережливого потребителя, главную роль в которой будут играть индивидуальные бизнес-проекты. Развитие автоматизации про-

изводства также может способствовать преодолению старой проблемы отчуждения труда. В условиях углубляющейся дифференциации и специализации доля рутинных и низкоквалифицированных форм труда будет сокращаться, уступая место креативным профессиям, предоставляющим широкие возможности для личной самоактуализации человека.

В реальности ситуация развивается в несколько ином направлении. Создание дорогостоящих технологических инноваций и экологическое производство под силу только крупным предприятиям, что лишь усиливает монополизацию, а не диверсификацию. В лично-профессиональном плане узкие специалисты, поспевая за преобразованиями, вынуждены всю жизнь переучиваться или менять сферы деятельности, а доходы низкоквалифицированных рабочих с каждым новым экономическим кризисом неуклонно сокращаются, снижается уровень потребления в секторе крупных покупок. Достигнутый к середине XX в. объём трудовых прав повсеместно уменьшается.

При отсутствии идеологического оппонента далеко не факт, что современный техно-капитализм, перед которым сейчас остро стоит вопрос о новых источниках сверхприбылей, продолжит развитие в либеральном и социально-ориентированном русле доступного потребления. Поэтому реализацию проекта социального капитализма и богатого потребителя связывают главным образом с предполагаемыми коренными экономическими и общественными изменениями, которые должна произвести четвёртая промышленная революция.

Однако промышленная революция – это не только социально-экономический эффект от внедрения инновационных технологий, но и освоение и общедоступность новых видов энергии. Так, предпосылкой неолитической революции было освоение биологической энергии животных и растений, индустриализация стала возможной с освоением энергии мине-

ралов и углеводов, НТР второй половины XX в. связана с электрификацией и освоением атомной энергии. Современные усилия по использованию солнечной, ветряной, приливной энергий не способны обеспечить функционирование крупных производственных мощностей развивающихся экономик. Таким образом, пропагандируемая метамодернистами экологическая повестка и социальных капитализм останутся приемлемыми для ограниченного количества западных государств, на поддержание технологического преимущества и благосостояния которых будет работать остальной мир.

Заключение

История после «конца истории» продолжилась, и в связи с ускоряющимся темпом развития событий какие-либо долгосрочные проекты будущего представляются малоубедительными. Культурная ситуация и исторический момент метамодерна выражают собой, помимо прочего, чувства осцилляции и неопределённости между желанием повысить уровень благосостояния до лучших времён общества потребления и опасением, что нарастающие противоречия в современном капитализме могут обернуться системным кризисом, который в конечном итоге возможно будет разрешить лишь революционным или военным путём.

Гуманистические аспекты метамодернистской мысли вызывают глубокие симпатии и отклик, особенно в среде молодого поколения, не желающего жить в культурной атмосфере циничной иронии, бесконечного деконструирования, пастишей и симулякров. Теоретические положения метамодернизма и его понятийно-терминологический аппарат нацелены на реконструирование позитивного опыта прошлого, описание бытующих

социальных реалий в целостном и многогранном измерении, создание духовно-ценностных стимулов для дальнейших преобразований.

При этом нестыковки с избранными идейными источниками являются причинами нескладного конструирования собственной исторической легенды. Система исторических преставлений подразумевает связь времён: прошлое–настоящее–будущее. В оптимистичном русле данная система функционировала в реализме, для постмодернизма характерен в большей мере пессимистичный настрой, но в любом случае каждая из систем взглядов вносила свой вклад в дальнейшее развитие модернизации.

В метамодернизме, как бы выразился Ж. Бодрийяр, «перерабатываются отходы»¹, что выражается отсутствием принципиально новых взглядов на социально-исторический процесс, ностальгией по прежним метанарративам.

Примечательно, что метамодернисты не используют понятие «исторический прогресс», а в постмодернистском духе называют фундаментальные исторические концепции метанарративами, изначально подразумевая условность теоретизирования на научно-объективной основе в данной области. Подобная предпосылка для исторических взглядов в метамодернизме обесценивает познание прошлого, т. к. предполагает конструирование очередных новых форм исторической памяти и исторического опыта, а не обозначает стремление с более высокого этапа развития лучше понимать прошедшее.

Дата поступления в редакцию 09.03.2022

¹ Baudrillard J. L'Illusion de la fin ou la greve des événements. Paris: Galilee, 1992. P. 47.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккер Р. Историчность метамодерна // Аккер Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. В. М. Липка. М.: РИПОЛ Классик, 2020. С. 63–66.
2. Аккер Р., Вермюлен Т. Заметки о «Заметках о метамодернизме» // Metamodern: [сайт]. URL: <https://metamodernizm.ru/misunderstandings-and-clarifications> (дата обращения: 06.05.2022).
3. Аккер Р., Вермюлен Т. Заметки о метамодернизме // Metamodern: [сайт]. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 06.05.2022).
4. Аккер Р. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // Аккер Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. В. М. Липка. М.: РИПОЛ Классик, 2020. С. 34–60.
5. Гребенюк А. А. Культурно-исторический анализ переживаний человека эпохи метамодернизма // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 326–330.
6. Гребенюк А. А. Основы метамодернистской психологии // Metamodern: [сайт]. URL: <https://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology> (дата обращения: 06.05.2022).
7. Кирби А. Смерть постмодернизма и то, что после // Metamodern: [сайт]. URL: <https://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (дата обращения: 06.05.2022).
8. Митрошенков О. А. Что придёт на смену постмодернизму? // Metamodern: [сайт]. URL: <https://metamodernizm.ru/cto-pridet-na-smenu-postmodernizmu> (дата обращения: 06.05.2022).
9. Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28. № 6. С. 1–19.
10. Седин А. О чём молчит метамодерн? // Metamodern: [сайт]. URL: <https://metamodernizm.ru/o-chem-molchit-metamodern> (дата обращения: 06.05.2022).
11. Фрейнахт Х. Четыре сферы развития // Metamodern: [сайт]. URL: <https://metamodernizm.ru/the-four-fields-of-development> (дата обращения: 06.05.2022).
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., Эксмо, 2016. 138 с.

REFERENCES

1. Akker R. [Historicity of metamodern]. In: Akker R. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism* (Rus. ed.: Lipka V. M., transl. *Metamodernizm. Istorichnost, Affekt i Glubina posle postmodernizma*. Moscow, RIPOL Klassic Publ., 2020. P. 63–66.).
2. Akker R., Vermeulen T. [Notes on “Notes on Metamodernism”]. In: *Metamodern*. Available at: <https://metamodernizm.ru/misunderstandings-and-clarifications> (accessed: 06.05.2022).
3. Akker R., Vermeulen T. [Notes on metamodernism]. In: *Metamodern*. Available at: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (accessed: 05.06.2022).
4. Akker R. [Periodization of the 2000s, or the Emergence of Metamodernism]. In: Akker R. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism* (Rus. ed.: Lipka V. M., transl. *Metamodernizm. Istorichnost, Affekt i Glubina posle postmodernizma*. Moscow, RIPOL Klassic Publ., 2020. P. 34–60).
5. Grebenyuk A. A. [Cultural and historical analysis of the human experiences of the era of metamodernism]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2019, vol. 8, no. 1 (26), pp. 326–330.
6. Grebenyuk A.A. [Fundamentals of metamodern psychology]. In: *Metamodern*. Available at: <https://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology> (accessed: 06.05.2022).
7. Kirby A. [The Death of Postmodernism and Beyond]. In: *Metamodern*. Available at: <https://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (accessed: 06.05.2022).
8. Mitrosheikov O. A. [What will replace postmodernism?]. In: *Metamodern* [Metamodern]. Available at: <https://metamodernizm.ru/cto-pridet-na-smenu-postmodernizmu> (accessed: 06.05.2022).
9. Pavlov A.V. [Images of modernity in the twenty-first century: metamodernism]. In: *Logos* [Logos], 2018, vol. 28, no. 6, pp. 1–19.
10. Sedin A. [What is the metamodern silent about?]. In: *Metamodern*. Available at: <https://metamodernizm.ru/about-what-is-silent-metamodern> (accessed: 06.05.2022).
11. Freinacht H. [The four fields of development]. In: *Metamodern*. Available at: <https://metamodernizm.ru/the-four-fields-of-development> (accessed: 06.05.2022).
12. Schwab K. *The fourth industrial revolution* (Rus. ed.: Fomina E I., ed. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya*. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 208 p).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Денис Иванович – кандидат исторических наук, независимый исследователь;
e-mail: denyegov1981@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis I. Yegorov – Cand. Sci. (History), Independent Researcher;
e-mail: denyegov1981@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егоров Д. И. Историзация метамодернизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 82–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-82-90

FOR CITATION

Yegorov D. I. Historicization of metamodernism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 82–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-82-90

УДК 329 (329.052) 351/354 342.728
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-91-103

ПРОБЛЕМА ДЕПАРТИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ НА КПРФ В 1990-Е ГГ.

Волгин Е. И.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119192, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть проблему выполнения Коммунистической партией РФ требований президентских указов о департизации, нарушение которых являлось фактором политического давления на руководство КПРФ в условиях кризисного противостояния законодательной и исполнительной властей в 1990-е гг.

Процедура и методы. Изучены неоднократные попытки правоохранительных органов выявить нарушения Компартией РФ законодательства об общественных объединениях, которое устанавливало исключительно территориальный принцип партийного устройства. При проведении исследования использованы проблемно-исторический, системный и формально-юридический методы.

Результаты. Были выявлены незначительные нарушения со стороны КПРФ принципа территориального строения, которые, однако, не могли служить достаточным основанием для применения к этой партии жёстких правовых санкций со стороны правоохранительных органов, не интегрированных в 1990-е гг. в единую властную «вертикаль».

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлен политико-правовой аспект противостояния президентской власти и левой парламентской оппозиции в 1990-е гг.

Ключевые слова: департизация, президент РФ, КПРФ, Б. Н. Ельцин, П. В. Крашенинников, Г. А. Зюганов, министерство юстиции

THE PROBLEM OF DEPARTIZATION AS A FACTOR OF POLITICAL PRESSURE ON THE COMMUNIST PARTY IN 1990S

E. Volgin

*Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the problem of fulfillment by the Communist Party of the Russian Federation of the requirements of presidential decrees on departization, the violation of which was a factor of political

pressure on the Communist Party leadership in the context of confrontation between the legislative and executive authorities in the 1990s.

Methodology. The article examines repeated attempts by the authorities to reveal the violations by the Communist Party of the Russian Federation of the legislation on public associations, which established the exclusively territorial principle of the party structure. While conducting the study, problem-historical, systemic, and formal-legal methods were used.

Results. Minor violations of the principle of territorial structure by the Communist Party of the Russian Federation were revealed, which could not serve as a sufficient basis for applying serious legal sanctions to this party by government institutions that have not yet been integrated into a single “vertical” power structure.

Research implications. The political and legal aspects of the confrontation between the presidential power and the parliamentary communist opposition in the 1990s are revealed.

Keywords: departization, President of the Russian Federation, Communist Party of the Russian Federation, B. N. Yeltsin, P. V. Krasheninnikov, G. A. Zyuganov, Ministry of Justice

Введение

Вот уже почти 30 лет Коммунистическая партия России является основным оппонентом действующей власти. Будучи системной оппозицией, КПРФ старается не выходить за рамки, очерченные для альтернативных парламентских партий Администрацией президента. Однако в 1990-е гг., когда непрочный каркас российской государственности ещё не сложился в известную «вертикаль», коммунисты оказывали существенное влияние на политический процесс. Конечно, значение «партии Зюганова» СМИ порой сильно преувеличивали с тем, чтобы оправдать не вполне легитимные действия Б. Н. Ельцина в борьбе с угрозами «коммунистического реванша». Особенно сильно это проявилось в ходе президентских выборов 1996 г., где основные конкуренты находились далеко не в равных условиях.

Победа Ельцина, достигнутая ценой неимоверных усилий, отнюдь не решала «проблему КПРФ», которая продолжала доминировать в Думе и имела существенное влияние на местах. Причём речь шла не только о партийных институтах, построённых, как того требовал закон, исключительно на основе территориального принципа, но также о коммунистических ячейках, возможно, существовавших на производстве, в высших учебных заведениях и даже в Вооружённых силах.

И хотя законодательство об общественных объединениях соблюдалось в те годы весьма селективно, нарушение территориального принципа могло грозить партии коммунистов серьёзными санкциями. Президентская власть, изначально выступавшая основным инициатором департизации, пыталась использовать известный правовой фактор в качестве средства политического давления на руководство КПРФ, однако эффективность этого метода, как показала практика, оставляла желать лучшего.

Итак, рассмотрим проблему выполнения Коммунистической партией РФ требований президентских указов о департизации, нарушение которых являлось фактором политического давления на руководство КПРФ в условиях кризисного противостояния законодательной и исполнительной властей в 1990-е гг. Отметим, что данный вопрос не получил должного освещения в научной литературе. Среди основных работ о российской департизации, можно выделить публикации Е. И. Волгина, посвящённые процессу «декоммунизации» российской власти, а также силовых и правоохранительных органов в позднесоветские и первые постсоветские годы (1990–1993) [2; 3]. Выделим книгу В. В. Лапаевой «Право и многопартийность в современной России». Автор отмечает, что в ходе парламентской и президентской

кампании 1995–1996 г. возрождённые «первички» КПРФ вполне открыто зарекомендовали себя в качестве эффективно действующих избирательных штабов [6, с. 179]. В. Э. Фокина рассматривает теоретико-правовые проблемы департизации российской власти на основе действующего Федерального закона «О политических партиях» [7, с. 339–342]. Современные политологи уделяют основное внимание изучению «вертикали власти», формирование которой в определённой степени можно рассматривать как процесс обратно пропорциональный политике департизации. Так, в частности, отмечается, что Кремль на современном этапе создал мощные стимулы для политической лояльности и распространил её с уровня регионов и городов на уровень предприятий [4, с. 116–150]. Вместе с тем отсутствуют исследования, посвящённые изучению государственно-правовой тактики, направленной на нейтрализацию влияния левой оппозиции в 1990-е гг. Раскрытие данной темы позволяет лучше уяснить современные политико-правовые методы взаимодействия государства с институтами гражданского общества.

Президентские выборы 1996 г.: подпольный обком действует?

Департизация как политико-правовое явление стала частью стратегии новой российской власти, направленной на обретение РСФСР подлинного суверенитета. Республиканскому руководству во главе с Б. Н. Ельциным для проведения независимого социально-экономического и политического курса было необходимо избавиться от власти и влияния союзной Компартии, структуры которой пронизывали всю территориальную и производственную целостность республики. Окончательно проблема департизации была решена в августе 1991 г. Тем не менее правовая база, связанная с созданием необходимых барьеров на пути проникновения ячеек оппозиционных объединений в государственные органы

и на приватизируемые предприятия, продолжала формироваться вплоть до середины 1990-х гг.¹

Проблема департизации вновь стала обретать актуальность во время президентской кампании 1996 г. Накануне выборов в СМИ регулярно появлялись материалы о наличии «тысяч» коммунистических парткомов, незаконно действовавших на госпредприятиях и в вузах (в т. ч. в Московском университете). Публиковались гневные «письма общественности» с призывами судить руководство КПРФ за нарушение территориального принципа партийного строительства². Говоря о «возвращении» парткомов на производство, следует учитывать те радикальные изменения, которые произошли после 1992 г. в отношениях собственности. Дело в том, что первые указы Б. Н. Ельцина о департизации появились в годы, когда практически все предприятия находились в госсобственности. Однако вследствие приватизации многие заводы и фабрики превратились в акционерные общества, потому вопрос о целесообразности пребывания там партийных ячеек решал как бы уже не президент, а собрания акционеров. Именно на это обстоятельство иной раз напирала коммунистические парторги. При этом,

¹ Указ Президента РСФСР от 20 июля 1991 г. № 14 «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР» // Ведомости РСФСР. 1991. № 31. Ст. 1035; Указ Президента РФ от 27 апреля 1993 г. «О дополнительных мерах по предотвращению вмешательства политических партий и их структур в деятельность государственных органов, предприятий, учреждений и иных организаций» // САПП РФ. 1993. № 18. Ст. 18; Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы РФ» // СЗ РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.

² Аметистов Э. Свобода должна быть с кулаками // Известия. 1996. 8 августа; Орлов Д. Решение по «Делу КПСС» нарушается компартией и не выполняется чиновниками // Российские вести. 1996. № 130; Бабиков Ю., Бредихин В. Все парткомы незаконны // Известия. 1998. 4 июня; Неделя // Московские новости. 1996. 2–9 июня.

ссылаясь на Устав КПРФ, они категорически отвергли наличие у КПРФ производственных ячеек¹.

Между тем КПРФ была далеко не единственной партией, которая пыталась проникнуть на предприятия. Во второй половине 1996 г. Минюст провёл плановую проверку общественно-политических объединений. По информации министра юстиции В. Ковалёва (бывшего беспартийного члена фракции КПРФ), было установлено наличие первичных партийных организаций, созданных по производственному признаку, в Удмуртии, Красноярском крае, Липецкой, Амурской, Тамбовской и других областях. Среди нарушителей, помимо КПРФ, также числились Аграрная партия, партия «Демократический выбор России», ЛДПР. Руководству региональных отделений этих организаций были вынесены официальные предупреждения, а главам администраций соответствующих регионов было предложено впредь информировать управления юстиции о подобных нарушениях².

Но, повторяем, эта информация появилась уже после того, как пик избирательной борьбы был пройден. Пока же, по мере приближения даты голосования, страсти были настолько накалены, что едва не выплеснулись в масштабный политический кризис. Поводом послужили неуклюжие действия фракции КПРФ во II Думе, которая 15 марта 1996 г. выступила инициатором «отмены» нижней палатой Беловежских соглашений. Эта символическая акция вызвала жёсткую реакцию президента. 17 марта Ельцин распорядился подготовить указы о роспуске Думы, запрещении КПРФ, а также о переносе срока президентских выборов. Однако эта инициатива, выдвинутая, скорее всего, А. Коржаковым

и О. Сосковцом (главой предвыборного штаба Ельцина), вызвала крайне скептическую реакцию у политического окружения президента [8, с. 558, 560]. Не получив консолидированного одобрения своих далеко идущих планов, Ельцин был вынужден отступить.

Возрождение революционного духа КПРФ в олигархических СМИ

В окружении Б. Н. Ельцина понимали, что подвесить КПРФ на правовой «крючок» до выборов вряд ли удастся. Поэтому был избран более простой метод стигматизации коммунистов, которые стараниями пропрезидентских СМИ приняли на себя всю ответственность за ошибки и преступления своих предшественников. В этой информационной войне нашлось место и проблеме департизации. Так, в мае 1996 г. были обнародованы «сенсационные» материалы о планах коммунистов, которые те якобы вынашивали в случае прихода к власти. Среди них была некая аналитическая записка «Об отмене указа о департизации»³, авторы которой рекомендовали руководству КПРФ, дабы избежать саботажа со стороны адептов прежнего режима, сразу же после победы Г. Зюганова принять закон «О праве граждан на политическое самовыражение», который бы отменял «изданный Ельциным в ноябре 1991 г. т. н. “указ о департизации”». Уже одна эта неточность вызывает сомнения относительно аутентичности данного документа, ибо истинные коммунисты едва ли могли перепутать точную дату их выдворения с российских предприятий. Предполагаемый закон предоставлял право создавать производственные ячейки всем партиям, за исключением объединений, «опозоривших себя сотрудничеством с оккупационным режимом и подлежащих запрету» (партиям «Демократическая Россия», «Выбор России», Партии экономической свободы и др.).

¹ Бабицкий Ф. Беспартийным снова грозят парткомы // Российские вести. 1996. № 63; Выжutowич В. Корни травы // Известия. 1996. 20 марта.

² Минюст нашел нарушителей закона // Т. 1996. 2 ноября.

³ «...за исключением партий, подлежащих запрету...» // Московские новости. 1996. 19–26 мая.

Однако вышеупомянутые «документы» не произвели ожидаемой сенсации. Да и сама департизация казалась уже настолько изжитой темой, что едва ли могла привлечь интерес широкой общественности. Тогда в дело вступил более серьёзный компромат. 8 июня 1996 г. на страницах «Независимой газеты» был опубликован развёрнутый аналитический доклад «О новой стратегии и тактике борьбы коммунистов за власть в случае поражения на выборах»¹. Этот документ, переданный в редакцию НГ неизвестным, был основан на «агентурных сведениях» российских спецслужб, а также опирался на конфиденциальную информацию источников внутри самой КПРФ.

Не пытаясь пересказать в деталях содержание этого объёмного доклада, отметим, что основным его лейтмотивом стало подробное описание силовых методов захвата власти, которые собирались использовать коммунисты в случае поражения Г. Зюганова на выборах. По сути, речь шла о ползучей некоммунистической революции, создании в стране ситуации двоевластия, провоцировании гражданской войны путём прямого вооружённого мятежа и акций гражданского неповиновения. В этой связи указывалось на наличие у КПРФ незаконных вооружённых формирований, а также говорилось об активной работе коммунистов в армии и заигрывании со спецслужбами.

Г. Зюганов назвал данную публикацию фальшивкой и высказал сожаление о том, что «Независимая газета» встала «на такой путь». Коммунисты попросили Генпрокуратуру проверить факты, перечисленные в публикации, а также установить изготовителя². Искать последнего долго не пришлось: «сенсационные разоблачения» были подготовлены помощником президента Г. Сатаровым, который,

собственно, этого не скрывал, настаивая лишь на сугубо документальном характере своего доклада³. Более того, материал был опубликован в субботнем номере НГ, а уже в понедельник Сатаров собрал пресс-конференцию и с удовлетворением отметил, что его голос был услышан президентом, который после публикации обсуждал возможность предупреждения силовых акций со стороны оппозиции с генпрокурором Ю. Скуратовым и министром внутренних дел А. Куликовым. Сатаров также подтвердил, что считает сценарий неконституционного захвата власти коммунистами «правдоподобным и вероятным». При этом он отметил, что президент не собирается запрещать КПРФ, т. к. подобные действия находятся в компетенции суда⁴.

По странному стечению обстоятельств появление этого доклада совпало с терактом в московском метро (11 июня 1996 г.). Напряжённая ситуация, связанная с войной на Северном Кавказе, явно указывала на чеченский след. Однако мэр Москвы Ю. Лужков поспешил заявить, что «за терактом стоят силы, которые хотят вернуть страну в 1917 г., в 30-е годы, в послевоенные годы, во времена очередей, дефицита, зажима свободы и зажима совести». 12 июня руководители 3-х силовых ведомств (Ю. Скуратов – Генпрокуратура, М. Барсуков – ФСБ и А. Куликов – МВД) выступили с совместным заявлением, появление которого объяснили, в том числе, «сведениями некоторых политиков и СМИ о предполагаемых посягательствах на конституционный строй». Силовики предупредили: все покушения на государственную и общественную безопасность, а также иные действия, имеющие целью нарушить нормальную работу избирательных комиссий, оказать давление на избирателей, будут решительно

¹ Новое свидетельство обострения предвыборной борьбы // Независимая газета. 1996. 8 июня.

² Родин И. Зюганов: «НГ» встала на плохой путь // Независимая газета. 1996. 11 июня.

³ Выжutowич В. Г. Сатаров. Коммунисты всегда возмущаются, когда про них говорят правду // Известия. 1996. 6 июня.

⁴ Константинова Н. Кремль не дремлет // Независимая газета. 1996. 11 июня.

пресекается¹. Как бы то ни было, связать коммунистов с чередой терактов, произошедших в Москве накануне первого тура президентских выборов (взрыв в метро был лишь одним из эпизодов), равно как и создать атмосферу террористической истерии, тогда не удалось.

Минюст РФ как средство «политической аккредитации» КПРФ

Следующий этап противостояния между властью и левой оппозицией, когда проблема департизации вновь была актуализирована президентом, относится к весне–осени 1997 г. Это было связано с противодействием фракции КПРФ монетаристским начинаниям правительства «младореформаторов» (А. Чубайса и Б. Немцова). Раздосадованный неуступчивостью коммунистов в Думе, президент дал очередное поручение Генпрокуратуре и ФСБ в срок до 10 апреля 1997 г. провести тщательную проверку информации о фактах наличия ячеек КПРФ на предприятиях, в учреждениях и воинских частях. Коммунисты, как обычно, назвали информацию о якобы имевшихся у партии производственных ячейках ложной и специально подброшенной². Пресс-служба президента, ссылаясь на сообщения руководителей силовых ведомств, напротив, настаивала на том, что результаты проверки подтвердили наличие на предприятиях в ряде регионов, а также в воинских частях первичных организаций КПРФ³. Эта информация частично подтверждалась и Минюстом⁴.

По-разному осуществлялись проверки КПРФ на местах [5, с. 55–60]. В Хабаровском крае, например, органы ФСБ

наведались в региональное отделение Компартии, предложив партийцам поддерживать постоянные контакты. Местная прокуратура пригласила руководство крайкома, дабы получить письменные ответы на вопрос о наличии первичных организаций на предприятиях и в воинских частях⁵. ОВД г. Миасс (Челябинская обл.) при очередной проверке коммунистов в следующем, 1998 г., потребовало от руководителей городских предприятий представить подробную информацию об общественно-политических объединениях, имевших свои филиалы на производстве. В ответе необходимо было указать, помимо наименования самой партии, направленность её деятельности, наличие официального статуса, место нахождения руководящего органа, номер телефона (факса) и даже адрес (!) в интернете. Кроме того, ОВД требовало предоставить полные анкетные данные руководителей и активистов (включая информацию о судимостях, домашний адрес, номер домашнего телефона), а также численность организации, общее количество проведённых каждой партией акций, места изготовления печатной литературы, источники финансирования. Можно лишь восхищаться такой дотошностью правоохранителей, если бы не одно «но». Все эти сведения необходимо было представить в срок до 10 декабря 1998 г., тогда как на исходящем запросе стояла дата: 9 декабря 1998 г. «...Даже не очень трезвый руководитель ответ на эту исходящую глупость найдёт вполне однозначный»⁶, – иронизировала коммунистическая печать.

Угроза новых проверок КПРФ вновь появилась осенью 1997 г., когда фракция коммунистов занесла над правительством излюбленный дамоклов меч во тьме недоверия. В ответ президент поручил министру юстиции С. Степашину выяснять, «как дела у Компартии». После

¹ Бовт Г., Калашникова Н. Считать будут те, кому по должности положено // Ъ. 1996. 13 июня.

² На производстве ищут ячейки коммунистов // Независимая газета. 1997. 11 апреля.

³ Подпольные «первички» действуют // Российские вести. 1997. № 67.

⁴ Интервью с начальником Управления по делам общественных и религиозных объединений Минюстерства юстиции РФ Г.Н. Монаховым // Юрист. 1997. № 8. № 61–67.

⁵ ФСБ приглядывается // Правда-пять. 1997. 24 мая.

⁶ Мосин В., Обухов Н. Исходящая... глупость // Советская Россия. 1998. 28 декабря.

полученных от Степашина данных президент, по информации СМИ, стал резко разговаривать с Г. Зюгановым. Во время рассмотрения в парламенте вопроса о востуме недоверия Ельцин дважды звонил председателю II Думы Г. Селезнёву, чтобы предупредить: «Передайте лично ста срока шести (очевидно, президент имел в виду численность фракции КПРФ – Е. В.), чтобы они подумали над спокойствием в стране»¹. Однако правительственный кризис был преодолен не посредством президентских угроз, а лишь после того, как глава государства согласился на ряд серьёзных уступок.

В очередной раз тучи сгустились над КПРФ осенью 1998 г. Тогда «отличился» депутат-коммунист А. Макашов, своими националистическими высказываниями серьёзно подставивший Компартию². Хуже всего было то, что фракция КПРФ отказалась публично осудить генерала, тем самым солидаризовавшись, по мнению либеральной общественности, с его позицией. Этим тут же воспользовались оппоненты, потребовавшие запретить КПРФ как националистическую организацию. Первыми с подобной инициативой выступил Б. Березовский. Вскоре её подхватили А. Чубайс и Е. Гайдар, назвавший запрет КПРФ вопросом политической воли, а не законодательства³. Сами коммунисты, похоже, не особо испугались подобной перспективы. «...Ну и что? Нас запретят, так мы в два раза больше голосов на выборах наберём», – заявил первый зампред председателя ЦК КПРФ В. Купцов⁴. Но тогда за партию вступил новый министр юстиции П. Крашенинников, заявивший об отсутствии право-

вой основы для запрета КПРФ в связи с резонансными высказываниями Макашова, выступавшего от своего имени, а не от имени всей организации⁵.

Тем не менее в ноябре 1998 г. Минюст все-таки инициировал очередную проверку политических партий на предмет наличия у них производственных ячеек. П. Крашенинников, отказавшись до конца проверки назвать наименования нарушителей, лишь сослался на наличие у Минюста некоей информации о подобной незаконной деятельности⁶. Но едва ли правоохранители теперь охотились на КПРФ. Скорее, их могло интересовать объединение Ю. Лужкова «Отечество», имевшее, по некоторым сведениям, свои филиалы на столичных предприятиях [1, с. 91–92]. Как бы то ни было, Крашенинников, вручивший Лужкову свидетельство о госрегистрации «Отечества» прямо в день учредительного съезда (19 декабря 1998), едва ли собирался глубоко «копать» под перспективный политический проект.

При этом власть старалась не забывать о КПРФ. 10 февраля 1999 г. замгенпрокурора Ю. Чайка направил в Минюст письмо, в котором обратил внимание П. Крашенинникова на участвовавшие в последнее время заявления отдельных деятелей Компартии, направленные на разжигание межнациональной и социальной розни. В этой связи Генпрокуратура предложила министру проверить, соответствует ли деятельность КПРФ уставным целям. Министр юстиции среагировал мгновенно, и вскоре было объявлено об очередной внеплановой проверке КПРФ (при том, что последняя проверка проводилась менее года назад).

¹ Кузнецова В. Коммунисты готовят президенту 11 условий // Известия. 1997. 17 октября.

² Глобальный еврейский онлайн центр // Jewish.ru: [сайт] URL: <https://jewish.ru/ru/columnists/articles/197592/> (дата обращения: 03.02.2022).

³ Запретить теперь нельзя // Коммерсантъ-Власть. 1998. № 44. С. 16–18.

⁴ Куперт Т. Как вы относитесь к разговорам о запрете КПРФ? // Российская Федерация сегодня. 1998. № 15. С. 2–3.

⁵ Вслед за коммунистами проверять «Яблоко», ДПА и «Демвыбор России» // Новые известия. 1999. 25 февраля; Министр юстиции РФ П. Крашенинников выступил против запрета Коммунистической партии в России // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 1999. № 1. С. 15.

⁶ Где эта партия, где этот штаб... / Ю. Вахрин, Е. Писарев Е., Ю. Шуков, О. Токмакова. // Российская газета. 1998. 21 ноября.

Г. Монахов (замруководителя департамента по делам общественных и религиозных объединений Министерства юстиции), раскрывая схему будущей ревизии, заявил, что сотрудники Минюста изучают программные документы КПРФ, побывают на партийных мероприятиях. При этом он отверг предположение о том, что Минюст хочет запретить Компартию: «КПРФ – организация мощная, сильная, и мы просто хотели бы ознакомиться с её деятельностью»¹. Возникает вопрос: почему после инцидента с Макашовым, который считался исчерпанным, правоохранительные органы вдруг вновь решили взяться за КПРФ? Дело в том, что поводом для очередной проверки стали отнюдь не высказывания Макашова, а слова Зюганова, сказанные во время пресс-конференции в начале февраля 1999 г. Тогда главный коммунист страны назвал Ельцина «беспомощным спившимся лицом»².

Инициатива Минюста вызвала крайнее раздражение в руководстве КПРФ. Г. Зюганов назвал решение П. Крашенинникова «провокационным» и пригрозил отозвать своих представителей из рабочей группы по выработке политического соглашения, над которым работала думская оппозиция. А Лукьянов заявил, что совесть коммунистов чиста, а потому они относятся к инициативе Минюста спокойно: «Пусть кто угодно проверяет». В. Илюхин обвинил Минюст в нагнетании «политического психоза» и пригрозил в качестве ответной меры принять закон о десятилетнем запрете на участие в выборах общественно-политических объединений, поддержавших «антиконституционную политику» Ельцина (речь

шла об организациях Е. Гайдара, Ю. Лужкова, А. Лебеда)³. Президиум ЦК назвал грядущую проверку очередной провокацией, которая преследует цель выбить партию из предвыборной борьбы и затормозить готовящуюся коммунистами процедуру импичмента. Президиум ЦК также отметил, что после перехода Министерства юстиции в прямое подчинение президенту (в 1997) действия этого ведомства стали носить всё более непрофессиональный и политизированный характер⁴.

Противоречивая информация поступала о ходе и результатах самой проверки. Одни издания писали, что внезапная ревизия не дала ожидаемых результатов, а потому вскоре будет свёрнута. При этом чиновники Минюста признавали, что если ранее КПРФ «с лёгкостью шла на нарушения», то теперь коммунисты научились не выходить за рамки закона. Что касается резких слов Г. Зюганова, сказанных в адрес Ельцина, то здесь Минюст никак не мог повлиять на лидера коммунистов. «Оскорбления носят личный, а не общественный характер, – заявил представитель этого ведомства, – хочет он подавать в суд – пусть подаёт, а не хочет – это его проблемы». Сам же Ельцин устами своего пресс-секретаря Д. Якушкина заявил, что не намерен «ввязываться в подобного рода конфликты с Зюгановым»⁵.

Другие масс-медиа, ссылаясь на источники в Администрации президента, напротив, отмечали, что в настоящий момент Минюст подготовил отчёт о про-

¹ Гулько Н. КПРФ проверяют на соответствие // Ъ. 1999. 16 февраля; Дементьева М. Коммунистам испортили настроение // Новые известия. 1999. 17 февраля; После проверки КПРФ Минюст займется «Яблоком» // Ъ. 1999. 26 февраля; Каганян К. Внеплановая проверка КПРФ начата по просьбе Генпрокуратуры // Известия. 1999. 18 марта.

² Сенаторов Ю. Минюст не нашел компромата на коммунистов // Ъ. 1999. 5 марта.

³ Гулько Н. Зюганов угрожает Примакову и Бордюжке // Ъ. 1999. 18 февраля; Линьков А., Трусевич С. Минюст ломится в открытую дверь // Парламентская газета. 1999. 18 февраля; Минюст нагнетает психоз // Парламентская газета. 1999. 27 февраля; Дектерев В. В. Илюхин: «Я за борьбу с политическим экстремизмом. Надо лишь определиться, что это такое» // Правда. 1999. 18 февраля; Чиаурели Р. Илюхин предлагает запретить правые партии // Ъ. 1999. 17 февраля.

⁴ Заявление Президиума ЦК КПРФ // Правда. 1999. 19–22 февраля.

⁵ Сенаторов Ю. Минюст не нашел компромата на коммунистов // Ъ. 1999. 5 марта.

верке КПРФ, в котором коммунистам вменялись экстремистские выступления на митингах, а также создание незаконных ячеек на предприятиях, из чего следовал вывод: деятельность Компартии необходимо запретить. Был даже озвучен приблизительный сценарий дальнейших действий президента против КПРФ. Катализатором могла стать отставка Е. М. Примакова и последующий правительственный кризис, в который неминуемо должны были втянуться коммунисты. Причём некоторые сотрудники Администрации уверяли, что Ельцин рассматривал запрет Компартии как эффективное завершение своей политической карьеры. С другой стороны, слухи о радикальных санкциях против КПРФ могли подогреваться СМИ, чтобы оказать давление на левую оппозицию в преддверии попытки импичмента¹.

В сложившейся ситуации Г. Зюганов решил повысить ставки. 19 марта 1999 г. в ходе очередной пресс-конференции лидер КПРФ заявил, что в случае отставки правительства Е. М. Примакова Народно-патриотический союз России «выведет народ на улицы», а также отметил, что его соратники уже создали на этот случай «свои структуры и стачкомы на предприятиях в регионах страны». Любопытно, что, несмотря на радикализм подобных заявлений, крайне опасный в подобной ситуации, Зюганов действовал весьма осторожно. Дабы не подставлять КПРФ, он говорил о НПСР – широкой коалиции лево-патриотических сил, не имевшей в 1990-е гг. государственной регистрации, а потому трудно уязвимой с точки зрения закона. Тем не менее, как и ожидалось, Минюст усмотрел в этих словах попытку оказать открытое давление на руководство страны со стороны левой оппозиции. 22 марта 1999 г. Крашенинников направил Зюганову письмо, в котором предупредил лидера КПРФ,

что его недавние высказывания, а также создание стачкомов, не предусмотрены уставом КПРФ, а потому противоречат Конституции и действующему законодательству. Одновременно Минюст дал дежурное указание своим подразделениям на местах ещё раз проверить наличие стачкомов КПРФ на предприятиях².

Роковая ошибка министра юстиции

15 апреля 1999 г. П. Крашенинников подписал итоговый отчёт о результатах проверки деятельности КПРФ, где говорилось о том, что изученные данные подтверждают: цели и задачи КПРФ в целом не противоречат требованиям действующего законодательства, а деятельность структурных подразделений партии соответствует уставным положениям. Каких-либо действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, создания вооружённых формирований, в ходе проверки выявлено не было. Кроме того, не было выявлено фактов создания стачкомов и других структур КПРФ, не предусмотренных законом, на случай отставки действующего правительства. Что касается производственных ячеек КПРФ, то отдельные случаи их формирования, как показала проверка, действительно имели место в прошлом, однако к началу 1999 г. эти огрехи в основном были устранены.

Вместе с тем в отчёте отмечалось, что отдельные лидеры КПРФ (Г. Зюганов, В. Илюхин, А. Макашов) нередко публично выступают с резкими политическими заявлениями, используют воинственную риторику, допускают оскорбительные высказывания, которые порочат главу государства, унижают его честь и достоинство. Это, в свою очередь, возбуждает общественное мнение, способствует

¹ Красников Е., Остапчук А. Шах президенту или мат компартии // Московские новости. 1999. 30 марта–5 апреля.

² Рассафонова М. Крашенинников предупредил сам себя // Новые известия. 1999. 23 марта; Степанов А. В компартии завелись «народники» // Общая газета. 1999. 15–21 апреля.

росту напряжённости в обществе, разжиганию межнациональной и социальной розни. И хотя подобные заявления в целом не соответствуют политике КПРФ, они зачастую воспринимаются именно как политические установки Компартии. Минюст предупредил, что и впредь будет пристально отслеживать ситуацию и в рамках своих полномочий принимать «незамедлительные и решительные меры» по предупреждению и пресечению экстремистских заявлений и действий¹.

По свидетельству П. Крашенинникова, тогда у КПРФ удалось обнаружить лишь небольшие огрехи, которые не являлись достаточным основанием даже для вынесения предупреждения партии. Поэтому попытки ликвидировать Компартию выглядели, по его мнению, безответственно и могли сыграть на руку коммунистам, которые с лёгкостью выиграли бы дело в суде, показав, что они сильнее власти. «...Если бы мы это сделали, то просто подставили бы президента», – резюмировал Крашенинников². Однако либеральные СМИ, очевидно, ожидавшие очередной сенсации, были явно разочарованы результатами проверки. Журналисты подозревали Минюст если не в тихом саботаже распоряжений главы государства, то, по крайней мере, в довольно халатном отношении его сотрудников к своим обязанностям³.

Сами же сотрудники Минюста и Генпрокуратуры в доверительных беседах с журналистами указывали, что век обкомов, райкомов, прочих коммунистических структур, как и всей КПРФ, продлевался отнюдь не должностным недосмотром правоохранителей, «а массовым обнищанием, финансовым и эконо-

мическим разором, наглым торжеством преступности, коррупцией в государственной верхих, всеобщей безнадегой и ... нескончаемой хворью и бессилием нашего президента»⁴. Неизвестно, насколько эти откровения являлись аутентичными, или же мы вновь имеем дело с газетными измышлениями, но определённая доля истины в этих словах присутствовала. Как бы то ни было, по данным ВЦИОМ, идею запрета КПРФ в июле 1999 г. поддерживало лишь 26% опрошенных; 61% граждан высказывались против; 13% – затруднялись ответить⁵.

Борис Ельцин также был далеко не в восторге от работы министра юстиции. Однако президентская «благодарность» настигла П. Крашенинникова не сразу, а лишь спустя 2,5 месяца с момента окончания проверки. В самом конце июня 1999 г. Ельцин устроил Крашенинникову публичную порку в лучших обкомовских традициях. «Я не привык так работать!.. Поручения президента должны выполняться беспрекословно..., без всяких отклонений», – заявил журналистам перед началом экзекуции Борис Николаевич. При этом Ельцин пообещал, что «не будет торопиться с выводами»⁶. Это означало, что Крашенинникову был предоставлен шанс исправить ошибку. Недовольство президента действиями (вернее – бездействием) своего подчинённого не вызывает удивления. Остаётся непонятным, почему Ельцин так долго сдерживался. Очевидно, что устроить министру взбучку сразу же после завершения проверки тогда, в апреле 1999 г., и тем самым косвенно напасть

¹ Бюллетень Министерства юстиции РФ. 1999. № 5. С. 9–10.

² Исаков А. Я не хотел подставлять ни государство, ни его руководителей // Сегодня. 1999. 18 сентября.

³ Компромат Минюста на коммунистов оказался несвежим // Ъ. 1999. 16 апреля; Катанян К. Минюст умывает руки // Известия. 1999. 17 апреля; Степанов А. Минюст напоминает: компартия отделена от государства // Известия. 1999. 6 мая.

⁴ Бабицкий Ф. Беспартийным снова грозят парткомы // Российские вести. 1996. № 63; Рассафонова М. Ельцин недоволен Крашенинниковым // Новые известия. 1999. 30 июня; Петрович В. Бьёт своих, чтобы чужие боялись // Правда. 1999. 1 июля.

⁵ Для этой власти – закон, что дышло // Советская Россия. 1999. 22 июля.

⁶ Трегубова Е. Кремль подпортил коммунистам отдых // Ъ. 1999. 30 июня; Борис Ельцин недоволен дисциплиной Министерства юстиции // Известия. 1999. 30 июня; Рассафонова М. Ельцин недоволен Крашенинниковым // Новые известия. 1999. 30 июня.

на коммунистов, мешали обстоятельства (планируемая отставка правительства на фоне готовящегося импичмента).

П. Крашенинников приступил к работе над ошибками. Однако его успехи носили локальный характер. Новые проверки прошли в Хабаровском и Ставропольском краях, где были закрыты сразу несколько городских и районных комитетов, причём не только КПРФ, но и ЛДПР, а также ликвидирована краевая организация Крестьянской партии¹. Однако эти старания не помогли Павлу Владимировичу удержаться в новом правительстве В. Путина². Депутаты прямо указывали, что экс-министр не вписывался в силовой стиль управления, которого ожидали от Путина, а его политическая безынициативность в условиях обострения политической борьбы накануне выборов явно не устраивала президента³.

Сам Крашенинников считал, что причиной отставки стал как раз-таки его либерализм в отношении КПРФ⁴. Однако Ю. Лужков, который также не отрицал политической подоплеки этой истории, был несколько иного мнения⁵. Ибо, судя по всему, министр «погорел» именно на лужковском «Отечестве», когда в августе 1999 г. в ответ на запрос Центризбиркома официально подтвердил (вопреки желанию Кремля) право этой организации на участие в выборах как зарегистрированной не позднее, чем за 1 год до дня голосования⁶ (как того требовал закон). Хотя

последнее было отнюдь не очевидно, ибо «Отечество» было зарегистрировано 19 декабря 1998 г., а выборы в III Думу состоялись 19 декабря 1999 г. Но министр решил, что между этими двумя датами как раз пролегал ровно год. Столь вольное обращение Крашенинникова с григорианским календарём, видимо, переполнило чашу терпения президента.

Что касается КПРФ, то, похоже, накануне выборов Б. Н. Ельцин и сам осознал всю тщетность попыток «подцепить» эту партию на правовой крючок. Отвечая на вопрос корреспондента «Российской газеты», «будет ли указ о запрете КПРФ», гарант заявил: «Считаю, что коммунисты себя уже сами “закрыли”. Провалились политически. Сегодня их шансы победить на выборах падают. И им, конечно, сейчас очень надо пошуметь. Хотят, чтобы президент полез с ними в драку...». Вместе с тем глава государства пообещал, что если коммунисты будут нагнетать истерику и нарушать закон, то ответят не «по указу, а по суду»⁷. Тем самым Б. Ельцин дал понять, что в конце своего правления не собирается применять в отношении своих давних оппонентов те экстраординарные политические меры, которые использовал в августе 1991 г.

Заключение

Департизация явилась стратегией новой российской администрации в начале 1990-х гг., которая была направлена на высвобождение госаппарата РСФСР из-под власти и влияния КПСС. Однако после запрещения деятельности союзной Компартии на территории РФ эта проблема, казалось, утратила актуальность. Вместе с тем стремительное восстановление Коммунистической партии России, ставшей ведущей парламентской оппозицией, знаменовало продолжение политического противостояния. Компартия РФ, подчёркивая своё политическое пре-

¹ Рассафонова М. Первый удар Минюст нанес по КПРФ // Новые известия. 1999. 3 июля; Папушин А. Минюст заходит с тыла // Парламентская газета. 1999. 7 августа; Петрович В. Министр прозрел // Правда. 1999. 13–14 июля; Потери в партийных рядах // Парламентская газета. 1999. 9 июля.

² Юрий Чайка стал министром юстиции // Парламентская газета. 1999. 18 августа.

³ Бардин В., Кадик Л. Путинский кабинет отличается от степашинского // Ъ. 1999. 18 августа.

⁴ Геннадий Зюганов встретился с экс-министром юстиции // Известия. 1999. 24 августа.

⁵ Калашникова Н. Пострадавший за «Отечество» // Сегодня. 1999. 18 августа.

⁶ Минюст поднял шлагбаум // Сегодня. 1999. 14 августа.

⁷ Из интервью Б. Ельцина «Известиям» // Советская Россия. 1999. 8 июля; Петровский В. Гора родила мышь // Советская Россия. 1999. 10 августа.

емство по отношению к ушедшей КПСС, объективно должна была унаследовать от этой организации авангардный тип строения, предполагавший наличие не только территориальных, но и производственных ячеек.

И хотя данный принцип партийного строительства противоречил российскому законодательству, тем не менее на основании проведённого исследования можно сделать вывод, что он зачастую нарушался, и не только коммунистами. Учитывая отсутствие в России в 1990-е гг. закона о политических партиях, однозначно запрещавшего создание и деятельность парткомов на производстве независимо от формы собственности, левая оппозиция в условиях начавшейся приватизации старалась использовать эту правовую коллизию в своих целях. Вместе с тем едва ли производственные коммунистические ячейки представляли собой организованную и сплочённую политическую силу, способную подняться на борьбу с «антинародным режимом». Зачастую они напоминали дискуссионные клубы, существовавшие в первые годы «перестройки» на базе официальных советских организаций. С другой стороны, подобные «политкружки», зачастую не имевшие чёткого институционального оформления, были трудно уяз-

вимы со стороны проверяющих органов.

Безусловно, известная практика раздразжала президентскую власть, которая изначально являлась главным протагонистом департизации. При этом Кремль с помощью СМИ часто гиперболизировал ситуацию, многократно преувеличивая проникновение коммунистов в государственные органы, на предприятия и в Вооружённые Силы. С другой стороны, проблема департизации служила для президентской Администрации удобным рычагом давления на руководство КППРФ, который приводился в действие всякий раз, когда левая оппозиция проявляла излишнюю неуступчивость. При этом нарушения со стороны КППРФ отдельных президентских указов, которые в 1990-е гг. составляли правовую базу департизации, едва ли могли грозить «партии Зюганова» ликвидацией. Ибо в соответствии с законом эта санкция предусматривала предварительные правовые процедуры, позволявшие заблаговременно исправить выявленные нарушения. Да и сами правоохранительные органы, у которых в «лихие девяностые» забот хватало и без того, не особо усердствовали в деле выявления «подпольных» коммунистических ячеек.

Дата поступления в редакцию 13.02.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузин А. Российские выборы: изнутри, снаружи, сбоку. М.: КнигИздат, 2020. 850 с.
2. Волгин Е. И. Проблема департизации в России в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 4. С. 102–123.
3. Волгин Е. И. Проблема деполитизации Вооружённых Сил и правоохранительных органов в СССР и РСФСР – РФ в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2018. № 2. С. 113–134.
4. Гельман В. Возвращение акторов: динамика политических режимов и ее интерпретации // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / под ред. К. Рогова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 448 с.
5. Гушин В. З. Прокурорский надзор за соблюдением конституционных прав граждан на объединение // Юрист. 1998. № 2. С. 55–60.
6. Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. М.: Норма, 1999. 304 с.
7. Фокина В. Э. Значение принципов автономности политических партий и департизации государственной власти в регулировании статуса политических партий // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении: материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24–27 сентября 2015 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. Самара: Самарский университет, 2016. С. 339–342.

8. Эпоха Ельцина: Очерки политической истории / Ю. М. Батурич, А. Л. Ильин, В. Ф. Кадацкий и др. М.: Вагриус, 2001. 815 с.

REFERENCES

1. Buzin A. *Rossiyskiye vybory: iznutri, snaruzhi, na vkhode* [Russian elections: inside, outside, at the entrance]. Moscow, Knigizdat Publ., 2020. 850 p.
2. Volgin E. I. [The problem of departization in Russia in the early 1990s]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Series 8: History], 2014, no. 4, pp. 102–123.
3. Volgin E. I. [The problem of depoliticization of the Armed Forces and organs of the gastrointestinal tract in the USSR and the RSFSR - RF in the early 1990s]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (state and society)], 2018, no. 2, pp. 113–134.
4. Gelman V. [The return of actors: the dynamics of political regimes and its interpretation]. In: Rogov K., ed. *Demontazh kommunizma. Tridsat let spustya* [Dismantling Communism. Thirty years later]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2021. 448 p.
5. Gushchin V. Z. [Prosecutor's supervision over observance of citizens' constitutional rights to association]. In: *Yurist* [Lawyer], 1998, no. 2, pp. 55–60.
6. Lapaeva V. V. *Pravo i mnogopartiynost v sovremennoy Rossii* [Law and multi-party system in modern Russia]. Moscow, Norma Publ., 1999. 304 p.
7. Fokina V. E. [The importance of the principles of autonomy of political parties and the departization of state power in regulating the status of political parties]. In: Polyansky V. V., Volkov V. E., eds. *Demokraticheskiye tsennosti v mezhdunarodnom i natsionalnom konstitutsionnom izmerenii: materialy i doklady XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Samara, 24–27 sentyabrya 2015 g.)* [Democratic values in the international and national constitutional dimension: materials and reports of the 11th International Scientific and Practical Conference (Samara, September 24–27, 2015)]. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2016, pp. 339–342.
8. Baturin Yu. M., Ilyin A. L., Kadatsky V. F., et al. *Epokha Yeltsina: Oчерki politicheskoy istorii* [The Yeltsin era: Essays on political history]. Moscow, Vagrius Publ., 2001. 815 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волгин Евгений Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: plytony@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy I. Volgin – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of the History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: plytony@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волгин Е. И. Проблема департизации как фактор политического давления на КПРФ в 1990-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 91–103.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-91-103

FOR CITATION

Volgin E. I. The problem of departization as a factor of political pressure on the Communist party in 1990s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 91–103.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-91-103

УДК 32.019

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-104-116

ЮБИЛЕИ РЕСПУБЛИК КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ТЮРКСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ В КОНЦЕ 2010-Х – НАЧАЛЕ 2020-Х ГГ.

Кирчанов М. В.*Воронежский государственный университет**394000, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Анализ политики памяти как политического и интеллектуального явления, её региональных особенностей и общих закономерностей в современных культурных и общественных пространствах Татарстана, Башкортостана и Чувашии.

Процедура и методы. Статья базируется на методологических принципах, предложенных в рамках мемориального поворота в современной историографии, сфокусированной на изучении исторической политики и мемориальных практик в политических культурах памяти. Источниковой базой исследования стали публикации средств массовой информации и документы органов государственной власти национальных республик как основных участников исторической политики.

Результаты. Проанализированы особенности политики памяти, юбилеи национальных республик в 2019 и 2020 гг. как элементы политики памяти. Предполагается, что основным форматом памяти является государство.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные выводы актуализируют универсальность исторической политики как политики памяти. Необходимо её дальнейшее изучение. Констатация неизбежности исторической политики определяет необходимость сравнительных исследований мемориальных культур.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, мемориальные каноны, культура памяти, Татарстан, Башкортостан, Чувашия

ANNIVERSARIES OF REPUBLICS AS A FORM OF HISTORICAL POLITICS IN THE TURKIC REGIONS OF RUSSIA IN THE LATE 2010S AND EARLY 2020S

M. Kyrchanov*Voronezh State University**Universitetskaya pl. 1, Voronezh 394000, Russian Federation***Abstract**

Aim. To analyze the memory politics as a political and intellectual phenomenon, its regional features and general patterns in the modern cultural and public spaces of Tatarstan, Bashkortostan and Chuvashia.

Methodology. The article is based on the methodological principles proposed in the memorial turn of modern historiography, which is focused on the studies of historical politics and memorial practices in political cultures of memory. The source base of the study is the mass media publications and documents of the state authorities of the national republics as the main participants in historical politics.

Results. The features of memorial politics are analyzed as well as the anniversaries of the national republics in 2019 and 2020 as elements of the memory politics. It is assumed that is mainly the state that shapes memory.

Research implications. The conclusions obtained actualize the universality of historical politics as a politics of memory. The author asserts the need for its further analysis. The statement of the inevitability of historical politics determines the need for comparative studies of memorial cultures.

Keywords: memory politics, historical politics, memorial canons, cultures of memory, Tatarstan, Bashkortostan, Chuvashia

Введение

Начиная со второй половины 1990-х гг. политические элиты Европы используют символические мобилизационные ресурсы, важнейшим из которых является история. Совокупность практик идеологически мотивированного применения прошлого известна как историческая политика или *политика памяти*, предусматривающая сокращение роли академической историографии и усиление общественных активистов как новых форматоров памяти социума. Большинство государств современного мира объединяет то, что политические элиты в большей или меньшей степени применяют политику памяти для решения собственных задач, укрепления режима и его символической легитимации, придавая тем или иным восприятиям прошлого доминирующий статус. Российская Федерация не является исключением, историческая политика присутствует на федеральном уровне и в национальных субъектах, включая тюркские республики.

В основе данной работы – анализ политики памяти как интеллектуального явления в современных национальных субъектах РФ на примере Республики Татарстан, Республики Башкортостан и Чувашской Республики, историческая политика в которых актуализирует общие тенденции и её региональные особенности. В число задач исследования входит анализ официального дискурса политики памяти, изучение особенностей формирования и функционирования мемориальных канонов, рассмотрение коммеморативных практик и стратегий политических элит и обществ изучаемых республик.

Статья основана на принципах, предложенных в историографии, сфокусированной на изучении мемориальных практик политических культур. Число подобных исследований велико, что свидетельствует о развитии ряда историографических направлений, специализирующихся на изучении национальных версий исторической политики, трансформации социальной и культурной памяти, роли воображения и изобретения традиций в рамках формирования мемориального канона, установления набора коммеморативных практик или ревизии и деконструкции более ранних нарративов, которые составляли основы исторической памяти.

Историография памяти имеет ряд особенностей. Значительное число работ направлено на анализ исторической памяти в теоретической перспективе. Для историков характерно стремление локализовать политику памяти в контексте истории национализма, интеллектуальной истории или истории идей. Большинство исследований сфокусировано на изучении отдельных версий исторической политики. Для такой историографии характерна значительная географическая неравномерность: если история политики памяти в Европе и Америке не страдает от дефицита внимания со стороны исследователей, то её проблемы в восточных обществах изучены в меньшей степени. Что касается современной российской историографии памяти, то она испытывает явный дефицит работ, посвящённых политике памяти на региональном уровне.

2019–2020 гг: столетия тюркских республик (основные тенденции политики памяти)

Исследовательница культур памяти Э. Ригни полагает, что на протяжении новой и новейшей истории «главным производителем памяти является нация-государство, которая воздействует на умы с помощью школ, музеев и памятников. У неё есть и деньги, и власть, чтобы продвигать национальное понимание прошлого» [7, с. 13]. Не являются исключением и тюркские республики РФ, где власти продвигают версии национальной памяти, сочетая их, правда, с государственным мемориальным канонем. Среди центральных образов в исторической политике тюркских регионов – национальная государственность. Государственные нарративы актуализированы в исторической политике большинства тюркских республик России, особенно в случае юбилейных дат, т. к. именно «юбилей – это время переоценки истории с современной точки зрения» [4, с. 13]. В 2019 г. столетний юбилей государственности отмечала Республика Башкортостан, а в 2020 г. – Республика Татарстан и Чувашская Республика.

В 2019 г. столетие республики определяло основные векторы исторической политики в Башкортостане. В 2018 г. глава республики Р. Хамитов указывал на важность не сводить столетие к проведению формальных и дежурных мероприятий, подчёркивая, что «юбилей несёт мощный идеологический посыл, и его нужно в полной мере использовать, не сводить праздник к дежурным концертам художественной самодеятельности ... Необходимо вовлекать самих граждан в идеологическое, историческое пространство юбилея»¹. Глава республики подчёркивал

роль интеллектуалов в сохранении исторической памяти: «учёные, интеллигенция, общественность должны принять активное участие в обсуждении вопросов, имеющих важное значение для объективного освещения нашей истории»². Подобные идеи не были в полной мере востребованы в обществе, а доминирующая роль государства в исторической политике предопределила характер мемориальных практик. В 2019 г. в рамках официальной политики памяти подчёркивалось, что Башкортостан стал «первой реальной национальной республикой РСФСР, положив начало совершенно новой национальной политике в стране, основанной на признании равноправия и взаимоуважения народов России»³.

Вероятно, чрезмерно категорично утверждать, что «историческая память в большинстве обществ подвержена манипуляциям со стороны как представителей правящих политических элит, так и интеллектуальных сообществ, которые непосредственно ответственны за формирование компромиссного комплекса нарративов, формирующих представления о прошлом, признаваемые в качестве канонических» [3, с. 50].

Актуальный опыт исторической политики национальных республик РФ свидетельствует об ограниченности манипулятивных практик и процессов, а также редукции «комплекса нарративов» до тех, которые в большей степени отвечают интересам элит, а не соотносятся с исторической памятью в её гетерогенности. К 2020 г. важными компонентами политики памяти стали коммеморативные

¹ Королев А. «А праздник будет?»: заметят ли столетие Башкортостана жители региона // mkset.ru: [сайт]. URL: <https://mkset.ru/news/society/26-07-2019/a-prazdnik-budet-zametyat-li-stoletie-bashkortostana-zhiteli-regiona> (дата обращения: 15.04.2022).

² Столетие Башкортостана должно стать нашим общим праздником // Башинформ: [сайт]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/social/2018-08-16/100-letie-bashkortostana-dolzno-stat-nashim-obschim-prazdnikom-rustem-hamitov-2154225> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Абдуллин Р. Владимир Ленин: «Гарантия национальной свободы башкир полная» // mkset.ru: [сайт]. URL: <https://mkset.ru/news/economy/03-04-2022/andrey-nazarov-ne-nashel-v-bashkirii-sahar-po-60-rublei-i-kupil-za-80> (дата обращения: 15.04.2022).

мероприятия, посвящённые столетию республик, которые актуализировали в большей степени государственное, превратив национальное, чувашское и татарское, во второстепенные факторы.

По мнению американского историка У. Хирста, «способы, которыми нации вспоминают своё прошлое, всегда занимали центральное место в процессе национального строительства» [12, с. 82]. Если же память актуализировала государственный опыт, то само государство могло стать объектом разного рода мемориальных и коммеморативных манипуляций, что и подчёркивает опыт празднования столетий тюркских республик в России.

Наиболее масштабная программа была подготовлена и реализована в Татарстане. Если в Татарстане основными агентами политики памяти в 2020 г. оказались Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, Архивы РТ и Национальный музей РТ, то в Чувашии в «проработку прошлого», связанного с историей республики и её актуализации в культурных и общественных пространствах в большей степени оказались вовлечены Администрация главы республики и Чувашский национальный музей.

В целом столетние юбилеи 2019 и 2020 гг. актуализировали различные модели проведения политики памяти. Если в Чувашии внимание акцентировалось на самом факте обретения государственности в форме советской автономии в 1920 г., башкирские интеллектуалы апеллировали к своему первенству в государственном строительстве, то в Татарстане доминировал нарратив, основанный на продвижении идеи о восстановлении, т. е. «возрождении нашей государственности в новых условиях»¹.

¹ Бритвина Е. Президент Татарстана Рустам Минниханов: 100-летие образования ТАССР – важнейший период в истории татарского народа и всего региона // Официальный Татарстан: [сайт].

Столетия республик в чувашской и татарской исторических политиках

Подготовка к мемориальным мероприятиям в Чувашии на уровне государственной исторической политики началась в 2019 г.² Был разработан план мероприятий к 100-летию республики³, но не все из них были направлены на актуализацию исторической и национальной памяти государственного опыта чувашей. Наряду с проведением XIII Чувашского кинофестиваля, VIII Всечувашского праздника «Акатуй» и специальных мероприятий (Чебоксарского культурного форума и т. д.), посвящённых юбилею, предусматривалось, например, проведение конкурса мастеров машинного доения коров и строительство футбольных полей. Несмотря на преимущественно социально-экономический характер мероприятий, которые воспринимались государственными властями как форма актуализации лояльности в отношении центра, некоторые инициативы можно воспринимать как попытки «проработки прошлого», что, например, относится к Неделе национального кино.

В связи со столетием государственности в Чувашии стали заметны тенденции к виртуализации национальной памяти. В рамках подобной стратегии фактически были актуализированы европейские инструменты «проработки прошлого»:

URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/1640006.htm> (дата обращения: 15.04.2022).

² Указ Главы Чувашской Республики от 28.10.2019 № 128 «О праздновании 100-летия образования Чувашской автономной области» // Портал органов власти Чувашской Республики: [сайт]. URL: <https://cap.ru/events/events/2020-god/iyunj/24-iyunya-denj-respubliki/ukaz-glavi-chuvashskoj-respubliki-ot-28102019-n-12> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 26.12.2019 № 605 «О подготовке и проведении празднования в 2020 году 100-летия образования Чувашской автономной области» // Портал органов власти Чувашской Республики: [сайт]. URL: <https://cap.ru/events/events/2020-god/iyunj/24-iyunya-denj-respubliki/postanovlenie-kabinet-ministrov-chuvashskoj-respu> (дата обращения: 15.04.2022).

например, портал *Chuvashia100let*¹, созданный Национальной библиотекой Чувашской Республики, предлагал проголосовать за наиболее важное событие каждого десятилетия из 100 лет истории республики, что виртуализировало память, интегрируя её в интернет-пространство. Аналогичные практики актуализации памяти применялись и в Республике Татарстан, где был реализован интернет-проект «К 100-летию образования Татарской АССР». Направленность и характер таких мероприятий в целом отражают те противоречия «проработки прошлого», с которыми сталкиваются акторы, вовлечённые в политику памяти.

Е. Ю. Рождественская в связи с этим подчёркивает, что политика памяти актуализирует 2 альтернативы: возможность «сосредоточиться на произведённых мнемонической работой разного уровня нарративах и их структуре» или «процессуальности коммеморативной работы» [8, с. 70]. Столетние юбилеи республик можно определить как государственно направляемые формы исторической политики, но элиты предпочли именно «процессуальность», фактически проигнорировав «нарративные» формы памяти. Активность чувашских участников политики памяти носила государственно направляемый характер, актуализируя в качестве главных объекта и субъекта памяти государственность, которая воспринималась как носитель памяти по определению.

Татарская модель исторической политики актуализировала схожие формы актуализации коллективной памяти². Акторы политики памяти активно использовали интернет-платформы для актуализации коллективной памяти нации,

что, например, отразилось в проектах, посвящённых 100-летию республики, которые включали как конкурс журналистских работ о столетии татарской государственности³, так и попытки актуализации индивидуальных измерений в истории Татарстана с 1920 по 2020 г. через призму устной истории⁴, где отдельные татарские семьи рассматривались как живые формы исторической и культурной памяти, получив возможность видеопубликаций своих семейных историй, что вело к актуализации человеческого измерения в национальной памяти. Немецкий историк А. Эрльц полагает, что подобное «рассказывание историй – это в значительной мере политический акт, который формирует будущее» [13, с. 12] целых сообществ, которые при помощи систематизации личных нарративов консолидируют мемориальный канон.

Подобные тактики исторической политики актуализировали то, что память представляет собой «многоуровневую информационную систему, в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры надындивидуальной памяти» [5, с. 8], что интегрирует семейные, национальные и государственные памяти в едином каноне, принятом на уровне нации как воображаемого политического сообщества. Попытки исторической политики в Татарстане «опустить» коллективную память на уровень семьи не очень оригинальны (это используется и в других политиках памяти), но успешны в силу того, что содействуют установлению мемориального компромисса «между признанием специфики различных травматических историй и необходимостью избежать превращения этой специфики

¹ 100 великих лет // Чувашская Республика: летопись столетия: [сайт]. URL: <http://chuvashia100let.nbchr.ru/100-velikih-let/> (дата обращения: 15.04.2022).

² Ул эле һаман тошларема керә. Куркыныч, коточкыч // ТАССР: [сайт]. URL: <http://100tatarstan.100tatarstan.ru/news/etot-den-v-istorii-tat/ona-mne-snitsyado-sikh-por-strashnaya-koshmarnaya> (дата обращения: 15.04.2022).

³ 100 еллык журналистлар сурәтләвендә // ТАССР: [сайт]. URL: <http://100tatarstan.100tatarstan.ru/contest/100-ellyk-zhurnalistlar-surtlvend> (дата обращения: 15.04.2022).

⁴ «Республика тарихында үзенне тап» конкурс // ТАССР: [сайт]. URL: <http://100tatarstan.100tatarstan.ru/contest/naydi-sebya-v-istorii-respubliki> (дата обращения: 15.04.2022).

в сакрализованную уникальность» [9, с. 18], что сделать удалось, т. к. семейные памяти использовались крайне ограниченно в условиях, когда государство воспринималось в качестве основного источника, форматора, редактора и носителя памяти по определению.

В рамках башкирской модели «проработки прошлого» в 2019 г. особое внимание придавалось государственному опыту, что превратило именно государственность в центральный компонент коллективной памяти. Государственные власти стали организаторами мероприятий (Всероссийского конкурса художественных работ к 100-летию образования Республики Башкортостан¹ и Республиканского конкурса на создание музыкальных произведений, посвящённых 100-летию образования Республики Башкортостан²), направленных на «проработку прошлого» в 2019 г. Башкортостан не ограничивался только традиционными формами политики памяти, продвигая официальные нарративы при поддержке СМИ и виртуализируя мемориальный канон при помощи специально запущенных ресурсов: в 2017 г. стартовало электронное голосование в рамках проекта «100 имён Башкортостана»³, что стало попыткой сформировать актуализированный пантеон отцов-основателей

башкирской нации и государственности. В мемориальные мероприятия включилась и Википедия⁴, активисты которой выступили с инициативой написания и размещения статей, посвящённых Башкортостану, на башкирском и других национальных языках.

Этнизация исторической политики в 2019 г. носила ограниченный характер. 23 марта 2019 г. на официальных мероприятиях в Уфе президент РТ Р. Минниханов оказался единственным, кто произнёс свою речь на национальном, а не русском языке⁵. Национальный музей Башкортостана в 2019 г. актуализировал свои функции форматора исторической памяти, проведя серию выставок «Рождение Республики: история в лицах», посвящённых столетию государственности⁶. На других площадках были представлены картины башкирских художников, тематически сфокусированные на истории региона и столетии республики⁷. Среди акторов политики памяти оказались и национальные театры. Например, в преддверии юбилея республики был поставлен спектакль «Бурангулов. Ашкардар», приуроченный 100-летию развития национального театра, столетию респуб-

¹ Положение «О Всероссийском конкурсе художественных работ к 100-летию образования Республики Башкортостан», 19 июня 2018 // Министерство культуры Республики Башкортостан: [сайт]. URL: <https://culture.bashkortostan.ru/documents/active/78067/> (дата обращения: 15.04.2022).

² Положение «О Республиканском конкурсе на создание музыкальных произведений, посвящённых 100-летию образования Республики Башкортостан», 29 декабря 2017 // Министерство культуры Республики Башкортостан: [сайт]. URL: <https://culture.bashkortostan.ru/documents/active/37080/> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Завершается интернет-голосование конкурса «100 имён Башкортостана» // Башинформ: [сайт]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/culture/2017-01-31/zavershaetsya-internet-golosovanie-konkursa-100-imyon-bashkortostana-2214465> (дата обращения: 15.04.2022).

⁴ В Башкирской Википедии дан старт очередному этапу вики-марафона «Башкортостан 100» // Башинформ: [сайт]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/social/2018-02-22/v-bashkirskoy-vikipedii-dan-start-ocherednomu-etapu-viki-marafona-bashkortostan-100-2173038> (дата обращения: 15.04.2022).

⁵ Абдуллин Р. 100 лет Башкирии: В Уфе отметили вековой юбилей автономии в составе России // mkset.ru: [сайт]. URL: <https://mkset.ru/news/society/23-03-2019/100-let-bashkirii-v-ufo-otmetili-vekovoy-yubiley-avtonomii-v-sostave-rossii> (дата обращения: 15.04.2022).

⁶ К столетию Башкирии музеи проведут акцию «Рождение Республики: история в лицах» // Башинформ: [сайт]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/social/2019-02-16/k-100-letiyu-bashkirii-muzei-provedut-aktsiyu-rozhdenie-respubliki-istoriya-v-litsah-2135819> (дата обращения: 15.04.2022).

⁷ В Уфе художники представили картины, посвящённые 100-летию образования Башкирии // Башинформ: [сайт]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/culture/2019-01-22/v-ufo-hudozhniki-predstavili-kartiny-posvyaschennye-100-letiyu-obrazovaniya-bashkirii-2138298> (дата обращения: 15.04.2022).

блики и 130-летию классика башкирской литературы М. Бурангулова¹.

Тенденции конструирования коллективной памяти Чувашской Республики проявились в выставочном проекте «Сто выдающихся людей Чувашии»², что стало фактически попыткой актуализации образов отцов-основателей нации в современной исторической памяти и чувашской идентичности. В такой компромиссный пантеон отцов нации как часть мемориального канона были интегрированы деятели как политики, так и культуры. Подобный пантеон отцов нации носит в значительной степени компромиссный характер. Наряду с участниками национального движения и деятелями культуры, которые содействовали развитию национальной чувашской идентичности, в этот формализованный перечень вошли партийные деятели и спортсмены, что стало попыткой актуализировать в исторической памяти те трансформации, которые на протяжении столетия государственности пережили чуваша, превратившись из традиционной группы в сообщество с полными социальными структурами.

Аналогичные виртуальные подходы к проработке прошлого использовались в рамках политики памяти в Татарстане. Институт истории АН РТ выпустил видеоролик «История ТАССР за 10 минут»³, который актуализировал трансформации исторической памяти в условиях общества потребления, несколько упрощая академический нарратив и адаптируя его под потребности общности потребления, в первую очередь – молодёжи.

¹ К столетию республики и башкирского театра поставят спектакль «Бурангулов. Ашкадар» // Башинформ: [сайт]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/culture/2018-09-12/k-100-letiyu-respubliki-i-bashkirskogo-teatra-postavyat-spektakl-burangulov-ashkadar-2151880> (дата обращения: 15.04.2022).

² 100 выдающихся людей Чувашии // Чувашская Республика: летопись столетия: [сайт]. URL: <http://chuvashia100let.nbchr.ru/100-imen/> (дата обращения: 15.04.2022).

³ История ТАССР за 10 минут // Youtube: [сайт]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BPo4ovvnN_U (дата обращения: 15.04.2022).

По мнению Д. А. Аникина, «государство создаёт нацию как совокупность обладающих политической идентичностью граждан» [1, с. 38], а разного рода коммеморативные практики, связанные с государственными юбилеями, чрезвычайно удобны для конструирования общего мемориального канона. Именно поэтому акцентируется внимание на древности той или иной группы.

В рамках официального дискурса в Чувашии в 2020 г. особо подчёркивалось, что «история чувашского народа – многовековая. Но если взять отдельно историю чувашской государственности, последние 100 лет отражают всё, что происходило в нашей огромной стране»⁴. Мемориальные практики также были призваны содействовать консолидации памяти, но эффект отказался незначительным, будучи ограниченным только официальным уровнем, что проявилось в учреждении специальных юбилейных наград.

Если в Чувашии политика коммеморации, связанная со столетием республики, носила преимущественно отчётный характер в сфере реализации социально-экономической политики (именно поэтому в упомянутом выше плане мероприятий фигурировали не только общественные акции, которые могли актуализировать память и идентичность), то власти Татарстана не только контролировали ход мемориальных торжеств, но и внесли в них некоторые элементы государственно направляемой «проработки прошлого». Поэтому был организован Конкурс к 100-летию образования ТАССР, проведён Республиканский конкурс разработок мероприятий и проектов по внеклассной работе, посвящённых 100-летию образования ТАССР, составлен единый проект проведения классного

⁴ Поздравления со 100-летием образования Чувашской автономной области // Портал органов власти Чувашской Республики: [сайт]. URL: <https://cap.ru/events/events/2020-god/iyunj/24-iyunya-denj-respubliki/pozdravleniya-so-100-letiem-obrazovaniya-chuvashsk> (дата обращения: 15.04.2022).

часа «100 лет ТАССР» и викторины, посвящённой 100-летию ТАССР¹.

В инструментарий политики памяти были интегрированы и некоторые мероприятия на уровне средней школы, для чего были разработаны сценарии проведения мероприятий, сфокусированных на истории республики – «Мин яратам сине, Татарстан!»; сценарий, посвящённый 100-летию ТАССР и сценарий концерта в честь 100-летия образования ТАССР и 30-летия Республики Татарстан «Татарстан – наш общий дом», призванные актуализировать именно государственные компоненты мемориального канона. Именно поэтому эти мероприятия были направлены на распространение нарратива, что «Татарстан имеет глубокие традиции государственности... Декрет об образовании ТАССР... был очень положительным для народов нашей республики. Он способствовал возрождению государственности, которая имеет глубокие традиции ещё с эпохи раннего средневековья, языка, духовных, исторических традиций»².

Государственные нарративы и особенности их редукции в национальных политиках памяти

По мнению российского историка В. В. Трепалова, в то время как «манипулирование исторической памятью, если понимать под ним современные идеологические технологии (сознательные фальсификации, акцентирование на одних фактах и замалчивание других и т. п.), в целом не было присуще патриархальной кочевой культуре», т. е. предко-

вым группам современных политических наций тюркских республик, то правящие элиты, наоборот, склонны в полной мере подобный потенциал политики памяти применять и использовать [11, с. 29]. Поэтому ими продвигается мемориальный канон, центральный элемент которого – государственность, соотносимая, правда, не с этническими группами, а с правящими сословиями, в чём можно усматривать попытку актуализации континуитета в государственном опыте.

Республиканские нарративы на современном этапе в исторических политиках тюркских республик играют особую роль, но для их функционирования в мемориальном каноне характерны тенденции к последовательному редуцированию. Начало государственного опыта татар, башкир и чувашей хронологически локализуется в 1919–1920-х гг., т. е. ограничивается советской историей, игнорируя средневековый период. Эта ситуация связана с тем, что производство исторических нарративов о средневековых государственностях монополизировано историографией. Политические элиты республик не склонны в средневековье видеть ни символический, ни мобилизационный ресурс для политической консолидации в рамках исторической политики. Поэтому сложился неформальный консенсус, в рамках которого советская государственность стала объектом идеологических манипуляций в рамках исторической политики, в то время как средневековые государственные институты в большей степени изучаются в академической историографии.

Из трёх поволжских национальных тюркских республик только татарские активисты исторической политики пытались интегрировать средневековый опыт в число инструментов политики памяти, что относится к Дню защитников Казани (*Хәтер көне*), который в Татарстане стал одной из «изобретённых» традиций, направленных на актуализацию памяти путём виктимизации и визуализации коллективной травмы, полученной в 1552 г.

¹ Республиканский конкурс разработок мероприятий и проектов по внеклассной работе, посвящённых 100-летию образования ТАССР // Министерство образования и науки Республики Татарстан: [сайт]. URL: <https://mon.tatarstan.ru/respublikanskiy-konkurs-razrabotok-meropriyatiy-i.htm> (дата обращения: 15.04.2022).

² 100 лет ТАССР // Электронное образование Республики Татарстан: [сайт]. URL: <https://edu.tatar.ru/mendelevsk/mendelmonashevosh/read-news/2365226> (дата обращения: 15.04.2022).

Хәтер көне как набор мемориальных практик в татарской исторической памяти 1990 – начала 2020-х гг. был подвержен актуализации через «вспоминание» и вытеснению через игнорирование и культивирование идеологически мотивированной социальной амнезии, т. к. моменты общего прошлого, которые могут служить опорой для сообщества в определении собственной идентичности, функционируют как «преодоление исторических различий при помощи воображения и путём отбора того, что следует считать незабываемым» [14, р. 250]. Последний критерий «незабываемости» *Хәтер көне* в мемориальном каноне оказался зависимым от внешней конъюнктуры.

Воспринимая *Хәтер көне* через призму «вспоминания», мы можем определить День защитников Казани не просто как «изобретённую традицию», но преимущественно как «социальный акт» хотя бы в силу того, что, по мнению американского историка Дж. К. Олика, «память существует во внешнем мире в социальном контексте, и это социальный феномен ... на самом деле большинство наших действий как “вспоминателей” представляют собой социальный акт» [6, с. 13], но степень востребованности таких актов в обществе может меняться. В 1990–2000-е гг. *Хәтер көне* привлекал внимание и был фактором консолидации для татарской исторической памяти. К 2020-м гг. отношение к нему изменилось, а элиты республики, понимая её символическую важность для идентичности, решили дискурс национальной памяти, связанной с ней, взять под контроль.

В 2021 г. инициатива мемориальных мероприятий *Хәтер көне* перешла от татарских националистов к ДУМ РТ, где было решено дату сделать плавающей, интегрировав её в религиозный календарь. В 2021 г. этот день отмечался не 15 октября, а в 13 день месяца шавваль (по хиджре), т. е. 25 мая¹. Муфтий

РТ К. Самигуллин, комментируя изменение даты, подчёркивал, что «сегодня 13-й день месяца шавваль. В этот день в 959 году по хиджре войска под предводительством царя Ивана Грозного после продолжительной осады штурмом взяли Казань ... Казанское ханство было мусульманским государством ... события 1552 года шли в дни священного месяца Рамазан»². Практически никакой реакции со стороны властей республики на эти слова не последовало. Элиты, которые инициировали перенос даты, вероятно, хотели ослабить альтернативный канон исторической памяти, выстроенный в националистической системе координат, но фактически это привело к усилению мусульманского прочтения истории и потенциальной консолидации альтернативных версий исторической памяти на основе ислама.

Комментируя ситуацию, историк и политолог Р. Айсин полагал, что они радикально не изменят сложившийся мемориальный канон: «я не вижу здесь попытку заместить день падения Казанского ханства 15 октября ... речь просто о высчитывании даты по хиджре (а там, как известно, дата плавающая) ... нет никакого противоречия, потому что, чем чаще мы будем вспоминать те события и павших героев, тем лучше для исторической памяти ... То, что 15 октября останется – я уверен. Этот день уже отпечатан в исторической памяти, он проводится с 1989 года. Думаю, две этих даты должны друг друга взаимно дополнять и выступать общим фронтом»³.

//sntat.ru/news/den-pamyati-zaschitnikov-kazani-budet-kurirovat-dum-rt-5824615 (дата обращения: 15.04.2022).

² В Татарстане утвердили новую дату Дня памяти защитников Казани // TRT на русском: [сайт]. URL: <https://www.trtrussian.com/novosti-rossiya/v-tatarstane-utverdili-novuyu-datu-dnya-pamyati-zashitnikov-kazani-5572654> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Саримова Л. День памяти всех павших при взятии Казани сделали «плавающим». Что это значит для татар? // Снег: [сайт]. URL: <https://sntat.ru/news/den-pamyati-zaschitnikov-kazani-sdelali>

¹ Калашиков Е. День памяти защитников Казани будет курировать ДУМ РТ // Снег: [сайт]. URL: <https://sntat.ru/news/den-pamyati-zaschitnikov-kazani-sdelali>

Подобные манипуляции актуализировали стремление элит взять под контроль неформальные мемориальные практики, которые фактически сложились в Татарстане. Установление контроля усложнялось невозможностью интеграции *Хәтер көне* в число государственных праздников, это и вынудило участников политики памяти на официальном уровне интегрировать его в религиозный календарь, что воспринималось как компромисс между сторонниками различных версий исторической памяти.

В сфере отношения элит к государственности как обязательной компоненте истории историческая политика носила направляемый характер, будучи адресованной различным слоям и группам общества, что делалось с целью поддержания коллективной исторической памяти и национальной идентичности, связанной с мемориальным каноном, в котором идея и ценность государственности воспринимались среди центральных и системообразующих элементов. В контексте проведения мемориальных мероприятий, связанных со 100-летием национальных республик, заметно подчинение национального мемориального канона общероссийским тенденциям в развитии исторической политики.

Перефразируя слова российского философа Е. В. Блинова, следует помнить, что устами государства, когда оно организует официальные мероприятия, связанные с представлениями о прошлом, «может говорить история в том виде, в каком она воспринимается не только и не столько профессиональными историками или политическими элитами, а мнемоническим сообществом в более широком смысле, внутри которого вырабатывается определённый консенсус по поводу исторических событий» [2, с. 30]. Подобная тактика в принципе нормальна, но проблема в том, что историческое может редуцироваться до государствен-

ного, что существенно влияет на такие формы политики памяти, которые являются государственно контролируемыми.

Элиты в такой ситуации в «проработке прошлого» проявляют поразительную избирательность, что позволяет некоторые исторические политики определять как «дефектные», т. к. они не в полной мере актуализируют возможности, сокрытые в манипуляциях прошлым. В историографии на протяжении почти столетия ведётся спор относительно того «является ли коллективная память социальной реальностью или просто удачной метафорой» [10, с. 77]. Коммеморативные практики, приуроченные к столетиям тюркских республик, свидетельствуют в большей степени в пользу первого утверждения в силу того, что у такой памяти существуют как минимум её профессиональные носители, представленные как интеллектуалами, так и бюрократами, хотя последние вспоминают в большей степени вынужденно, соотнося свои «памяти» с требованиями государственной политики.

Заключение

Республики, институционализированные в рамках советской национальной политики в советский период, стали в национальных исторических памятниках коллективным «местом памяти», обращения к которому были призваны актуализировать значение тех или иных групп как политических наций, интегрируя республиканский исторический опыт в национальный исторический нарратив. Государственные нарративы в рамках таких мемориальных канонов в тюркских республиках интегрированы в синтетические и обобщающие версии национальных историй, конструируемых в преимущественно событийной системе координат. Юбилей республик в тюркских регионах содействовали инструментализации исторической памяти, актуализируя сервиллистские функции исторического воображения, склонность элит использовать историю

plavayuschim-что-ето-znachit-i-chem-mozhet-nepopravitsya-tataram (дата обращения: 15.04.2022).

для консолидации сообществ и легитимации собственной власти.

Центральная роль государства как основного заказчика и форматора исторической памяти вытекает из институциональных особенностей сложившегося в 2000–2010-е гг. политического режима. Трансформации 2000-х гг. превратили именно государство в основной институт развития памяти как на федеральном, так и на национальных уровнях республик. Государство как основной форматор мемориального канона и культуры памяти устанавливает возможные границы интерпретаций и ревизии прошлого, чётко формируя те вопросы, дискуссии по которым нежелательны или вообще невозможны. Именно с государственностью связаны и другие формы политики памяти, что относится к локализации в рамках мемориального канона исторических государств тюркских народов, формиро-

вание и функционирование пантеона отцов-основателей нации. Концепт «государственность» имеет принципиальное значение, т. к. является основой разного рода мемориальных и коммеморативных практик, связанных с празднованием юбилейных и памятных дат, что актуализирует и визуализирует память в общественных пространствах национальных республик.

Таким образом, политика памяти является важным элементом функционирования современных обществ в национальных тюркских республиках России, что указывает на необходимость её дальнейшего изучения в широкой сравнительной перспективе, как на уровне Российской Федерации, так и в контексте зарубежного опыта развития и функционирования мемориальных культур.

Дата поступления в редакцию 18.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Д. А. Нарратив создает мнемоническое сообщество, а не мнемоническое сообщество придумывает свой нарратив // Историческая экспертиза. 2018. № 2. С. 37–38.
2. Блинов Е. Н. В поисках утраченной памяти: как нарративы большие и малые создают и разрушают нации // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 28–34.
3. Кирчанов М. В. Когда нации вспоминают: что, где и как. Заметки культурного антрополога на полях книги Джеймса Верча “How nations remember: a narrative approach” // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 54–67.
4. Ларюэль М. Столетие 1917 в России: двойственная историческая политика государства и захват исторического рынка церковью // Историческая экспертиза. 2019. № 1. С. 13–38.
5. Макаров А. И. Историческая память: конструкция или реконструкция? // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 4–10.
6. Олик Дж. К. Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 11–21.
7. Ригни Э. Мы также должны понять, почему часть людей не в силах отказаться от излюбленных ими верований в мифическую нацию. Интервью с Э. Ригни // Историческая экспертиза. 2020. № 4. С. 9–16.
8. Рождественская Е. Ю. Последствия методологического выбора между процессуальностью коммеморации и национальной памятью как системой знаний и представлений. Отклик на новую книгу Дж. Верча “Как нации помнят. Нарративный подход” (2021) // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 68–75.
9. Ротберг М. Как понять сложное устройство мнемоники // Историческая экспертиза. 2019. № 3. С. 17–26.
10. Сафронова Ю. А. В плену нарративных шаблонов? // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 76–80.
11. Тrepалов В. В. «Золотая Орда была не варварским захолустьем ойкумены, но ярким и своеобразным явлением в ряду средневековых цивилизаций». Интервью с В. В. Тrepаловым // Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 26–34.

12. Хирст У. Переступая национальные границы: проблема памяти. Комментарий к книге Джеймса Верча «Как нации вспоминают: нарративный подход» // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 81–89.
13. Эрль А. «Национализм – это ответ на вызовы двадцать первого века инструментами девятнадцатого столетия». Интервью с А. Эрль // Историческая экспертиза. 2020. № 3. С. 9–13.
14. Rigney A. Remembrance as remaking: memories of the nation revisited // Nations and Nationalism. 2018. Vol. 24. № 2. P. 240–257.

REFERENCES

1. Anikin D. A. [Narrative creates a mnemonic community, not a mnemonic community invents its own narrative]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2018, no. 2, pp. 37–38.
2. Blinov E. N. [In the Search of the Lost Memory: How Narratives Big and Small are Building and Destroying Nations]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2021, no. 3, pp. 28–34.
3. Kyrchanoff M. V. [When nations remember: what, where and how. Cultural anthropologist's notes in the margins of James Wertsch's book "How nations remember: a narrative approach"]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2021, no. 3, pp. 54–67.
4. Laruelle M. [Commemorating 1917 in Russia: ambivalent state history policy and the church's conquest of the history market]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2019, no. 1, pp. 13–38.
5. Makarov A. I. [Historical memory: construction or reconstruction?]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2014, no. 1, pp. 4–10.
6. ["Memory is not a thing, it is not an object. Memory is an ongoing process" Interview with Jeffrey Olick]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2018, no. 4, pp. 11–21.
7. Rigney A. ["We need also to understand why some people refuse to let go of cherished beliefs about a mythical nation". Interview with Ann Rigney]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2020, no. 4, pp. 9–16.
8. Rozhdstvenskaya E. Yu. [Consequences of the methodological choice between the commemoration process and national memory as a system of knowledge and ideas. A response to the new book by J. Verch "How nations remember: a narrative approach" (2021)]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2021, no. 3, pp. 68–75.
9. ["Understanding mnemonic complexity". Interview with M. Rothberg]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2019, no. 3, pp. 17–26.
10. Safronova J. A. [Trapped in the narrative templates?]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2021, no. 3, pp. 76–80.
11. Trepavlov V. V. ["The Golden Horde was not a barbarous backwater of the Ecumene, but a bright and peculiar phenomenon in a series of medieval civilizations". Interview with V. V. Trepavlov]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2019, no. 2, pp. 26–34.
12. Hirst W. [Reaching Across National Boundaries: the problem of memory. A Commentary of James Wertsch's "How Nations Remember: A Narrative Approach"]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2021, no. 3, pp. 81–89.
13. Erlл A. ["Nationalism is a nineteenth-century response to twenty-first century challenges". Interview with A. Erlл]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2020, no. 3, pp. 9–13.
14. Rigney A. [Remembrance as remaking: memories of the nation revisited]. In: *Nations and Nationalism*, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 240–257.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета Воронежского государственного университета;
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim W. Kyrchanov – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University;
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кирчанов М. В. Юбилей республик как форма исторической политики в тюркских регионах России в конце 2010-х – начале 2020-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 104–116.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-104-116

FOR CITATION

Kyrchanov M. V. Anniversaries of republics as a form of historical politics in the Turkic regions of Russia in the late 2010s and early 2020s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 104–116.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-104-116

УДК 32

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-117-123

КОНЦЕПЦИЯ «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» КАК МОДЕЛЬ СЕТЕВОГО ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМА

Хорбаладзе Э. Л.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование становления концепции «Большая Евразия» (БЕ), выявление геоэкономических рациональных основ её состоятельности.

Процедура и методы. В работе использован многофакторный анализ, что даёт возможность раскрыть структуру и причинно-следственные связи в сложных системах, в данном случае – модели сетевого трансрегионализма, к которой относится «Большая Евразия». Также применены такие методы: изучение документов, сравнение, институциональный подход, системный анализ и прогнозирование.

Результаты. Определён характер и принципы, лежащие в основе концепции БЕ; выявлены уязвимые точки данной инициативы; разъяснены ключевые цели; предложены возможные направления её реализации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа может стать дорожной картой для дальнейших исследований, послужить основой для прогнозирования развития политической ситуации в одном из наиболее активных, с точки зрения развития мировых процессов, региона. Анализ тенденций развития БЕ может быть использован в сфере практической политики при выработке внешнеполитического курса России в отношении стран материка.

Ключевые слова: «Большая Евразия», трансрегионализм, регион, концепция, интеграция, геополитика

THE CONCEPT OF GREATER EURASIA AS A MODEL OF NETWORK TRANS-REGIONALISM

E. Khorbaladze

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the formation of the concept of Greater Eurasia (GE), identify the geographic and economic rationale for its consistency.

Methodology. The work is based on the multivariate analysis which makes it possible to reveal the structure, as well as cause-and-effect relationships in complex systems, in this case – the model of network trans-regionalism to which the GE belongs. The method of studying documents, comparison, institutional method, system analysis, and forecasting were applied in the research.

Results. The main results of the study include defining the nature and principles underlying the GE, identifying the vulnerable points of this initiative, clarifying the key goals, and proposing further possible directions for implementing the initiative.

Research implications. The work can become a roadmap for further research. It provides the basis for predicting the political situation in one of the most actively developing region – Greater Eurasia. The analysis of the possible evolution of GE can be used in the sphere of practical policy in elaborating Russia's foreign policy towards the mainland countries.

Keywords: Greater Eurasia, trans-regionalism, region, concept, integration, geopolitics

Введение

Трансрегионализм является сравнительно новым феноменом в современной политике. Наиболее распространённым представляется мнение учёных, согласно которому трансрегионализм – это особая форма взаимодействия государств, протекающая на промежуточном между региональным и глобальным уровнями мировой политики [5]. Его появление связано с перестройкой политической организации мира, интенсификацией транснациональных потоков, кризисом старых институтов и форматов сотрудничества, кризисом идеи «демократического мира», являвшемся стержневым концептом эпохи однополярности, поиском новых стимулов роста и развития.

В целом принято различать 3 вида трансрегионализма:

1. сотрудничество региональных интеграционных объединений;
2. трансрегиональные форумы как площадки для взаимодействия государств из различных регионов мира;
3. сетевой трансрегионализм – наиболее сложный формат из всех представленных. В нём взаимодействуют и интеграционные объединения, и отдельные страны [5].

В данной статье на примере концепции «Большая Евразия» рассматривается 3-я форма интеграции – сетевой трансрегионализм.

Концепция «Большая Евразия» в академическом дискурсе

Словосочетание «Большая Евразия» имеет разные трактовки. Обращаясь к истории изучения дискурса в отечественной науке, можно констатировать, что данный термин в основном интерпретируется как расширение экономического взаимодействия в регионе [2]. Изучением

этого аспекта занимаются представители российской школы реализма: С. А. Караганов [3], Т. В. Бордачёв [7], А. В. Лукин [11], Д. В. Сулов и А. С. Пятачкова [6] и др. учёные.

Так, С. Караганов предложил широкое определение термина «Большая Евразия». Согласно его мнению, «Большая Евразия» – это концептуальная рамка, задающая вектор экономического, политического и культурного взаимодействия государств региона, которая подразумевает движение к новой геостратегической общности, к так называемому общеевразийскому пространству развития, что может привести к превращению Евразии в центр мировой экономики и политики, созданию геоэкономической общности, которая обусловлена тенденцией «Азия для Азии» и нацелена на формирование цивилизационной общности [3].

Мнение С. Караганова разделяет программный директор международного дискуссионного клуба «Валдай» Т. Бордачёв. Расширяя концептуальную рамку, он отметил, что новый интеграционный проект должен заменить проект Большой Европы [7]. Кроме того, Т. Бордачёв утверждает: «Хотя страны Евразии не имеют общего исторического прошлого и относятся к разным цивилизациям, на современном этапе их интересы совпадают, а это обеспечивает основу для развития сообщества» [7]. Другой программный директор клуба «Валдай» Я. Лисоволик говорит о неизбежности формирования в рамках Большой Евразии более масштабных платформ взаимодействия между интеграционными группировками и институтами – создания своеобразных «синдикатов»¹.

¹ Большая Евразия через 10 лет может превратиться в Большую Азию с точкой сборки в Китае // Ев-

Эксперты ЦКЕМИ НИУ ВШЭ Д. Сулов и А. Пятчкова считают, что самое оптимальное позиционирование «Большой Евразии» – региональное или макрорегиональное международное сообщество, которое основано не на общей истории или цивилизационной общности. По их мнению, главное здесь не количество имеющихся проектов, а особое качество взаимоотношений стран региона, в первую очередь, между РФ и КНР¹. Большое внимание взаимоотношениям между соседями уделяют и другие исследователи. Например, российский китаист А. Лукин считает, что партнёрство между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и инициативой Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП), наряду с расширением Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) с включением Индии и Пакистана, а также диалога БРИКС и АСЕАН, будут влиять на формирование системы «Большой Евразии». Более того, «Большая Евразия» – это объективная реальность, отражающая фундаментальные процессы в мировой политике, которая выстраивается на основе многостороннего сотрудничества².

Ряд китайских авторов высоко ценит экономический потенциал партнёрства в рамках «Большой Евразии» [12]. Они также уделяют большое внимание российско-китайскому партнёрству в рамках формирования мегапроекта. Например, Го Леньчэн считает, что скоординированная и антигегемонистическая сила партнер-

ских отношений РФ и КНР направлена против «двойных стандартов», международного терроризма, вмешательства во внутренние дела государств со стороны лидирующих стран Европы и США, что может принести плодотворные результаты в рамках кооперации в региональных организациях, расположенных в Евразии, например, ШОС и БРИКС [4]. С другой стороны, некоторые авторы говорят о потенциальной конкуренции и противоречиях между российской и китайской инициативами. К примеру, Янь Сюэтунь утверждает, что в экономическом аспекте интересы КНР значительно более обширны по сравнению с РФ. «Стратегические цели КНР не совпадают с интересами РФ. Москва и Пекин разделили свои роли в Центральной Азии, но, учитывая, что экономика КНР превышает в 8 раз экономику РФ, Россия часто остаётся в «тени» своего стратегического партнёра» [7].

Мнения западных исследователей о концепции «Большая Евразия» также разнятся. Одни из них усматривают в ней попытку РФ восстановить влияние на постсоветском пространстве. Считая ядром концепции «Большой Евразии» – ЕАЭС, они утверждают³, что это политический проект, который может быть использован Россией для расширения и восстановления контроля над постсоветским пространством [11]. Другие исследователи, напротив, говорят о неэффективности Евразийского экономического союза [10]. Ряд авторов исследует отношения между региональными организациями в рамках мегапроекта «Большая Евразия». Например, Драгнева-Льюерс, которая специализируется на отношениях ЕАЭС и ЕС, отмечает, что налаживание контактов между этими организациями поспособствует возвышению роли Евра-

разия Эксперт: [сайт]. URL: <https://eurasia.expert/bolshaya-evraziya-cherez-10-let-mozhet-prevratitsya-v-bolshuyu-aziyu-s-tochkoy-sborki-v-kitae/> (дата обращения: 05.01.2022).

¹ «В отношениях с Китаем и Россией Трамп готов рискнуть». Политолог из КНР о ситуации внутри страны и взаимодействии с соседями // Lenta.ru: [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2017/04/25/syetun_interview/ (дата обращения: 18.12.2021).

² Researchers of the Ministry of Commerce: the space for cooperation between the OBOR and the EAEU is truly broad [Электронный ресурс] // The State Council Information Office. URL: <http://www.scio.gov.cn/ztk/wh/slx/31215/Document/1484067/1484067.htm> (дата обращения: 14.12.2021).

³ Dragneva-Lewers R. Can the Eurasian Economic Union be a Part of a New Constructive EU-Russia Settlement? [Электронный ресурс] // Dahrendorf Forum. URL: <http://www.dahrendorf-forum.eu/can-the-eurasian-economic-union-be-a-part-of-a-new-constructive-eu-russia-settlement/> (дата обращения: 12.12.2021).

зии в мировых делах [9]. М. Эмерсон в статье «На пути к Большой Евразии: кто, почему, что и как?» рассматривает Евразию как большой континент, который формируется на основе взаимодействия региональных инициатив, таких как ЕС, ЕАЭС и группы быстро развивающихся азиатских стран, что может привести к созданию мега-континента.

В представленной им концепции «Большая Евразия» включает вопросы стратегической безопасности, экономического взаимодействия, политических идеологий и культурных ценностей между ними [13]. Работа Б. Массеши «Рассвет Евразии: на пути нового мирового порядка» подчёркивает возвышение роли Евразии в формирующемся новом мировом порядке (что, к примеру, проявляется запуском проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП)). В исследовании Г. Дизена «Российская геоэкономическая стратегия для Большой Евразии» красной нитью прослеживается вопрос: какой может быть наиболее рациональная организация евразийского пространства, в рамках которого сосуществуют различные идеи и проекты, но нет единого политического порядка для успешной реализации задуманного? [8].

Политические цели, факторы и возможные направления развития концепции «Большая Евразия»

Ввиду вышепредставленного разнообразия мнений по вопросу состоятельности концепции «Большая Евразия», попробуем определить геоэкономическую основу возникновения идеи, рациональные мотивы, позволяющие обосновать её целесообразность и объективные факторы, оказывающие воздействие на становление мегапроекта.

1. Триггеры, влияющие на формирование «Большой Евразии»:

- антагонизм между условными «Западом» и «Востоком»;
- выдвигание различных, зачастую конкурирующих, трансрегиональных инициатив;

- усиливающаяся регионализация;
- технологическая трансформация;
- кризис современной мировой политической и экономической систем;
- ужесточение глобальной конкуренции, что особенно заметно стало в условиях пандемии.

2. Акторы, участвующие в становлении мегапроекта:

- страны: РФ, КНР, страны Центральной Азии, Турция, Иран и другие;
- организации и проекты: ШОС, ЕАЭС, БРИКС, ЭПШП, АСЕАН, ВРЭП, ЕС.

3. Цели мегапроекта «Большая Евразия»:

- формирование вектора взаимодействия государств континента;
- совместное, в первую очередь экономическое, развитие десятков в прошлом частично отсталых евроазиатских стран;
- создание многосторонних институтов, которые будут включать крупные державы региона, что позволит поддерживать внутренний баланс сил, например, моделью геоэкономического балансирования является соглашение о гармонизации ЕАЭС и ЭПШП в рамках ШОС;
- формирование системы координации деятельности между многосторонними институтами;

4. Сферы интеграции в рамках «Большой Евразии»:

- Экономическая +
- Политическая -
- Безопасность +/-
- Культура +/-
- Образование/наука +/-

5. Инструменты интеграции:

- Нормативно-правовая база:
 - соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР от 2018 г.;
 - проект Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.;
 - проект Меморандума о взаимопонимании между Евразийской

экономической комиссией и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества;

- инвестиционное соглашение между Китаем и ЕС.

– Общие проекты (по сферам): транспортная инфраструктура и трансграничные перевозки, высокие технологии, сельское хозяйство, цифровая экономика, торговля услугами, инвестиции.

6. *Институты*: ЕАЭС, ШОС, БРИКС, ЭПШП, в перспективе, возможно, АСЕАН, ВРЭП и ЕС.

7. *Результаты и последствия (в перспективе)*:

- сопряжение трансрегиональных интеграционных инициатив – ЕАЭС и ЭПШП, которое нацелено на приумножение интеграционного эффекта каждого из инициатив – окажет положительный эффект на устойчивое экономическое развитие Евразии;
- стимулирование инвестиционного потока, упрощение торговых барьеров, охват новых областей для взаимодействия, что, в свою очередь, содействует региональному экономическому сотрудничеству и развитию пространства;
- в среднесрочной перспективе представляется возможным формирование устойчивых синдикатов, что может привести к созданию Всеобъемлющего экономического партнёрства на базе интеграции ЕАЭС, ШОС, БРИКС, ЭПШП, а при оптимистическом сценарии и ЕС, АСЕАН и ВРЭП. Оно может стать площадкой для свободы торговли и движения капиталов, создания общей финансовой и единой энергетической систем, общего рынка транспортных услуг и единой транспортной инфраструктуры. Нара-

щивание научных и культурных контактов окажет положительный эффект на реализацию описанного. О формировании общей политической общности речи не идёт.

Заключение

Концепция «Большая Евразия» представляется актуальной и важной инициативой, которая отражает современные тенденции развития международных отношений и глобальной политики, а также учитывает общую потребность координации разноформатных интеграционных процессов в регионе Евразия.

Как справедливо заметили российские учёные в монографии «Асимметрия региональных интеграционных проектов XXI века», вызовы современности выдвигают конкурс интеграционных проектов, начиная с региональных, заканчивая идеями объединения всего суперконтинента Евразия. Если для таких мировых игроков как Китай и США эти проекты нацелены на получение экономических и политических дивидендов, то для России проект евразийской интеграции – вопрос её полноценного существования как самостоятельного цивилизационно центра силы мира [1].

Концепция «Большая Евразия» соответствует диверсифицированному внешнеполитическому курсу России. Как модель сетевого трансрегионализма она является хорошей возможностью перехода к стратегии опережающего развития страны. И хотя на пути становления «Большой Евразии» возникают существенные сложности, их преодоление может принести значительные дивиденды всем участникам процесса, а детальная проработка стратегии могла бы содействовать нивелированию рисков и формированию устойчивых связей в регионе.

Дата поступления в редакцию 13.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Асимметрия региональных интеграционных проектов XXI века / под ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. 476 с.
2. Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 1 / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2018. 612 с.
3. Караганов С. А. От поворота на Восток к Большой Евразии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 29.11.2021).
4. Ларин В. И. Россия и Китай: уроки прошлого, открытия настоящего, горизонты будущего // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 5–10.
5. Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Трансрегионализм – новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 71–84.
6. Суслов Д. В., Пятчкова А. С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. 2019. № 148. С. 16–53.
7. Bordachev T. To our friends in Asia and beyond // Valdai Discussion Club [сайт]. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/to-russia-friends-in-asia-and-beyond/> (дата обращения: 09.11.2021).
8. Dobbs J. The Eurasian Economic Union: a bridge to nowhere? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/wp-content/uploads/2017/11/The-Eurasian-Economic-Union-A-Bridge-to-Nowhere.pdf> (дата обращения: 05.12.2021).
9. Emerson M. Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia Routledge. Routledge, 2019. 206 p.
10. Gonzalo P. M. The Eurasian Economic Union: Ambitions [Электронный ресурс] // Elcano Institute. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/international+economy/ari49-2015-pozomartin-eurasian-economic-union-ambitions-and-vulnerabilities-of-the-other-eu (дата обращения: 10.12.2021).
11. Lukin A. Russia, China and the Emergind Greater Eurasia August [Электронный ресурс] // The Asian Forum. URL: <http://www.theasanforum.org/russia-china-and-the-emerging-greater-eurasia/> (дата обращения: 15.12.2021).
12. Mazres B. The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order. London: Yale University Press, 2018, 304 p.
13. The Russian Challenge / K. Giles, Ph. Hanson, R. Lyne, J. Nixey, J. Sherr, A. Wood [Электронный ресурс]. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWoodUpdate.pdf (дата обращения: 11.12.2021).

REFERENCES

1. Mikhailenko V. I., ed. *Asimmetriya regionalnykh integratsionnykh proyektov XXI veka* [Asymmetry of regional integration projects of the 21st century]. Yekaterinburg, Ural University Press, 2018. 476 p.
2. Gerasimov V. I., ed. *Bolshaya Yevraziya: Razvitiye, bezopasnost, sotrudnichestvo. Yezhegodnik. Vyp. 1. CH. 1* [Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook. Iss. 1. Part 1]. Moscow, INION RAN, 2018. 612 p.
3. Karaganov S. A. [From the turn to the East to Greater Eurasia]. In: *Rossiya v oblasti zashchity okruzhayushchey sredy* [Russia in the field of environmental protection]. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (accessed: 29.11.2021).
4. Larin V. L. [Russia and China: lessons of the past, revealing of the present, and horizons of the future]. In: *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 2007, no. 3, pp. 5–10.
5. Lebedeva M. M., Kuznetsov D. A. [Transregionalism is a new phenomenon in world politics]. In: *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis: Journal of Political Studies], 2019, no. 5, pp. 71–84.
6. Suslov D. V., Piatachkova A. S. [Greater Eurasia: conceptualization and place in Russian foreign policy]. In: *Voprosy geografii* [Questions of Geography], 2019, no. 148, pp. 16–53.
7. Bordachev T. To our friends in Asia and beyond. In: *Valdai Discussion Club*. Available at: <https://valdaiclub.com/a/highlights/to-russia-friends-in-asia-and-beyond/> (accessed: 09.11.2021).
8. Dobbs J. *The Eurasian Economic Union: a bridge to nowhere?* Available at: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/wp-content/uploads/2017/11/The-Eurasian-Economic-Union-A-Bridge-to-Nowhere.pdf> (accessed: 05.12.2021).
9. Emerson M. *Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia* Routledge. Routledge, 2019. 206 p.

10. Gonzalo P. M. The Eurasian Economic Union: Ambitions. In: *Elcano Institute*. Available at: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/international+economy/ari49-2015-pozomartin-eurasian-economic-union-ambitions-and-vulnerabilities-of-the-other-eu (accessed: 10.12.2021).
11. Lukin A. Russia, China and the Emerging Greater Eurasia August. In: *The Asian Forum*. Available at: <http://www.theasianforum.org/russia-china-and-the-emerging-greater-eurasia/> (accessed: 15.12.2021).
12. Mazres B. *The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order*. London, Yale University Press, 2018, 304 p.
13. Giles K., Hanson Ph., Lyne R., Nixey J., Sherr J., Wood A. *The Russian Challenge*. Available at: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWoodUpdate.pdf (accessed: 11.12.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хорбаладзе Эка Левановна – аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, исследователь (Fox International Fellow 2021–2022), Йельский университет;
e-mail: eka.khorbaladze1@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eka L. Khorbaladze – Postgraduate student, Department of International Relations and Integration Processes, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, researcher (Fox International Fellow 2021–2022), Yale University;
e-mail: eka.khorbaladze1@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хорбаладзе Э. Л. Концепция «Большая Евразия» как модель сетевого трансрегионализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 117–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-117-123

FOR CITATION

Khorbaladze E. L. The concept of Greater Eurasia as a model of network trans-regionalism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 117–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-117-123

УДК 327; 355.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-124-138

ВОЙНА В ГОРИЗОНТЕ «ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО» (К. ШМИТТ) И «БЕССИЛИЯ ПОЛИТИКИ» (Х. ХОФМАЙСТЕР)

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л.

*Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сопоставить анализ двух представлений войны, определённых в горизонте двух разных парадигм политического: репрезентативными и характерными примерами являются понятие «ограниченной правом» войны К. Шмитта и философское понятие войны как «бессилия политики» Х. Хофмайстера.

Процедура и методы. Выстроены перспективы представления войны в двух парадигмах политического; выявлены существенные и разные для каждого «случая» характеристики войны, которые объединяются в понятийное единство согласно принципам, заданным перспективой.

Результаты. Проведённый анализ показал отсутствие общего представления войны, различие содержания двух понятий войны; представление войны в либеральной парадигме политического, согласно основоположениям либеральной метафизики, не может быть понятийно концептуализировано, но представляет собой ряд дискурсов (дискурс о «природе человека», «о насилии», «о справедливости» и проч.), нормативно сведённых в «единство» согласно императивам либеральной идеологии; доказана необходимость представления войны как полицейской операции (миротворческой миссии); указанная необходимость обусловлена невозможностью различения «внутреннего» и «внешнего» в ситуации исключения суверена (и суверенного решения) в универсальной и глобальной перспективах представления действительности в либеральной парадигме политического.

Теоретическая и/или практическая значимость. В результате проведённого исследования сделан вывод, что «новая война» («перманентная», «тотальная», «справедливая», «асимметричная»), конституированная в горизонте понимания политики как глобального управления и принципиально отрицающая признание «законного врага», является по своей сути «тотальной» (в современной терминологии – «гибридной») войной.

Ключевые слова: война, понятие политического, «новая война», насилие, «бессилие политики», власть, суверен

WAR IN THE HORIZON OF «THE CONCEPT OF THE POLITICAL» (C. SCHMITT) AND «THE IMPOTENCE OF POLITICS» (H. HOFMEISTER)

K. Maltsev, A. Maltseva, L. Lomako

*Belgorod Shukhov State Technological University
ul. Kostyukova, Belgorod 308012, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct a comparative analysis of two representations of war defined within two different paradigms of the political; representative and characteristic examples of which are the concept of a

“law-limited” war by C. Schmitt and the philosophical concept of war as the “impotence of politics” by H. Hofmeister.

Methodology. The main content of the study is the formation of the perspective representation of war in two paradigms of the political; the essential and different characteristics of war for each concept are identified, and further combined into a conceptual unity according to the principles set by the perspective.

Results. The analysis has revealed the absence of a general representation of war and the difference in the content of the two concepts of war. The representation of war in the liberal paradigm of the political, according to the principles of liberal metaphysics, cannot be conceptualized, but represents a number of discourses (on “human nature”, “violence”, “justice”, etc.), normatively reduced to the concept of “unity” according to the imperatives of liberal ideology. The necessity of presenting war as a police operation (peacekeeping mission) is proved; it provides rationale to the impossibility of distinguishing between “internal” and “external” in the situation of exclusion of the sovereign (and sovereign decision) in the universal and global perspective of the reality representation in the liberal paradigm of the political.

Research implications. As a result of the research conducted, it was concluded that the “new war” (“permanent”, “total”, “fair”, “asymmetric”), constituted in the horizon of understanding politics as global governance and fundamentally denying recognition of the “legitimate enemy”, must be inherently “total” (according to modern terminology it is “hybrid”) war.

Keywords: war, the concept of the political, “new war”, violence, “impotence of politics”, power, sovereign

Введение

Истолкования тезиса К. Клаузевица [2] о войне и политике трудно сосчитать и классифицировать. Для философии это является свидетельством того, что в нём затронуто нечто *существенное*: именно – *связь* между понятием войны и «понятием политического». У К. Шмитта оба понятия образуют единство в *собственном смысле*: они взаимно определяют друг друга; в тезисе Х. Хофмайстера о войне как «бессилии политики» заявлена претензия разорвать подобное единство. Шмитт настаивает на том, что «политическое» есть особая нередуцируемая «область действительности», имеющая свое *начало* и свой *принцип*; Хофмайстер выстраивает «философское понятие войны» в горизонте антропологии и представляет политическое как *управление интересами*, иногда предполагающее применение организованного насилия со стороны государства. Выстраивая понятие войны, оба обращаются к греческому понятию «полемос»: Шмитт, определяя «понятие политического», утверждает, что пара «друг/враг» обнаруживает «экзистенци-

альную противоположность»¹; Хофмайстер истолковывает «полемос» в первую очередь как *спор*, а «применение насилия» как следствие недостатка аргументов и как «обрыв политики»; примечательно также и то, что для выстраивания *понятия* войны Шмитт *не нуждается* в привлечении концепта «насилия», который появляется в его рассуждениях только *после того*, как понятие войны установлено.

Сказанного достаточно для демонстрации *противоположности* (в процессе исследования будет установлено, что *видимая* противоположность на самом деле является *несоизмеримостью*) позиций К. Шмитта и Х. Хофмайстера. И в задачи данной работы входит толкование этой противоположности.

Пожалуй, до недавнего времени только одно утверждение относительно представления войны, пользовалось всеобщим признанием, в т. ч. в остальном несогласными К. Шмиттом и Х. Хофмайстером: война есть способ «взаимодействия» между суверенными государ-

¹ Шмитт К. Политическая теология / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.

ствами, т. е., во-первых, предполагает государственную монополию на применение «физического насилия» в любой форме; во-вторых, такое насилие в отношениях между государствами легитимно; в-третьих, между «внутренним» и «внешним» полагается возможным провести границу. В последние годы (десятилетия) данное утверждение потеряло достоверность: государство больше не мыслится суверенным (хотя продолжает таким называться) и никто больше не утверждает, что оно фактически способно сохранить «монополию на насилие»; легитимность войны как законной формы выяснения отношений между государствами отрицается с 1945 г (речь о принципе, а не об исключениях); наконец, самое главное для понятия войны: вместе с сувереном исчезла возможность проведения границы между «внешним» и «внутренним», которая была его исключительной прерогативой, т. к. по своей сути это – именно суверенное решение [7].

Таким образом, помимо теоретического интереса вопрос о войне имеет и практическое значение: представление о мировом порядке исключает реальность войны (различение между реальным и действительным должно удерживаться, если речь идёт о понятии), – однако, вопреки недавнему ещё «авторитетному экспертному мнению», война не «осталась в прошлом», и её не заменили «миротворческие миссии» и «полицейские операции», проводимые «мировым сообществом» в глобальном политическом пространстве, – как «неприятный», но «необходимый» инструмент его гомогенизации. Хотя уже Шмитт утверждал, что «время национальных государств» прошло и настало время «больших политических пространств»; и что мы не знаем, какую именно форму примет пространственный политический порядок после переходного периода «анархии», или никакого порядка длительное время не будет и установится то, что Шмитт называл «нигилизмом», – действительность

глобального порядка регулярно «ставится под вопрос», в т. ч. именно войнами. В этой перспективе именно философское понятие войны имеет практическое политическое значение: она определяет область и порядок, проводит границы, т. е. формирует представление, необходимое, во-первых, дисциплинарно организованным наукам, чтобы иметь наличие/данность объектов, тематизируемых ими в соответствии со своими целями и методами в предметы своих исследований; и, во-вторых, политическим акторам – для ориентировки в том, «о чём вообще идёт речь», прежде чем действовать.

Понятие войны в парадигме «понятия политического»

1890-му году в некотором роде «повезло» стать *символом*: в этом году, по утверждению М. Хайдеггера, «умер университет» как «место знания» и началось «завершение последнего периода истории Нового времени»¹, то, что Ф. Ницше первый назвал «эпохой нигилизма» (Хайдеггер иногда употребляет это *имя* для называния современности); в этом же году, по утверждению К. Шмитта, распался «пространственный политический порядок», существовавший несколько веков, прежний «номос Земли» утратил свою действительность, и мир вступил в «период неопределённости», «анархии», которая «неизвестно чем закончится».

К недействительному теперь «номосу» относилось и понятие войны («недискриминационное понятие войны межгосударственного международного права»²), которое имело все характерные признаки того, что Шмитт назвал «радикальным» («метафизическим», «мифическим») понятием³: он утверждал, что

¹ Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 467.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 135.

³ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

такие понятия способны «совмещать» реальное и действительное (М. Хайдеггер писал, что европейская метафизика знает 4 способа такого «совмещения»¹; специфически новоевропейским является «удостоверяющее представление субъекта», к этому способу относятся и «метафизические понятия» Шмитта; здесь же следует иметь в виду определение мифа А. Ф. Лосевым как «вещественной реальности» и «интуитивно-дореклексивного взаимообщения человека с вещами». В общем, для решения задач нашего исследования будет достаточным сказать, что речь идёт о том, что в немецкой философской классике именовалось миром как осмысленной действительностью). Философское понятие войны указывает, таким образом, на осмысленную действительность; такое понятие имеет значение для определённой парадигматически действительности. «Символизм 1890 г.» – в смене парадигмы представления действительности.

Всякий политический порядок, по Шмитту, есть «пространственный порядок»; его конститутивом является граница; «*nomos* же происходит от глагола *neteîn*, означающего как «разделять», так и «пасти». Поэтому номос – это тот непосредственный образ, который делает пространственно зримым политический и социальный порядок того или иного народа». Номос – это «мера, в соответствии с определённым порядком делящая поверхность Земли и её локализирующая, а также заданная этой мерой форма политического, социального и религиозного порядка ... определённый участок земли становится своего рода силовым полем устанавливающегося порядка»².

«Номос» также обозначает порядок вообще (например, «порядок звуков»), но Шмитт настаивает, что «все эти об-

разы не должны мешать нам держаться некоего историко-правового единства»³. «Номос земли» также включает «море», а «в последнее время» (книга Шмитта опубликована в 1950 г.) и «воздух», – главным по-прежнему остаётся способ проведения границы, разграничение; любой порядок (по Шмитту) – *правовой порядок*, даже «область аномии», выделяемое объявлением сувереном «чрезвычайного положения», негативно определяется правом и целью чрезвычайного положения является возвращение к правовому порядку).

Международно-правовой порядок есть репрезентация лежащего в его основе номоса: «Не то или иное, во многих своих деталях более или менее случайный территориальный *status quo* определённого исторического момента, но лежащий в его основе номос, его пространственную структуру, единство порядка и локализации должен охранять всякий международно-правовой порядок, если он не хочет сам себя опрокинуть». Изменение *status quo* не затрагивает номос: «Признание войн, вооружённых столкновений, репрессалий и различных способов применения силы в качестве средства достижения изменений не только вполне возможно, а часто даже и необходимо. Но тогда это – ограниченные процессы, не ставящие под сомнение весь пространственный порядок в целом. Не война как таковая подрывает порядок, а лишь определённые цели войны и методы её ведения, нарушающие и отрицающие уже установленные ограничения»⁴.

Исключением являются случаи изменения самого номоса земли; подобное случилось при переходе от средних веков к новому времени; сутью изменения стало то, что актором нового порядка стало пространственно замкнутое суверенное государство: «Новый пространствен-

¹ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 51–52.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 53.

⁴ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 239.

ный порядок заключается отныне не в твердой локализации, а в некоем балансе, «равновесии», поддержание которого предполагало войну как инструмент «настройки баланса». Это, по Шмитту, никоим образом не означало «анархии» на том основании, что «он допускал войны» в международном порядке: «На самом деле европейские межгосударственные войны периода с 1815 по 1914 гг. были упорядоченными, ограниченными великими державами, наполненными правовым содержанием процессами, по сравнению с которыми современные полицейские и миротворческие мероприятия против нарушителей мира и спокойствия представляются акциями, направленными на уничтожение противника»¹.

Шмитт специально подчёркивает, что «возможность инициировать ограничение войны» следует из «идеи равновесия» и «неким специфическим образом ведёт своё происхождение от определённого отношения к пространству». Вообще, «то, что привело к возникновению нового конкретного международно-правового порядка и ограничению войны, выросло из сформировавшегося к тому времени в Европе конкретного пространственного порядка – государства – и из представления о некоем европейском равновесии этих государств». Суверенные государства соблюдают международно-правовые обязательства, в т. ч. ограничивающие применение военных средств, не в силу «самоограничения» и «доброй воли», но именно потому, что относятся к определённому номосом пространству: ограничение есть следствие равновесия; «система европейских государств как пространственный порядок территориально ограниченных властных образований обрела свою жёсткую структуру»².

Ситуация коренным образом изменилась к концу XIX в., когда «европейские державы (и юристы-теоретики европейского международного права) не просто перестали осознавать пространственные предпосылки своего собственного международного права, но и утратили всякий политический инстинкт, всякие общие силы для поддержки своей собственной пространственной структуры и для ограничения войны»³. Наступил период анархии в международных отношениях.

Пока акторами международного порядка являются суверенные государства, война останется (пусть в качестве «последнего довода») законным способом выяснения отношений, – но именно в силу этого она может быть заключена в правовые рамки, т. е. быть ограничена; Шмитт утверждает: «Во-первых, задачей международного права является воспрепятствование войны на уничтожение, а, следовательно, ограничение войны, и, во-вторых, следствием ликвидации войны как таковой, а не её реального ограничения, с большой долей вероятности станет ещё худший вид войны, возврат к гражданской войне и другим разновидностям войны на уничтожение»⁴.

Суверенность государства, т. е. монополия на легитимное насилие, означает, что европейское территориальное («пространственно замкнутый порядок») суверенное государство «представляет собой единственное устанавливающее порядок образование этой эпохи» и, в свою очередь, предполагает возможность только войн между государствами: «Непубличная война – это негосударственная война»: «Она не только несправедлива, но с точки зрения нового международного права более вообще не является войной. Она может быть всем чем угодно: мятежом, бунтом, нарушением общественно-

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaicum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 46, 240.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaicum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 142, 207, 245, 305.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaicum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 303–304.

⁴ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaicum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 339.

го порядка, варварством или пиратством, но не войной с точки зрения нового европейского международного права»¹.

Ситуация, с точки зрения Шмитта, изменилась «после 1890 г.»: наступившая анархия более или менее успешно до времени ограничивается теми, кого Шмитт называет «великими державами». Они и раньше выступали как «носители и гаранты установленного ими пространственного порядка» и «освящали своим признанием всякое территориальное изменение»² (пример «международных конференций для таких решений известен со времён Вестфальского мирного договора, но в качестве инструмента международной политики стал активно применяться с Венского конгресса и особенно интенсивно во второй половине XIX в.).

Само понятие «великой державы», по Шмитту, указывает на заинтересованность в общем пространственном порядке: «Именно в этом и состоит сущность великой державы, поскольку это выражение не только обозначает какую-либо мощную силу, но и чрезвычайно точно характеризует ту исключительную позицию в рамках существующего порядка, занимая которую несколько великих держав признаются в качестве таковых»³. Только войны между «великими державами» потенциально способны «разрушить пространственный порядок»; это происходит в том случае, когда они ведутся в уже поделённом между ними пространстве.

Война такого рода, изменяющая пространственный порядок, называется Шмиттом «тотальной» (в отличие от значения, придаваемого концепту тотальной войны Людендорфом [5], опубликовавшим книгу с таким названием в 1937 г.: определение «тотальной войны» в этой

книге, как «снятие границы» между «военным» и «мирным» и тотальное привлечение всех ресурсов государства для ведения войны по всем направлениям, больше подходит для новой эпохи: современные войны потенциально тотальные, и их стали называть «гибридными» [8]), – но целью такой войны является установление нового порядка, т. е. сущность войны остаётся прежней, тогда и право войны и военное право продолжают ограничивать войну определёнными правовыми рамками.

Эти войны не являлись беспорядком, напротив, «в них заключена высшая форма порядка, на который способна человеческая сила. Они являются единственной формой защиты от порочного круга всё более и более жестоких репрессалий, т. е. от нигилистических акций, продиктованных ненавистью и жаждой мести, бессмысленной целью которых является взаимное уничтожение. Устранение или избежание войны на уничтожение возможно лишь благодаря нахождению некоей формы для состязания сил»⁴, которое, по сути противоборства, не может быть «конкуренцией».

Сказанное выше было описанием области, в которой понятие войны получает своё значение. Сама же суть войны определяется как «экзистенциальное противостояние» равных суверенных субъектов – государств, каждое из которых признаёт других в этом качестве; в точном соответствии с гегелевским определением (он был первым, утверждает Шмитт, кто определил именно понятие войны) война определяется через признание законного врага – *Justus hostis*; этим же полагается граница войне, «закладывается основа для ограничения войны»⁵.

Основание для того, что Шмитт называет законным врагом, он усматривает в

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 179, 194.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 250.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 248.

⁴ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 242.

⁵ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 242.

государственно-правовой мысли Гоббса, которую Шмитт оценивает очень высоко: и саму по себе, и по тому определяющему воздействию, которое она оказала на номос сложившегося в Европе международного политического порядка (следует иметь в виду категорическое утверждение Шмитта, что мировой политический порядок складывался как «расширение» европейского, посредством признания великими державами государствами политических образований в других частях мира; непризнанные в качестве таковых рассматривались как территории, открытые для законной колонизации). «Персоны», *magni homines*, являются, по Гоббсу, «суверенными по природе» совершенно одинаковым образом, «у них нет ни общего вышестоящего законодателя, ни общего судьи»: «Поскольку каждый из них является судьей в своём собственном деле, он связан лишь собственными договорами, толкование которых также является его собственным делом. Поскольку каждый из них в равной степени суверенен, все они обладают равным правом на войну, равным *jus ad bellum*»¹.

Из этого нельзя вывести никакого «дискриминирующего смысла», т. к. в ситуации войны всех против всех («человек человеку волк»), ни один из суверенных индивидов «не имеет права ликвидировать равенство и выдавать себя самого за человека, а своего противника – за дикого волка». Именно отсюда, по мнению Шмитта, «выводится новое, недискриминирующее понятие войны, благодаря которому воюющие государства могут рассматриваться как равноправные в международно-правовом отношении, т. е. как юридически и морально находящиеся на одном уровне *justi hostes*, а понятия «враг» и «преступник» перестают быть тождественными»; посредством «отделения естественно-правовой и моральной проблемы *justa causa* от типично формально-юридического вопроса о

Justus hostis, отличаемого от преступника, т. е. от объекта карательных акций»².

Государство представляется как *magni homini* («великие люди»), т. е. «территориально замкнутые властные образования репрезентировались в качестве неких лиц, персон». Юристы много спорили о том, к кому или чему относится такое представление: к фигуре суверена государства или к государству как таковому (ещё Кант полагал, что республиканское государство должно иметь суверена как свое лицо для того, чтобы быть «морально вменяемым»), – но, как бы то ни было, обе «стороны» в войне в случае такого представления «признают друг друга в качестве государств». Благодаря этому «становится возможным отличить врага от преступника»³. В XX в. много проблем доставило определение того, что называется «повстанцем» или «партизаном», особенно вследствие «анти-колониальных войн» и «освободительного движения»; Шмитт утверждал (в «Теории партизана»), что международное признание являлось основным критерием разделения «повстанцев» и «террористов» [9].

Таким образом, «с точки зрения европейского права межгосударственной эпохи справедливой является любая межгосударственная война, которую на европейской земле и по правилам европейского военного права ведут организованные армии признанных европейским международным правом государств». Отсюда – важные для теории и практики международных отношений понятия нейтралитета и «ограниченной войны», которые «из слепого взаимного уничтожения превращает войну в приводящуюся по правилам соревнования в силе, завершающееся установлением нового равновесия». Война перестаёт быть «мо-

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaеum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 177.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaеum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 134. 178.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaеum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 168–163, 171.

рально-теологической проблемой вины и ответственности»: «Юридически она вообще уже не содержит в себе никакого вопроса о вине, никакой моральной по своему содержанию и прежде всего никакой юридической в нормативистском смысле проблемы *justa causa*». Справедливость здесь приобретает не моральное, институциональное, значение равных соперников, воюющих между собой, но при этом считающих друг друга «не мятежниками и преступниками» а «*justi hostes*». Другими словами, «право на войну определяется исключительно качеством ведущих войну носителей *jus belli*, а это качество заключается в том, что они есть воюющие друг с другом равноправные суверены»¹.

В то же самое время, прежде всего у Канта, появляется концепт «незаконного врага»². Кант, которого цитирует Шмитт, «называет «незаконным врагом» того, «чья публично (всё равно, словом или поступком) выраженная воля выскажет максимум, согласно которой, если я сделаю её всеобщим правилом, состояние мира между народами станет невозможным, и навеки установится естественное состояние». Шмитт полагает, что «возможно, в нём высказано предчувствие возникновения некоего нового номоса Земли». Война с таким врагом будет считаться «вдвойне справедливой», т. е. становится «крестовым походом», – поэтому особенно важно то, «по каким признакам мы узнаём такого незаконного врага», действия которого «возвращают нас в естественное состояние». Шмитт утверждает, что вопросы «где свобода находится под угрозой, от кого исходит эта угроза, кто *in concreto* это решает – всё это остаётся без ответа»³.

Впрочем, Шмитт же предполагает (и его предположение основано на анализе исторических событий, но также и на

понимании того, как необходимо будут представлять войну в либеральной идеологии), что для объявления незаконным врагом «достаточно словесно выраженной воли, достаточно того, чтобы это выражение высказывало некую максиму, чтобы оправдать совместную акцию тех, кто ощущает угрозу своей свободе». Но последствия такого представления вполне ясны: «По своим крайним последствиям отождествление врага и преступника неминуемо должно привести к устранению тех ограничений, которые Кант ещё устанавливает для победителя»⁴. С таким врагом не ведут переговоров и не заключается мир: целью справедливой войны не является мир, но полное уничтожение противника как преступника, квалифицируемого как террорист [8].

Шмитт видит, что «американские юристы и политики пытаются реанимировать средневековые теории, прежде всего учение о справедливой войне, и использовать их для формирования собственной картины мира», «справедливость» здесь означает отказ от «признания законного врага» и возвращение к «квази-средневековой» доктрине *justa causa*. Он указывает, что такая война «ради осуществления справедливых требований», без различия того «является ли она в тактическом или стратегическом отношении наступательной или оборонительной», будет «тотальной войной» («очевидна связь между войной справедливой и войной тотальной», в которой обе воюющие стороны «вольны использовать любые доступные средства»), а сама война «становится преступлением в уголовном значении этого слова»⁵, – но решать обо всём этом будет победитель.

Шмитт знает, что «сегодня некоторые формулы учения о справедливой войне

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaеum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 169–170, 210.

² Кант И. К вечному миру / Кант И. Сочинения в 8 томах. Т. 7. М: Чоро, 1994. С. 257–310.

³ Кант И. К вечному миру / Кант И. Сочинения в 8 томах. Т. 7. М: Чоро, 1994. С. 212, 214.

⁴ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaеum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 213, 215.

⁵ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaеum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 29, 132, 135, 167.

ставят на службу формирования современных глобальных понятий», и задолго до того, как такая война стала действительностью, точно её описывает: «При современном, дискриминационном понятии войны деление войн на справедливые и несправедливые служит именно тому, чтобы видеть во враге уже не *Justus hostis*, а уголовного преступника». Война в связи с этим «перестаёт быть международно-правовым понятием», не прекращая при этом «убийств, грабежей и разрушений», а увеличивая их число. Война как карательная операция, «в столь же малой степени является войной, как и акции государственной полиции в отношении какого-нибудь гангстера; они являются лишь наказанием», в результате: «война упраздняется, но лишь потому, что враги более не признают друг друга находящимися на одном моральном и юридическом уровне»¹.

Это – точное описание того, что сегодня называют «новой войной» (М. Калдор [1; 6]), «миротворческой» или «полицейской» операцией, «мировой антитеррористической войной», – разные аспекты фиксируются разными названиями, суть здесь одна.

Проблемой, которую мы ставим в настоящей статье, является иное: на каких «основоположениях», в каком горизонте формируется представление, обеспечивающее достоверность подобного описания (которое затем является областью объектов, тематизируемых в дисциплинарных научных исследованиях). Сам Шмитт даёт ответ на этот вопрос: действительность, представленная в либеральной метафизике²; господствующая либеральная версия экономической парадигмы политического представляет действительность, в т. ч. и новый глобальный политический поря-

док, о становлении которого как о современности писал Шмитт. Пока «в результате распада специфически европейского порядка не разрушился, растворившись в некоем беспространственном универсализме, старый пространственный порядок, а на смену ему так и не пришёл никакой новый».

На данный же момент, «международный беспорядок, который становится неизбежен, когда структура пространственного порядка становится неопределённой и разрушается понятие войны», но уже ясно, что «центральный вопрос международно-правовой пространственной структуры – альтернатива между наличием нескольких крупных мировых регионов и глобальным пространственным порядком, находящегося под единой властью мира, т. е. оппозиция централизованного мирового господства и основывающегося на равновесии сил пространственного порядка, универсализма и плюрализма, монополии и полиполии»³.

Однако оба варианта принципиально не различаются: действительность парадигматически представлена универсально, глобально, вся целиком, поэтому мы можем упустить рассмотрение вопросов о различии двух альтернатив (для того, чем стала война, различие не имеет принципиального значения) и рассмотреть вопрос о представлении войны в современной либеральной версии экономической парадигмы политического.

Дискурс войны в либеральной версии «экономической парадигме политического»

Здесь перспектива задаётся принципиальным утверждением, сформулированным Х. Хофмайстером, что война демонстрирует бессилие политики. Хофмайстер выстраивает своё «философское понятие» войны на положении о том, что

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 136, 139–140.

² Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 251, 333, 342.

война как феномен жизни свойственна природе человека. Сам он пишет о горизонте, задаваемом для его понятия «трем и четвертым» «вопросами Канта»; «законодательство разума» является «судьей» в вопросе о войне на «процессе выяснения истины» в отношении «вражды, насилия и войны». Таким образом, политическое редуцировано к праву («процесс»), затем – к морали, и окончательно – к равновесию интересов (экономика).

Хофмайстер «ограничивает» область значения философского понятия войны. Во-первых, он утверждает, что война «вплетаена в действительность нашей жизни»¹, и потому может быть понята лишь в этой связи (науки, ориентированные предметно, т. е. «имеющие в виду» отдельные аспекты и проявления, такое понимание дать не способны). Во-вторых, философия не может претендовать на то, что достигнутое понимание непосредственно приведёт к прекращению войн. В-третьих, философия не упраздняет необходимость научного исследования и объяснения ни конкретных войн, ни «технических» вопросов, связанных с ведением войны.

Задача философии, во-первых, «выйти за границы перспективистского мышления и разъяснить, где обретается то духовное место в мышлении и поступках человека, с которого начинаются войны, и почему войны подобно природным катастрофам не останавливаются даже перед достоинством и неприкосновенностью человеческой жизни»; во-вторых, «задуматься о понятии войны может означать лишь одно: раскрыть всю сложность этого понятия, выявив те многообразия и неопределимость, которые делают войну непредсказуемой и потому столь опасной»; и, наконец, в-третьих, «прояснить внутреннюю логику войны и доказать, что это логика политического бессилия,

¹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 12.

т. е. выявить тот источник, который питает зверство войны». Иными словами, задача философии – «прояснить понятие войны и уловить образующее её силовое поле». Однако до всякого исследования Хофмайстер выдвигает императив: война есть «реальность, которую необходимо победить»², т. е. перспектива рассуждения обозначается ясно с самого начала.

Хофмайстер согласен с тем, что, несмотря на произошедшие изменения, «когда сегодня друг с другом воюют отнюдь не только государства», но до сего времени «по своему происхождению государство, политика и война составляют нерасторжимую триаду», и «чтобы продумать понятие войны, отталкиваясь от её происхождения, требуется осмыслить его в соотношении с понятиями государства и политики». Война есть насилие, насилие имеет основание в «природных свойствах человека», но «о военном насилии мы говорим в смысле насилия организованного, и в духе классической идеи государства понимаем государственную власть как особую форму такого насилия»³.

Само государство последовательно представляется Хофмайстером как инструмент, аппарат «организованного насилия», целью которого как раз является исключение любых иных форм проявления насилия (государство есть политическое сообщество, вытесняющее насилие за свои границы; внутри границ насилие приводится в правовую форму), возможность которого укоренена в природе человека. Из соображений удобства на государство «переносится» представление о разумности. Человеческая воля, по Хофмайстеру, существенно разумна, а государственная власть есть разумно организованная «коллективная воля»

² Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 7–17.

³ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 7, 16, 254.

(сам Хофмайстер пишет о «формальной разумности государства»). Насилие в силу ряда причин, которые обусловлены возможной слабостью государства («затмение разума» и «недостаток воли»), способно «перейти границу» и вызвать «внутреннюю» или «внешнюю войну»: слабость власти ведёт к действительности насилия. Поскольку политика формально определяется Хофмайстером как «организация насилия во власть», то «освобождение насилия» означает бессилие политики: «война – это именно политика: политические действия в их безвластии и бессилии»¹.

Итак, мы подошли к основному вопросу о «смысле войны», по Хофмайстеру: человеческая воля, свободная и целеполагающая по своей природе, может быть разнонаправленной: мир возникает как «взаимное признание», война вызывается «отказом от взаимного признания», от спора, от «прислушивания к разумным аргументам противника», т. е. волевым действием насильственного характера².

Люди «по своей природе разумны, свободны, равны»; тождественность в разуме (с поправкой, по Канту, на «не-совершеннолетие», «помешательство» и «свободное самоопределение ко злу» как исключительный случай, имеющий, как мы увидим, важное значение) и случайные расхождения, вызванные набором обстоятельств (культурные, религиозные, национальные различия) являются условием «прозрачной коммуникации», в процессе которой люди договариваются и способны к сообществу, в котором преследуют свои индивидуальные (частные) и общие интересы; высшей, политической, формой такого сообщества и является государство. Политикой в этой связи

представляется управление интересами, т. е. их согласование и приведение к «общему знаменателю», который является тем необходимым «минимумом», который способствует сохранению формального единства сообщества. В нормальном состоянии, когда насилие вытеснено за границы такого сообщества, способом разрешения противоречий является полемика, приведение аргументов, выносимых на суд разума.

Это краткое и упрощённое изложение либеральной теории государства. Сам Хофмайстер утверждает, что либеральная теория государства, в сравнении с Гоббсом и даже Гегелем, ещё более акцентирует свободу и конститутивное значение индивида как автономного субъекта, гражданина (Кант) и лица (Гегель): «Либеральная теория государства, выступавшая в защиту частной сферы, стремилась провести между ними (частным и политическим пространствами) строгую границу и закрепить различие между семьёй, обществом и государством, определяя государство, а равно и общество, не как сообщество, а как сумму различных индивидуумов»; в таком представлении «мышление, говорение и работа – это те формы жизни человека, которые порождают государство. Государственное насилие находится на службе возникновения и сохранения этих форм жизни». К насилию здесь прибегают тогда, когда «невозможно воспользоваться аргументом»: бессилие аргумента оправдывает физическое насилие. Вопрос именно в том, когда и почему аргументы бывают «бессильны»³.

Сам Хофмайстер полагает, как мы уже сказали, что бессилие власти способствует разнуданности страстей; поэтому насилие (правовое) остаётся законным инструментом политики как управления. Но есть 2 более «радикальных» случая. Первый, когда различия между индиви-

¹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 15.

² Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 8.

³ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 74, 87, 120.

дами настолько существенны, что полемика между ними не может даже начаться (например, разная вера). Либерализм решает эту проблему следующим образом: Д. Лал [4] предложил различение «материальных» и «космологических» ценностей: первые – «общие всем» и имеют политическое значение; вторые терпимы до тех пор, пока не препятствуют свободной реализации первых. Материальные ценности – экономические; человек в этой перспективе должен быть представлен через интересы, без остатка.

Собственно, именно о таком «человеке» как «общечеловеке» и рассуждает Хофмайстер: «мир есть равновесие разнонаправленных свободных волей», преследующих свои интересы, которые сравнимы, количественно измеримы, и потому допускают расчёт и управление. Шмитт указывал на «существенную особенность либеральной метафизики» всё представлять как «равновесие интересов»¹, которое достигается в «бесконечной дискуссии», – исключение истины в пользу «организации истины» (Ф. Р. Анкерсмит²).

Стоит только проявиться тени «субстанциальности» в том, что именуется «космологическими ценностями» (на современном языке это называется фундаментализмом), разрешению человека в совокупность интересов полагается предел: политика перестаёт быть управлением и ставится перед необходимостью политического решения: все без исключения либеральные теоретики (Хабермас, Ролз, Эльстер, Анкерсмит и др.) утверждают, что «основные ценности» не подлежат «размену» и должны защищаться «властью институтов»; правовое насилие, допускаемое Хофмайстером, из этого же ряда. В этом дискурсе война представля-

ется как следствие возможного извращения «публичного пространства свободы», которое определяется как «пространство конкурирующих интересов»³.

Однако есть ещё один более интересный и политически актуальный случай: речь о «свободном определении воли ко злу». Результатом такого «самоопределения» является то, что его субъект исключается из «правового порядка» и становится не «врагом», но «чужим». В экономической парадигме политического *действительность* представляется как «раз и навсегда установленная по определённым законам» (Агамбен⁴); политика – как деятельность по исправлению «отклонений», возникших в результате сложного процесса «согласования интересов» (рынок не всегда «справляется»), и возвращению к «норме» (в либеральном порядке достигнут «конец истории»: это утверждение – не причудливая фантазия одного из апологетов данного порядка, но строгий и философски безупречный вывод из основоположений либеральной метафизики); на месте суверена устанавливается «пустое место» (Ф. Р. Анкерсмит⁵): суверен и его решение разрушительно для такого «вечного порядка» (в его номосе «нельзя изменить ни слова») и принцип «верховенства права» исключает суверена; пространство универсально и гомогенно, граница – только фронтир, за которым как раз и обнаруживается не враг, но чужой. Вместо законного врага – преступники (внутри) и «чужие» (за фронтиром). Мы ещё вернемся к этому сюжету, когда будем подводить итоги изложения.

Пока же завершим разбор «либерального понятия войны» Хофмайсте-

¹ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

² Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

³ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 75.

⁴ Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М., СПб: Издательство Института Гайдара, 2018. 552 с

⁵ Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

ра (теперь мы можем квалифицировать именно так его «философское понятие»). Война есть бессилие власти, пытающейся «проявить свою силу в насилии, а не в аргументе»; война также может быть «одержимостью власти, играющей властью и испытывающая патологическое удовольствие от собственного участия – участия ради самого участия», – тогда это означает «подчинение логики политики грамматике войны». «Военное насилие» – только «разрушающая сила», и можно согласиться, что в либеральной перспективе это «не морализаторски-оценочное суждение»¹, если не принимать в расчёт, что в либеральной метафизике нет места «понятию политического»², а политическое последовательно редуцируется к управлению, с одной стороны, и в той степени, в какой нуждаются в отсылке к Канту (за свободным автономным субъектом как «неразложимым локусом социального», по словам Калхуна, принципиальный либеральный индивидуализм), к морали – с другой.

Хофмайстер подводит итог: «Тезис Клаузевица о войне как инструменте остаётся справедливым лишь до тех пор, пока грамматика войны не становится логикой политики»³.

Заключение

«Философское понятие» определяет содержание представления войны, имеющее значение для действительности, всегда представленной парадигматически. Вне границ парадигмы слово «война» фактически используется в качестве «технического термина»⁴, т. е. максимум как «жест», указывающий на «объект»,

но ни малейшим образом не выявляющим его значение (чтобы не сказать смысл). Война может быть представлена и как борьба между законными врагами, и как бессилие политики, наткнувшейся на препятствие в управлении интересами. Во втором случае она может быть описана так, как Шмитт описал справедливую и тотальную войну в новом политическом порядке, и, разумеется, любой разумный человек должен стремиться такой войны избежать. Но преступники и чужие не оставляют выбора: самое либеральное государство должно прибегнуть к имеющемуся в его распоряжении средству, чтобы восстановить порядок: война представляется полицейской операцией по восстановлению порядка. Чужие – вне этого порядка и должны быть ассимилированы им (раньше это называлось колониальной политикой и законным захватом свободной территории); существование чужого – экзистенциальная угроза существованию либерального, по своей природе универсального и глобального, порядка.

Кревельд [3] в своей книге об изменении войны в современности выделял случай «экзистенциального врага»: он не становится «законным», но безусловно является «смертельным»; с ним невозможен мир, но только перемирие для перегруппировки и концентрации сил; он должен быть уничтожен, причём вопрос цены не имеет значения. «Монопольная» или «полипольная» организация универсального глобального порядка – принципиально второстепенный вопрос (хотя политически весьма актуальный); экзистенциальным его может сделать несоизмеримость представлений участников борьбы: пока «один» борется за перераспределение власти в границах существующего порядка, «другой», его противник, может представлять его чужим, – кажется, именно это и является основной опасностью для существования не только политического порядка, даже не для его номоса, но для того, что в традиции не-

¹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 14, 108, 114–115.

² Шмитт К. Политическая теология / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.

³ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 110.

⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

мецкой философской классики называется миром.

Хайдеггер написал о Второй мировой войне: «Невидимое опустошение будет в этой Второй мировой войне большим (и более значительным), чем видимые

разрушения»¹. Нам представляется, что к современным «новым войнам», справедливым и тотальным, это относится даже в большей степени.

Дата поступления в редакцию 25.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
2. Клаузевиц К. фон. О войне / пер. с нем. А. К. Рачинского. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 861 с.
3. Кревельд М. Трансформация войны / под ред. Ю. Кузнецова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
4. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок / пер. с англ. Бю Пинскера. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
5. Людендорф Э. Тотальная война / пер. с нем. А. Петрова. М.: Эксмо, 2015. 442 с.
6. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Биополитическое производство жизни и «новая война»: опыт философского истолкования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 4. С. 86–94.
7. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Ещё к истолкованию «децизионизма К. Шмитта» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 216–229.
8. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 123–134.
9. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. К различению «партизана» и «террориста» в двух парадигмах политического // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 173–184.

REFERENCES

1. Kaldor M. *New and old wars: organized violence in a global era* (Rus. ed.: Appolonov A., Dondukovsky M., trans. *Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v globalnuyu epokhu*. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara Publ., 2015. 416 p.).
2. Clausewitz C. von. *Vom Kriege* (Rus. ed.: Rachinsky A. K., transl. *O voine*. Moscow, Eksmo Publ.; St. Petersburg, Midgard Publ., 2007. 861 p.).
3. Crevelde M. van. *Die Zukunft des Krieges* (Rus. ed.: Kuznetsov Yu., ed. *Transformatsiya voyny*. Moscow: Alpina Biznes Buks Publ., 2005. 344 p.).
4. Lal D. *In Praise of Empires. Globalization and Order* (Rus. ed.: Pinsker B., transl. *Pokhvala imperii: Globalizatsiia i poriadok*. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2010. 364 p.).
5. Ludendorff E. *Der Totale Krieg*. (Rus. ed.: Petrov A., transl. *Totalnaia vojna*. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 442 p.).
6. Maltsev K. G., Maltseva A. V. [Biopolitical production of life and the «new war»: experience in philosophical interpretation]. In *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intelligence. Innovation. Investment], 2021, no. 4, pp. 86–94.
7. Maltsev K. G., Maltseva A. V. [More to the interpretation of «K. Schmitt's Decisionism»]. In: *Izvestiia Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management], 2021, vol. 11, no. 3, pp. 216–229.
8. Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. [Discourses of the new “hybrid” war: content and criticism]. In: *Izvestiia Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii i pravo* [Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law], 2021, vol. 11, no. 4, pp. 123–134.

¹ Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 175.

9. Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. [On distinction between «guerrillas» and «terrorists» in two paradigms of the political]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorii i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 4, pp. 173–184.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Константин Геннадьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: pavic69@mail.ru

Ломак Леонид Леонидович – старший преподаватель кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: parmenid@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin G. Maltsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Shukhov State Technological University;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Shukhov State Technological University;
e-mail: pavic69@mail.ru

Leonid L. Lomako – senior lecturer, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Shukhov State Technological University;
e-mail: parmenid@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломак Л. Л. Война в горизонте «понятия политического» (К. Шмитт) и «бессилия политики» (Х. Хофмайстер) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 124–138.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-124-138

FOR CITATION

Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. War in the horizon of “The Concept of the Political” (C. Schmitt) and “The Impotence of Politics” (H. Hofmeister). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 124–138.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-124-138

УДК 3(091).(049.32).

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-139-143

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**МОТРЕВИЧ В. П. ВКЛАД В ПОБЕДУ: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УРАЛА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ЕКАТЕРИНБУРГ:
ООО УНИВЕРСАЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ «АЛЬФА ПРИНТ», 2021. 700 С.**

Телицын В. Л.

*Институт всеобщей истории Российской академии наук
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32А, Российская Федерация*

BOOK REVIEW:

**MOTREVICH V. P. CONTRIBUTION TO VICTORY: AGRICULTURE
OF THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR. EKATERINBURG:
ALFA PRINT UNIVERSAL PRINTING HOUSE LLC, 2021. 700 P.**

V. Telitsyn

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Leninskii pr-t 32A, Moscow 119334, Russian Federation*

О вкладе советских тружеников тыла (и не в последнюю очередь колхозников) в победу Советского Союза над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. написано и сказано очень много, однако «точку» в исследованиях ставить ещё рано. И уральский историк В. П. Мотревич, считающийся общепризнанным научным авторитетом в области исследований аграрной истории, своей новой монографией заполняет многие ещё существующие исследовательские лакуны.

Автор рецензируемой работы привлёк к исследованию материалы 22 отечественных архивов, как центральных, так и региональных, причём и тех, чьи материалы в силу их специфики редко используются исследователями (архивы региональных управлений ФСБ, архив информационного центра при главном управлении Внутренних дел Российской Федерации).

Но дело даже не в количестве задействованных архивов, а в том, что исследование материально-бытового положения крестьян приводит к выводу, что деревенская действительность времён Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. разительным образом отличалась от устоявшихся в отечественной научной литературе штампов. И это – правда: всегда говорилось об общих проблемах тыла, но никогда – о конкретике.

Изучение таких проблемных блоков, как «землепользование, численность и состав сельхозпредприятий», «материально-техническая база сельского хозяйства», «кадры», «управление отраслью и организация труда», «оплата и материальное положение сельчан», «земледелие», «животноводство», «заготовки и закупки сельскохозяйственной продукции» даёт исследователю возможность подойти к изучаемой теме разносторонне. Каждый из этих блоков ещё и «разбивается» В. П. Мотревичем на отдельные тематические аспекты, которые способствуют изучению социально-экономических процессов, происходивших в уральских деревнях в условиях военного времени 1941–1945 гг.

Уральский регион никогда не считался «сугубо аграрным» (за исключением Башкирии [с. 444] и ряда районов Челябинской области, выделенных впоследствии в Курганскую область). И это не случайно, т. к. ставка с момента освоения Урала делалась на добычу полезных ископаемых и их переработку.

Однако в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. аграрный сектор национального хозяйства Урала (как и в других регионах СССР) обязан был обеспечивать действующую армию и военно-промышленный комплекс продуктами питания (в первую очередь, хлебом) и сельскохозяйственным сырьём. Задача – титаническая, но и саможертвенная, учитывая неаграрный характер «опорного края державы». Документальные материалы дают возможность объективно и всесторонне исследовать, в каких условиях существовали и трудились уральские колхозники в военные годы.

Антисоциально и антинаучно отрицать высокий патриотизм подавляющего большинства советских колхозников, и автор монографии это подчёркивает особо [с. 475], но «под влиянием средств массовой пропаганды отдельные примеры трудовой деятельности стали распространяться на всё крестьянство, что

не соответствовало действительности. Абсолютизация трудового подвига советского крестьянства нашла своё отражение в многочисленной научной литературе, которая в советский период отечественной истории разрабатывалась в основном на открытых материалах партийных архивов и периодической печати. В связи с этим тезис о массовом трудовом героизме советского крестьянства мало вяжется с введением для него «обязательного минимума трудодней с его последующим повышением и целым комплексом других мер административного давления на сельских тружеников», – так считает В. П. Мотревич [с. 229, 475] и доказывает свою гипотезу с опорой на многочисленные архивные источники.

Поразительные по своему трагизму факты излагаются исследователем, но он беспристрастен и откровенен: к началу Великой Отечественной войны сельское хозяйство Урала подошло не в лучшем состоянии. Не хватало всего и вся – техники, специалистов, семян, удобрений, горюче-смазочных материалов и проч. Понятно, что после начала войны ситуация только ухудшалась: шли мобилизации мужского населения, на фронт отправлялись автомобили и трактора, а те, что оставляли, не могли использоваться в полном объёме из-за острой нехватки запасных частей. Даже эвакуируемая из западных областей сельхозтехника нуждалась в ремонте [с. 70]. Мобилизации подлежал и гужевой транспорт.

Ослабление материально-технической базы сельского хозяйства, сокращение трудовых ресурсов деревни требовали организовать деятельность в аграрном секторе таким образом, чтобы максимально использовать все имеющиеся резервы [с. 198]. Несколько сотен постановлений, принятых в 1941–1945 гг. Советом народных комиссаров СССР, касались проблем сельского хозяйства, в т. ч. и организации труда [1, с. 195], которая не удивляла, а, скорее, поражала своей жёсткостью по отношению к колхознику. Партийные,

советские и хозяйственные структуры на местах усиливали эту жёсткость, дополняя указания «сверху» своими распоряжениями, считая, видимо, что лучше разбираются в «местных условиях».

Так, в начале 1944 г. Молотовский (Пермский) областной земельный комитет разработал примерный распорядок дня в колхозах (на время полевых работ), согласно которому с 4 до 8 часов утра колхозники должны были работать в поле, с 8 до 9 – кормить лошадь, с 9.00 до 12.00 дня – работать, с 12.00 до 14.00 – время обеда и кормления лошадей, с 14.00 до 18.00 – работать, затем кормить лошадей в поле и с 19.00 до 22.00 – снова работать. Рекомендовалось также через каждые 50–60 мин работы давать лошадям 10-минутный отдых в борозде. Самим колхозникам отдых не полагался.

Этот режим работы в колхозах оказывался жёстче, чем у заключённых ГУЛАГа: подъём в 5.30; до 6.00 – умывание и уборка помещения; затем завтрак и в 7.30 – выход на работу. Работали заключённые с 8.00 до 12.00, затем часовой обед и снова работа до 17.00. После этого ужин, «последние известия» и личное время.

Способствовала ли подобная заорганизованность росту производства и трудовой дисциплине?

По мнению В. П. Мотревича, установление по сути «мелочной» регламентации трудовой деятельности колхозников в 1941–1945 гг. свидетельствовало лишь об одном – об усилении внеэкономического принуждения [с. 220].

Вообще, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., как отмечает автор рецензируемой монографии, трудовая дисциплина являлась «большим местом колхозной жизни» [с. 227]. Да, трудились колхозники самоотверженно, но, несмотря на войну, фиксировались и многочисленные случаи отказа выхода на сельскохозяйственные работы, которые мотивировались следующим: «Зачем идти работать, где умирают с голода на работе. Лучше умереть дома» [с. 231].

И это несмотря на возможные последствия: невыработавших обязательный минимум трудодней селян исключали из колхоза, лишали приусадебного участка, предавали суду и наказывали исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев. А ответственность за невыполнение обязательного минимума наступала с 16 лет [с. 228].

Но, по мнению В. П. Мотревича, никакие постановления не могли отменить объективные законы экономического развития: крестьяне самоотверженно и без принуждения трудились в индивидуальном («подсобном») хозяйстве, спасавшем от голода его самого, его семью, а ещё и десятки горожан. Индивидуальные хозяйства колхозников из «подсобных» часто превращались в основные.

Почему?

Потому что голод как социальное бедствие существовал все военные годы в скрытой и явной формах. В 1944 г. доля умерших от дистрофии и авитаминоза в Свердловской области составила 36,4% всех смертей, в Челябинской области – 27,4%. В Удмуртии в 1944 г. среди причин смертности на первом месте оставалась дистрофия и истощение, а смертность среди сельчан, особенно детская, была выше, чем среди горожан: в 1942 г. каждый третий родившийся ребенок не доживал до года [с. 268]. Голод и дистрофия приводили к тому, что на Урале нередкими были случаи убийства детей и самоубийства взрослых [с. 269].

От тотального вымирания спасало только «подсобное» хозяйство.

Автор монографии акцентирует внимание на том, что в годы войны индивидуальное хозяйство было для колхозника единственным источником получения картофеля, мяса, молока, яиц, и почти единственным – овощей [с. 258]. Зависимость крестьянства от индивидуального хозяйства усиливалась связью с рынком [с. 258], т. к. государственные поставки промышленных товаров в деревню практически прекратились, а на колхозных

рынках (например, в 1945 г.) крестьяне обменивали на продукты у граждан необходимые для жизни обувь (74%) и ткани (90%) [с. 264].

В. П. Мотревич, опираясь на архивные материалы, доказывает, что материальные лишения советские граждане переносили не только на временно оккупированных территориях, но и в глубоком тылу. По его мнению, «кошунственными» являются выводы ряда авторов о том, что советские граждане в течение всей войны бесперебойно снабжались необходимыми объёмами хлеба, а продовольственная проблема в годы войны «была успешно решена».

Мало того, бедственное положение рядовых колхозников с одной стороны, и откровенный произвол советско-партийных руководителей различного ранга и уровня – с другой, являлись причинами огромного количества экономических преступлений, совершённых в 1941–1945 гг.: это и «разбазаривание» продуктов, скота, сельскохозяйственного инвентаря, и авансирование колхозников не по выработанным трудодням, а по заявлениям и просьбам, и списание недостач при инвентаризации, и расход сельскохозяйственной продукции под видом общественного питания, и самовольное и беспричинное изъятие у колхозов для нужд различных «руководящих» организаций и лиц продуктов и сельхозсырья [с. 274]. Всего по неполным данным только осенью 1943 г. и только в Свердловской области за хищение колхозной собственности было осуждено 833 чел.; из них за хищения зерна – 150 чел. [с. 277]. А всего в 1941–1945 гг. за хищение и порчу зерна в СССР было осуждено 247,7 тыс. [с. 278].

В. П. Мотревич прав и в своём утверждении, что в годы войны усилилась подмена советских и хозяйственных органов партийными структурами, сосредоточившими необъятную власть, делало их по сути «неприкасаемыми» со стороны закона. Это не только вызывало критику со стороны колхозников, но подрывало заинтересованность их к труду в обще-

ственном хозяйстве. Тем не менее миллионы крестьян продолжали трудиться на полях, фермах и МТС. Конечно, это было результатом роста патриотизма в годы войны. Однако одним патриотизмом компенсировать ухудшение материально-технического снабжения и нехватку рабочих рук было невозможно. Милитаризация труда и усиление административного давления – вот ещё 2 компонента, которые способствовали обеспечению армии и рабочих ВПК необходимым продовольствием. Но это крайне негативно отражалось на состоянии аграрного производства и в регионе, и в стране [с. 533].

Исследование особенностей материально-бытового положения рядовых колхозников Урала привело автора монографии к выводу, что отношение колхозников к установленным советской властью в деревне порядкам было различным: большая часть оставалась лояльной, однако многие крестьяне в обстановке нищеты и бесправия проявляли недовольство. Это выражалось в «скрытых формах социального протеста» [с. 535].

О чём говорят приведённые и проанализированные в рецензируемой монографии факты? О переплетении трагического и героического, обыденного и возвышенного – и для страны в целом, и для региона в отдельности, и для каждого человека.

В условиях тяжелейшей войны, отмечает В. П. Мотревич, используя всю свою мощь, власть пошла на максимальное ограничение потребления гражданского населения, сконцентрировав все средства и силы на ВПК, на снабжении армии необходимым продовольствием. Автор рецензируемой монографии считает бесспорным факт, что во время войны «сверхцентрализм» и административное принуждение сыграли свою роль в мобилизации ресурсов и явились «одними из главных факторов Победы». Однако достигнуто это было за счёт колоссальных жертв, в т. ч. и принесённых крестьянством [с. 540].

Таким образом, патриотизм – это одна сторона медали, вторая – мобилизация всех сил и средств, направленная на решение сугубо административными мерами всех проблем, стоящих перед сельским хозяйством в области снабжения, организации труда, сбора и сохранения урожая, с учётом всех (или большинства) трудностей, вызванных не только военным временем, но общим состоянием дел в аграрном секторе. Люди даже в условиях войны, даже понимая, что от их труда зависит спасение

страны, оставались людьми со своими проблемами, переживаниями, моралью, привычками, отношением к «малому» и «большому» мирам. А потому не стоит противопоставлять патриотизм и повседневность, важно понять, как они «уживались», что брало вверх, от чего пришлось отказаться, а что настолько въелось в кровь и плоть российского крестьянина, что «вывести» не представляло возможным.

Дата поступления в редакцию 31.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН;
e-mail: telitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim L. Telitsyn – Dr. Sci. (History), Prof., Leading Researcher, Scientific center «XX century: sociopolitical and economic problems», Institute of World history of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: telitsyn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Телицын В. Л. Рецензия на книгу: Мотревич В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2021. 700 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 139–143.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-139-143

FOR CITATION

Telitsyn V. L. Book review: Motrevich V. P. Contribution to Victory: Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. Ekaterinburg: Alfa Print Universal Printing House LLC, 2021. 700 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 139–143.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-139-143

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru) и Вестника Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки (www.istpolitmgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
e-mail: info@vestnik-mgou.ru

Сайты:

www.istpolitmgou.ru;
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 11.

Подписано в печать: 24.10.2022. Выход в свет: 31.10.2022. Заказ № 2022/10-02.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А